

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№2 &

ТАМБОВ • 2022

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 24

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

- Алёшин О.В. (Тамбов), *член Союза писателей России,
главный редактор «Рассказ-газеты».*
- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук, профессор.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России,
литературовед, кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России,
почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России,
заместитель главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России,
руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор,
директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени
А.С. Пушкина.*

ISBN 978-5-6049303-0-4

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Заклинание

Спросит едва ли
Родившийся в мир:
«Звали?
 Не звали?
На бой ли?
 На пир?»

Белая лебедь,
Вскинется мать:
«Звали – лелеять,
К груди прижимать!»

Скажет отец:
«Звали избу рубить».
Девочка робко прошепчет:
«Любить».

Скажут моря:
«Поднимать якоря».
«Миру дивиться», –
Молвит заря.

Сердце – как солнце,
Путь его – ввысь.
Дело найдётся –
Только явись!

Мария ЗНОБИЩЕВА,
член Союза писателей России

Пробуждение души: первая встреча с музыкой С.В. Рахманинова

(Очерк к 150-летию со дня рождения великого композитора)

Музыка присутствует в жизни каждого человека, кем бы он ни был, чем бы ни занимался. Это «присутствие», конечно, разное: кто-то просто слушает, иногда не очень-то вслушиваясь, кто-то с наслаждением внимает звукам, а кто-то занимается музыкой профессионально. Без музыки, как без искусства вообще, невозможно представить ни прошлую жизнь, ни настоящую, и мы воспринимаем её присутствие как неотъемлемую часть нашего бытия.

В разные периоды мировой истории и истории нашей страны музыка была разнообразной – по жанрам, по мастерству исполнителей, по талантливости композиторов, но она была всегда. Наряду с классической музыкой в разное время появлялись «тяжёлые» формы, «модерн-новшества» (они и до сих пор есть), но им никогда не удавалось отодвинуть классическую музыку на задний план. Уверена: не удастся и впредь, потому что только настоящее искусство способно пробудить душу, возвысить её, даже вдохновить человека на подвиг. И это – именно классическая музыка...

Среди творческих людей музыка особенно близка, наверное, поэтам, что естественно, ибо эти два вида возвышенного искусства неразрывно связаны между собой, объединены бесчисленным множеством песен, романсов, опер. Можно назвать много имён поэтов, особенно Серебряного века, для которых музыка была неотъемлемой (и необходимой!) частью их жизни и творчества. В стихотворении, посвящённом Дмитрию Шостаковичу, Анна Ахматова написала о музыке:

*Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.*

Эти и ещё многие строки поэта, написанные в разные годы, свидетельствуют о том, какое значительное место занимала музыка в жизни и творчестве Анны Ахматовой. В многочисленных «поэтических сборищах» поэтов присутствовали композиторы и музыканты-исполнители, и наряду со стихами всегда звучала музыка.

Если в XX веке, особенно во второй его половине, композиторы, словно соревнуясь, сочиняли музыку к стихам многих известных поэтов, вследствие чего появились сотни хороших песен, то в эпоху Серебряного века творческое содружество, порождающее новое произведение, было не таким частым. Так, из

композиторов-классиков только Сергей Прокофьев создал в 1916 году вокальный цикл на стихи Анны Ахматовой, а композиторы Игорь Стравинский и Дмитрий Шостакович, чьё творчество развивалось в одно время с творчеством Анны Ахматовой, почему-то не вдохновились на создание произведений на её стихи, что, безусловно, по воспоминаниям современников, огорчало Анну Андреевну. Подобные обстоятельства она называла «не встречей»...

«Не встречей» можно объяснить и отсутствие имени Сергея Васильевича Рахманинова не только в числе любимых композиторов, но и в числе тех, чьи произведения звучали на «поэтических сборищах». Хотя Анна Ахматова, в беседах с композитором Алексеем Фёдоровичем Козловским, называла в числе высоко ценимых ею романсов «Сирень» Сергея Рахманинова.

Возможна и такая причина «забвения» жившего за границей Рахманинова: в непростые годы творчества Ахматовой и других поэтов и композиторов исполнять и слушать «эмигранта» было небезопасно. А то, что он переводил гонорары от своих концертов на нужды Советской армии, особенно не афишировалось...

Но вряд ли кто будет возражать, что музыка Сергея Васильевича Рахманинова не оставляла равнодушными самых взыскательных слушателей. Многие десятилетия пробуждают человеческие души произведения композитора, написанные в разные годы, в разных местах, в том числе и на Тамбовской земле, в родной Ивановке...

Люди разных поколений, разных профессий вспоминают свои первые встречи с музыкой Сергея Васильевича Рахманинова.

В годы моей учёбы в Тамбовском педагогическом институте лекции и семинары по литературе, по выразительному чтению часто сопровождались прослушиванием музыки с виниловых пластинок. Тогда обязательным было использование на занятиях так называемых «технических средств». Мы слушали

выдающихся чтецов Качалова, Яншина, Москвина, многих других, чьи записи сопровождалась музыкой Чайковского, Моцарта, Рахманинова. И если произведения первых двух композиторов были мне знакомы по любимым «Временам года» Чайковского и по «Реквиему» Моцарта, то Рахманинова я услышала тогда впервые. Это был Второй концерт для фортепиано с оркестром. Когда по программе был Пушкин, мы слушали отрывки из оперы Рахманинова «Алеко». Много позже, совсем уже в зрелом возрасте, в узком кругу слушали (опять же с пластинок) симфоническую поэму «Колокола», «Всенощное бдение», романсы на стихи русских поэтов... Удивительное состояние было после таких «концертов». Мы представляли себя в огромном зале и каким-то внутренним зрением видели сидящего за роялем великого композитора-исполнителя Сергея Васильевича Рахманинова...

А вот воспоминания о первой встрече с его музыкой авторов стихотворений, посвящённых композитору, – Александры Николаевой, Марии Знобищевой и Александры Полозовой. Их стихи можно прочесть в третьем издании сборника «Венок Рахманинову», изданному в Тамбове.

* * *

Александра Николаева. Знакомство с музыкой Сергея Васильевича Рахманинова для меня началось с телеканала «Культура». Моя бабушка очень любила классическую музыку и часто слушала концерты, которые показывали здесь. Говорят, что маленькие дети не могут понять классическую музыку, что она слишком сложна для восприятия тех, у кого нет достаточного образования и жизненного опыта. Но я до сих пор прекрасно помню, как зачаровали и околдовали меня необыкновенные звуки, доносившиеся из зала, где находился телевизор. Так, что я не могла не выбежать им навстречу, мечтая, как птица, улететь в те далёкие неземные края, откуда они появились: где небо ещё голубее и прекраснее весеннего неба за окном, где растут самые удивительные душистые цветы, а в реке – прозрачная вода и по ночам отражаются золотые звёзды.

Это знаменитый американский пианист Ван Клиберн играл первую часть Концерта № 2. «Кто написал эту песню?», – спросила я бабушку, тогда не зная ни о концертах, ни о других жанрах симфонических произведений, и впервые услышала фамилию «Рахманинов». Рахманинов! Самый последний из романтиков в мировой музыкальной культуре, современник поэта Блока и художника Врубеля, невероятно близкий им по мироощущению творца накануне краха целой эпохи, страшной войны и революционных потрясений. Разве не вторит широта и мощь музыки «Второго концерта» блоковским строкам о сказочной Руси, которая «и во сне необычайна», «опоясана реками и дёбрями окружена»? А в Алеко из одноимённой рахманиновской оперы как не узнать черты угрюмого и мятежного «Сидящего Демона» Врубеля, до сих пор магнетизирующего своим взором посетителей Русского музея?

Позднее мне довелось побывать в Ивановке, где Рахманинов провёл столько месяцев, насыщенных творчеством, посетить экспозицию в Доме-музее,

вдохнуть запах цветущей сирени, так вдохновлявшей композитора, и услышать Концерт № 2 «вживую», уже в исполнении блистательного пианиста настоящего времени – Николая Луганского. Но тот первый, почти бессознательный опыт соприкосновения, даже срастания с гениальной музыкой я не забуду никогда.

И не могли не появиться у меня стихи, посвящённые Сергею Васильевичу Рахманинову, чья музыка способствовала пробуждению души:

Раскрыты окна в сад и зеркала,
Рояль массивный посредине зала.
В Ивановке весной расцвела
Сирень, какой на свете не бывало.

Резца и кисти, и карандаша
Ей чужды прихотливые движенья.
Цветка неуловимая душа
Лишь в музыке находит воплощенье.

Сирени белопенную волну
Творицу приносит звёздный сумрак мая,
Чтоб ночь не спать и слушать тишину,
В мелодию её преображая.

Рахманинов не отпускает рук
От клавишей рояля чёрно-белых,
И музыка окутывает тело
И дом, и сад, и целый мир вокруг.

Запечатлела нотная тетрадь
Рождение таинственного чуда...
И Мастер знал, что музыка повсюду
Весною будет на земле звучать*.

Мария Знобищева. Первая встреча с музыкой Рахманинова случилась у меня в 9 лет, когда всем классом нас возили с экскурсией в Ивановку. То было время первой любви (настаиваю на этом слове со всей серьёзностью взрослого уже человека). Стояли ласковые дни мая, цвела сирень. С нами поехала мама тайно любимого мною мальчика. Она сказала, что надо найти пятилепестковый цветок сирени и съесть его, чтобы исполнилась мечта. Все принялись искать и цветок, и счастье. Особенно старался тот мальчик.

Экскурсовод вышла к нам и пригласила всех в дом, а я решила отстать от остальных, но всё-таки найти цветок с пятью лепестками, чтобы подарить его мальчику. Когда, шлёная бахилами, я с опозданием вошла в тихий торжественный зал, места не нашлось. Учительница сделала мне замечание и велела тому

мальчику подвинуться, чтобы я смогла сесть. Мне страшно было дышать. Щёки залил румянец. Не глядя на мальчика, я передала ему измятый лиловый цветок с пятью лепестками.

В тот момент, когда наши руки встретились, зазвучала музыка: Рахманинов. «Сирень». Помню, что чувствовала кожей, как вместе с аккордами дождевые капли падают на тёмные гроздья цветов, как тяжелеют склонённые ветки, как над пышными шапками цветов качается небо. Затем зазвучали «Колокола». Так же больно и огромно билось моё сердце.

Это были минуты абсолютного счастья. С тех пор Рахманинов для меня – таинственный соглядатай сердечных тайн, музыка влюблённой души, ослепительное воспоминание счастья...

Александра Полозова. Иногда яркие юношеские впечатления не увядают на протяжении всей жизни. Они, конечно, уходят на время в тень, уступая место мимолётному новому, но стоит только чем-то знакомым всколыхнуть тишину души, как они вновь и вновь разгораются животрепещущим пламенем...

Будучи ученицей фортепианного отделения музыкальной школы, а после – студенткой музыкального училища имени С. В. Рахманинова, я сама никогда не имела в репертуаре произведений Сергея Васильевича. В моих программах чаще звучали Моцарт и Бетховен, Мендельсон и Дебюсси, Скрябин и Прокофьев. Но внутреннее прочтение рахманиновского музыкального текста и эмоциональный восторг доводилось испытывать при выступлениях своих коллег-музыкантов. Мне казалось, что нужно иметь не просто существенную техническую подготовку, а более всего отвагу и смелость, чтобы исполнять его музыку.

Нередко доводилось быть ведущей концертов в легендарном зале Тамбовского музыкального училища и в буквальном смысле с замиранием сердца слушать, стоя у выхода на сцену, свои любимые «Мелодию», «Элегию», «Полишинель» Прелюдию D-dur. Они очень разные, но одни из первых, которые, каждое по-своему, меня впечатлили. Скорее всего, и это ещё из детства, самой первой меня очаровала «Элегия».

Помню, как моя близкая подруга, оттачивая фортепианную партию Концерта для фортепиано с оркестром № 2 С. В. Рахманинова, просила меня исполнять на втором рояле партитуру самого оркестра. Необыкновенный душевный подъём овладевал нами от непосредственного погружения в его просторные фантастические гармонии...

Ах, этот чудесный май 1987 года! Мы, выпускницы четвёртого курса, едем в Ивановку! Первое посещение уцелевшего флигеля, его добрый уют и нежная сыроватая прохлада. Люди, казалось, не ходят, а летают. Рядом много знаменитых музыкантов: Валентина Левко, Александра Стрельченко, Ольга Доброхотова, Михаил Плетнёв. Ольга Ивановна Доброхотова подарила мне книгу Аркадия Клёнова «Там, где музыка живёт» с дарственной надписью. Так начиналась моя любовь к Ивановке...

Здесь действительно живёт музыка. Её незримая колыбель – рядом с

роялем Сергея Рахманинова в крошечной комнате маленького флигеля. И все любящие её стараются приехать сюда, чтобы ещё раз насладиться волшебными звуками, пробуждающими душу...

* * *

Можно привести ещё немало воспоминаний тех, кого очаровала музыка Сергея Васильевича Рахманинова, чьи души она пробудила. Не случайно ведь поэты посвящали и посвящают ему стихи, идущие из самой глубины сердечной, не случайно знаменитые исполнители включают в свой репертуар произведения этого выдающегося композитора.

Рахманиновской музыкой был вдохновлён Народный художник России Евгений Владиславович Рябинский, написавший картину «Прощанье с Родиной», которая вдохновила и меня на создание цикла стихов, посвящённых «великому музыканту вся России, бессмертному музыканту вся Земли...»

Всея России музыкант

1.

Тоска... Тоска... (Укрыться где бы?)
Вновь в сердце заползла змеей...
Черна земля черно и небо.
И он – меж небом и землёй

Стоит – один на белом свете.
В какую устремился даль?
«А даль черна», – доносит ветер.
«Черна, – он скажет, – как рояль...»

И время в клавиши ударит,
Огнём холодным обожжёт.
Рахманинов... В какие дали,
Какая музыка зовёт?

В какие дали? Если б ведал,
Куда с ивановской земли?
За чёрной далью – беды, беды,
Чужая родина вдали.

Но если бы его спросили:
- Кого без памяти любил?
Ответил бы: «Одну Россию.
Ей до кончины верен был».

Наталья УНГЕРОВА

Привези мне яблочк подмороженных

Стихи

* * *

Стояла одиноко и ждала,
Когда другая рядом восхолмится
Обычная тамбовская земляца,
Нам было здесь написано родиться;
И вот стоят теперь, как два крыла,
Раскинутые с севера на юг,
Крестов родных надтреснутые брусья.
Здесь, только здесь так остро пахнет Русью,
Сырой землёй и болью от разлук.

Был за оградой прежде огород,
На нём работа день и ночь кипела.
Но умершее огорода тело
Теперь в себя вберёт за родом род.
За рядом ряд. Растёт трава, чтоб таять,
Шуршат венков поблёкшие цветы.
И как цветок сюда приходишь ты,
Живая, подрастающая Память.

Ты вслушаешься в эту тишину,
Прадедушке расскажешь про войну,
Где непременно победили «наши».
Тебя по праву внучки обниму,
И ты поймёшь, что в цвет травы раскрашен
Твой самолёт и маме он не страшен –
Благодаря ему.

Из цикла «Воспоминания»

Друг за другом

Такую, как была, уже не встречу,
Лишь в памяти хранится старый дом,
Где прежним остаётся только ветер
Да сено с перекошенным горбом.

Соседские берёзы поредели,
А как шумели первую листвою!
Я больше не встречала, в самом деле,
Весёлости взъерошенной такой!

Порог скоблили, чистили ножами,
Топили печь... Так было много лет.
Хозяина недавно провожали,
Берёзы – есть, а кто сажал их – нет.

В развалинах весною птицы вьются,
Фундамента шершавый лоб суров.
Но семена настойчиво пробьются
Сквозь неподъёмность каменных основ.

Так жили здесь без лишних проволочек,
Влюбляясь, провожая насовсем,
Встречая вновь, сынов рожая, дочек,
И не стесняясь, что живут как все,

Что друг за другом уходили просто,
Одной дорогой – ею жизнь и мерь –
От старого до нового погоста,
Он широко раскинулся теперь...

Час перед рассветом

Час перед рассветом –
Думная пора.
Для чего одета
В лунный свет гора?

Для чего тревожным
Видится густой
Ивник придорожный
Да воды застой?

Ни тревог не скроешь,
ни печальный вид;
И глаза закроешь,
А туман – стоит.

И точней не будут
Контуры видны.
Мы с тобой прибудны,
Временны, чудны.

Нечего не жалко
В этой тишине,
Пусть поплачет чайка
Только обо мне.

Как гора поката! –
То ль поклон годам?
Что ещё не взято,
С лёгкостью отдам.

Это утра свежесть
Или ночи смерть?
И глаза не смежить,
И смотреть – не сметь!

* * *

Привези мне яблочк подмороженных,
Ветку астры синей засуши,
Чтобы этой веткой осторожно
До моей дотронуться души.

Отоспишься – созвонимся-спишемся,
Расспрошу, как встретили тебя,
Так же ль в Иноковке нашей дышится,
Много народилось ли ребят.

Тётя Тоня наша сердобольная
Наварила ль на зиму ликёр.
Юбилейной встречей довольная,
Как трясла натоптанный ковёр...

Ух, октябрь! Когда теперь мы встретимся?
В иноковской потопчусь грязи?..
Яблочных сушонок, что колечками,
Ветку астры синей – привези!

* * *

Вот это всё, что ждать от января
Приходится, ещё надеясь в детство
Вернуться и набрать себе наследства
Из рваных книг и нитки янтаря.

Пусть почерневших бусин блёклый блеск
Пробьётся в мир сегодняшней навряд ли.
Зачем-то этим утром я нарядна,
А дождь, стекло царапая, залез

Ко мне в воображаемые стены,
Где фото прилепив на пластилин,
Вообразила выставку картин,
Которые, как я сама, «бесценны».

* * *

На прогулки простодушные
У судьбы я отпрошусь.
Там – кузнечиков послушаю,
Улицами надышусь.

Набреду на железячины
У соседкиных ворот –
«Кузница была... как давича!..»
– а теперь – игра ребячая,
Мы здесь строим самолёт.

Без сомнения, взлетит он ввысь
Над лесочком у реки!..
Наша маленькая Лето-пись,
Наши длинные деньки!

* * *

Мы уходили до темна гулять,
Пока вы были, как всегда, при деле.
Теперь мы можем смело вам сказать:
Спасибо, что тогда не доглядели.

На край села – да разве это край!
За старым домом балка с ежевикой...
(Ты хоть сейчас о том не причитай.
Ты и сама ведь к странствиям привыкла).

Ведь мы же «по делам», не от балды!
– Уж слишком долго на селе затишье!..
Ты лучше вспомни «райские сады»,
Через плечо – ведро для дикой вишни...

Мы счастье получали не взаймы,
Весомость дней и невесомость в теле.
Варенье, осы... и летели мы –
А ведь и правда, мы тогда летели.

* * *

Да, было вам, о чём переживать.
Но разве это ль – «детство непростое»?
Мы ж не в Сибирь сбегали торговать
И не дышали воздухом дальстроя.

Мы ковырялись где-то за двором
В заброшенных остатках прошлой жизни,
Пока наш телевизор топором
Рубил на чёрно-белое отчизну.

Но чёрно-белых мы не помним дней,
А телевизор и такой годится.
Ведь майки с чип-и-дейлом поважней
Навязчивой настроечной таблицы.

Что породит пузатый твой экран,
О господин Великий Телевизор?!
Едва стоял уже Афганистан...
А во дворе – разборки с детским визгом...

Порядки

Улицы-не улицы – порядки –
Клюев, Самодуровка, Затон...
Тут и там – дерюжки, тяпки, грядки...
Лишь порядка нет при всём при том.

Наперегонки с соседом бьёшься,
Первым упахаться – это честь.
Нет, не баба здесь я, просто лошадь,
Ни остановиться, ни присесть.

Сорняки, свои расставив сети,
Вьются по картофельным кустам.
Сладок дым от сорняков от этих,
Почему ж от сора сладко нам?

А уходишь с огорода – темень –
Где ростки, где сор – не разобрать.
Не очароваться бы не теми,
Сгоряча своих не обругать.

Кто сказал, что нет теперь порядков?
Память не предаст, не убежит.
Если дым то горек мне, то сладок,
Может, упорядочена жизнь?..

Из цикла «Испанские тетради»

Июль

Причудливо смотреть в июле
На всё, к чему душой прирос.
Вот так похож на Гелескула
Тот остроскулый мой утёс.
Будильник, взяв меня за локоть,
Пробудит музыкой легко.
И был бы чёрен утром кофе,
Когда б не чайки молоко.

* * *

Так неизбежен дождик, словно рок,
Тот чёрный рок, что в миг разрушит счастье.
Ах, мальчики, вы в этом светлом классе
Свой главный не получите урок,

Конечно. Но читайте между строк,
Между листами, вымокшими в парке,
Пусть вам кого-то снова станет жалко,
Какой иначе от уроков прок?

Вот, паутинки тросточкой уняв,
Прошёлся мимо нашей школы Пришвин,
Он посмотрел на радостных мальчишек,
Не обвинив в той радости меня.

Нет, не читают мальчики стихи
Теперь, их посвящать мечтая девам.
Себя виню за то в минуты гнева,
Но разве эти мальчики плохи?

О, мальчики, нескладный шумный «хор»!
...А на скамейке вымокшего сада,
Кляня невинный дождь, сидит Мачадо,
В безумстве повторяя: «Леонор...».

* * *

Пойму, что все метанья праздны;
Подобно знатным «Новым басням»,
Я, подражая Ибанезу,
Вдруг озадачусь переездом –

В деревню, Подмосковье, хутор...
Быть может, поступлю я мудро,
Или же будет только прихоть.
Там говорят, наверно, «ихний»...

Смогу смириться я и с этим,
Смотреть, как копошатся дети
Мои букашками в траве,
С крестьянским ветром в голове.

* * *

Упрямый мрамор расправил плечи,
Струей фонтана весна искрится,
Взлетает радость на крыльях птицы
И серебрится в глазах скворечных.

Спустился полдень, звеня лучами,
Вином стихов наполняя чашу.
Фонтан приветлив, стихи – бесстрашны.
Смотри, к фонтану идет Мачадо!

И благороднее андалуса
Мохнатый ослик идёт из леса,
Неся приятным, весёлым грузом
Привет забытого Хименеса.

Какой предлог для внезапной грусти
И потаённой Вы здесь найдёте?..
Гроздь винограда ныряет в полдень
Упругой рыбой, игривой, шустрой.

Он ждёт утраты, как древо в мае
Вдруг содрогается в келье сада,
Ещё цветёт, но уже вдыхает
Беду осеннего листопада.

Как чётко контур, Антоне, джуже,
Точёной чаши. Вода струится...
Когда нам кто-то безмерно нужен,
Он обязательно повторится.

Из цикла «Первоцвет»

* * *

Заветное осеннее страданье –
А больше и не надо ничего.
Волнующую нежность пеленанья
Я сберегла для сына своего.

Лисицы в шубки новые одеты,
В глубоких норах спрятались ежи...
Последний узелок завяжет лето
На полотне созревшей к сроку ржи.

Взметнется стриж, влюблённый в невесомость,
И золотой осколок колоска
Уронит, как сентябрь роняет скромность
Листком с осиротевшего вяза.

Ты, как и я, в осенний день доверчив.
Волна небрежно трогает гранит.
О, этот шум – он тишины предтеча! –
Не Бог ли это с нами говорит?

Принцу

Ты лежишь в своей кровати
Удивлённым воробьём,
И добро ползёт на лапках
Рыжим шустрым муравьём.

У дворца – узор калитки
Разукрасит твой мелок...
Робко трогаешь улитку –
Пухлый, добрый узелок.

Может, посетит Добрыня
Краль-Николовский дворец,
И протянет август сыну
Детства тонкий леденец.

Ты мой принц, мой воробьишка,
– Сказкою из-под пера!
Засыпай скорей, сынишка,
Принцу спать давно пора!

Месяц покачнёт кроватьку,
Обещая пиво-мед.
Спи, мой добрый, сладко-сладко,
Родина героя ждёт.

Озёрное

Озёра тобой любуются,
Твоей босоногой ходьбе,
Голубятся и голубуются,
Как блюдца от рук, волнуются
И радуются тебе.

Ты будь им и друг, и рыбёшка,
Ныряй в них всею душой,
А если боишься, так что же? –
И я ведь порою тоже
Забуду, что стала большой.

Волнение становится тише,
Твоё, не моё только лишь.
Ты тихо идёшь, как камышек,
По камешкам бродишь – шуршишь.

Какие места просторные –
Совсем неохота назад.
И лишь наблюдаю озёрные,
Твои озорные глаза.

* * *

Покачнулась гордая планета,
Хрупкая, как шар из хрусталя...
На пододеяльнике – ракета,
Марс, Венера, Солнце и Земля.

Пальчиком покажешь синий спутник,
Зная без ошибки сателлит.
Это он тебя в ночи как будто
От тревог мальчишеских хранит.

Что приснится в сумерках холодных
Необъятной маленькой душе?
Свет мой добрый, мир мой первородный,
Крепни с каждой ночью, хорошей!

Вот кольцо планеты – ты так любишь
Показать его на мой вопрос...
...В кулачке колечко приглубишь –
Значит, ты совсем уже попрос.

Горько сына отдавать невесте.
И ещё горше – не отдать...
Снова утро нам приносит вести,
Но не те, что хочется узнать.

Далеко в раздумьях убежала...
Гулко бьётся сердце в тишине!
Я не для того тебя рожала,
Чтоб бояться мыслей о войне.

* * *

Уютен лес. Уже вторые сутки
Стоят, одевшись в снежные платки,
Деревья, взяв на ветки как малюток
Тугие снеговые завитки.

А в доме тихо лишь белеют стены,
Неся свой свет для нас из темноты.
Я потеплей тебя ко сну одену,
Опять дивясь ресницам – как густы!

Ты хочешь спать, но сон ещё не крепок.
Фонарь спрячет дудочку луча.
Мы в сотый раз перечитали репку,
Дивясь сноровке мышки-силача.

Усни теперь. Потом займёшься делом.
На тех глядя, кто старше по годам,
Ты тоже станешь сильным и умелым.
Ты и сейчас сноровист и упрям.

Перед делами важными не струсишь.
«Пуховый» сон твой светел как и мой.
Уютен лес. Тебе приснится пусть он.
Ты из него – всегда иди домой!

Елена ЧИСТЯКОВА

Сага о деревеньке Выселки

Повесть

Как всё начиналось...

Дед Савватей торопился, перебирая подшитыми серыми валенками, которые носил, невзирая на времена года, всегда. С усилием налегая на бадик, тащился к автостанции, норовя успеть к отъезжающему в областной центр автобусу. Плетёная авоська оттягивала руку, но не бросишь же. Супружница, Мария Ермолаевна, уж вторую неделю лечилась в областной больнице. Дочери ездили пару раз, а вот он не сподобился. Да нет, не то чтобы не сподобился или не захотел, силёнки уж не те, восьмой десяток, поди, да и обувка у него колоритная больно, а другую не наденешь, ноги от неё дюже мозжат, так мозжат, аж искры из глаз сыпятся. Да и, пожалуй, в городе-то не поймут: летом – да в валенках!

Вывернувши из-за угла крайнего в проулке дома, увидел, наконец, и автобус, и людей, в него садящихся. Знакомая молодуха намеревалась проведать мужа в той же больнице. Дед упросил взять передачку для жены.

Ох! Не успеть мне! Телепаясь медленно, вот же старо бадло! – запыхавшись, выругался про себя дед Савватей. Однако успел.

Женщина, увидев деда, заулыбалась. Она одиноко топталась возле автобуса, озираясь, поджидала именно его:

– Уж не чаяла дожидаться! Плетёшься еле-еле, дед, а наложил-та, наложил! – удивилась она, – чего авоську-та так раздуло?

– Есть с чего, – тяжело, с присвистом дыша, отвечал Савватей, – я ей петицию накарябал, внутри лежит, приказал, чтобы всё съела! Там десяток яичек вкрутую, курёнок отварной, баночка варенья да миска творога – со сметаной намесил. Так... вроде и всё!

– Ты никак рехнулся, дед? Десяток яиц! В крутую! Кто жа их съест-та? Бригада, нешто, строительная, а?

Высморкавшись в большой носовой платок, дед Савватей невозмутимо изрёк:

– А как хочет, пущай хоть всей палатой наворачивают, чтобы добро не пропало, – потоптался, – ну, давай, чеши. Счастливо! Скажи, мол, всё нормально, живём – мякину жуём, – пробурчал он в спину женщине, когда за той почти захлопнулись створки дверей автобуса. Он тут же тронулся, будто только и ждал задержавшуюся пассажирку. Впрочем, так ведь и было.

Дед Савватей, проводив взглядом удаляющийся автобус, решил передохнуть перед обратной дорогой на лавочке возле кассы. Подойдя, увидел сидящего там молодого человека. Рядом стоял рюкзак, а парень, склонив голову, вяло чертил что-то палочкой на песке. Его поза выражала уныние и безнадежность.

– Здравия желаю, – зачем-то по-военному поприветствовал незнакомца дед Савватей, – ничего, коль присяду?

Парень живо вскочил, с готовностью сдвинул в сторону рюкзак:

– Присаживайтесь, конечно.

– Далеко ли путь держим? – полюбопытствовал дед.

– Вот теперь и не знаю, как быть.

– Да, не позавидуешь тебе. Во-о-н, когда тот, – дед Савватей указал на удаляющийся автобус, – сгоняет в город, а потом возвратится назад, часов этак через пяток, тогда и будет тебе следующий. Попуток тоже вряд ли сегодня дождёшься. Можно, конечно, и пешочком, да скучно будет, поди.

Помолчали маленько.

– А ты по делам аль как? – опять поинтересовался дед.

– Да вроде как по делам. Мать у меня из этих мест, а живём мы в Сибири. Вот и тоскует она, во снах видит. А я сейчас в отпуске. Попросила съездить, у неё не то уж здоровье, ноги больные. Приказала всё посмотреть, везде побывать, кладбище посетить, со стариками поговорить – может, кто её родителей помнит ещё в Выселках.

– Ой! Мил друг! – дед оживился, – как там тебя? Я вот – дед Савватей, так все величают.

– Фёдор.

– Ну вот чево, Фёдор, ты попал куда надо. Пойдём-ка ко мне. Я сейчас один, без бабки пока проживаю. Посидим, покалякаем о разном, а то и ночевать оставайся. Тебе повезло. Я те Выселки вдоль и поперёк исходил. Знаю всех там, кто нынче живёт, и кто раньше жил помню, подскажу. Всю историю этих мест знаю. – И, помолчав, с надеждой спросил, – ну, так как?

– Да я не против, спасибо вам! – Фёдор решительно подхватил рюкзак.

– Ну и правильно, и правильно, пошли што ль? – загоношился дед Савватей, в надежде заполучить приятного собеседника.

Поставив перед гостем большую кружку молока, высыпал в миску горкой пряники:

– Давай, Фёдор, не стесняйся. Вот тебе и жамочки «Комсомольские» – обливные, мягонькие. Давай, наяривай. В Сибири таких, поди, нету, жамочек-то?

Фёдор деду не возражал.

– Так как, ты говоришь, твоих-то величали? – осведомился старый.

– Подковыровы. Пахом и Степанида.

– Да-а-а, припоминаю, были такие в Выселках. Он кузнец, верно? Знатный был мастер, да уж давненько помер, а супружница его, медичка, тихая такая, – следом. Я расскажу о них попозже. Что вспомню, то и расскажу.

Помяв и разгладив рукою бородёнку, расположившись поудобнее напротив гостя за столом, неторопливо повёл дед Савватей свой рассказ.

Заболотье

Заболотье могло бы быть большим раздольным селом. Могло, да вот не случилось. Всё оттого, что с одной стороны подходило болото, заросшее осокой, мхами да болотной одурью – багульником. Кое-где по берегам торчали тощие и искривлённые чахлые деревца. Крайние дома села стояли неподалёку от усыпанных кочками топких мест, и бродили там на своих тонких, как веточки, ножках кулики да серые цапли.

С другого края упёрлось село в подошву косогора с густо растущими там берёзами да кустарниками. А с третьего бока – заливной пойменный луг до самой реки простирался. Журавлиные стаи отдыхали здесь частенько, и клёкот с пощёлкиванием клювов разносились гулким эхом над равниной, натываясь на косогор и возвращаясь чётким звуком в село. Водились в изобилии бекасы, серые куропатки и поручейники – мелкая дичь во множестве.

Не имело Заболотье возможности расстраиваться вширь, увеличиваться. Обновлялось тем, что на месте старых и почерневших подгнивших изб возводились дома новые, да это случалось нечасто. Всё потому, что срубы ставили в те далёкие теперь года из строевого леса, на славу делали, и служили те избы долго. Да и средств порою не хватало на новую-то избу.

Была, да и посейчас стоит, в селе церковь. Небольшая, деревянная, и школа приходская при ней – трёхгодичная, двухклассная. И то дело. На маленькой площади у храма, где проходил сельский сход, две лавочки: свечная да со всякой всячиной. За чем-то очень нужным в хозяйстве, к примеру, скобяным или шорным, ездили, да и пёхом ходили заболотьевцы в большое волостное село недалече на ярмарку. Имелось одно питейное заведение, за которым урядник зорко и пристально следил, безобразия не допускал. Изредка навевались купцы, привозили в село ткани, обувь и разный другой потребный людям товар, по спросу да и по карману. Дорога в Заболотье наезженная, а вот дальше ходу не было, только назад, тем же путём. Полтора века стояла здесь стерегущая покой высокая пожарная каланча – гордость сельчан. Была она необходима, поскольку вспыхнувший неожиданно пожар мог погубить сразу всё село, расположенное, как в западне, в таком месте, где и отступить-то некуда. Возле каланчи стоял большой сарай, там имелись ящички с песком, бочки, рукава да качалки для воды, а инвентарь закрепили за жителями села, да владельцы лошадок и повозок тоже – по списку.

Как ни бдели, беда всё же случилась, и было это в начале двадцатого века, в 1906 году, весной.

В ту ночь, ближе к утру, часу в четвёртом, неожиданно для крепко спящих людей гулко раздался набат, возвещавший о пожаре. На одной из улиц, уходящей к болоту, горела крайняя, чуть завалившаяся на бок ветхая избёнка под соломенной крышей. Горела ярко, вся объята бушующим пламенем, а ветерок с болота гнал огонь верхами в сторону села. В старые-то времена, бывало, и целиком сёла выгорали, дотла. Огонь быстро и деловито переползал от избы к избе, охватывал крыши изб, катухи, хлева, риги и сараи. Народ в исподнем метался бестолково, ещё как следует не проснувшись. Не поняли, не уразумели всего бедствия. Однако вскоре сообразили и принялись вытаскивать перепуганных со сна ребятишек. Старшие бежали, уцепившись за подола матерей, боясь в сутолоке и дыму отстать. Младенцев передавали на руки соседям через дорогу и снова, облившись водою, ныряли в избы, пытаясь спасти живность и скарб. Волоком тащили обезумевших от страха стариков, которые враз обезножели, не имея сил идти самостоятельно. Выгоняли скот в распахнутые ворота. Ревели быки, надрывно, испуганно мычали коровы, упираясь и не желая покидать стойла. Их пинками выталкивали прочь, лишь бы вывести из огня. Свины, тупые животные, тыкались рылами по углам своих хлевушков, их вытягивали за задние ноги. Те визжали на все лады, упирались и погибали, брошенные своими хозяевами. Не хватало сил, чтобы совладать с обезумевшими животными. Овцы, сбиваясь кучами и испуганно дрожа, громко блеяли, искры, с треском разлетаясь по дворам, падали на спины бедных, выжигая в густом руне проплешины. Нестерпимо пахло палёной шерстью, горящей плотью. Куры в ужасе взлетали, намереваясь переметнуться за забор. Бушующее пламя настигало их, и огненными клубочками, вмиг сгорая, падали птицы наземь, превращаясь в угли. Собаки, оставленные на ночь хозяевами на длинной цепи, от лихих людей с болот, путаясь под ногами, выли, скулили и визжали. Не имея времени снять цепь, собак выкидывали со двора к противоположной стороне улицы прямо вместе с будками, лишь бы спасти. Огонь пожирал, буйствовал, захватывая в свою неумную пасть всё больше домов и подворий. Пожарные металась, подгоняя одну водовозку за другой, лихо орудовали баграми, расправляя рукава, качали неустанно воду. Участвовало, кажется, всё село, однако пожар был такой мощи, что люди, изнемогая от бессилия, в отчаянии только разводили руками. Со скрежетом и треском лопались стёкла окон, объятых огнём домов. Пламя гудело, захлёбываясь, завывало на разные лады, металось в безумной пляске, и, салютуя столбом искр, рушились балки и перекрытия внутри уже выгоревших строений. Поняв бесполезность дальнейшей борьбы, принялись проливать крыши домов противоположной стороны улицы, намереваясь хоть их спасти, отстоять у пожара. Зарево, поднимаясь над селом, освещало часть неба зловещим алым светом. Тревожное лошадиное ржание, причитания и стенания потерявших в одночасье всё нажитое людей, команды осипших пожарных, подоспевших на помощь из волости, песнопения священников, пришедших с иконой Неопалимой Купины, дабы уберечь от разгула огненной стихии другие

постройки, рёв и вой животных, плач и визг детей, непрекращающийся колокольный звон – всё это слилось в единую, непередаваемую какофонию беды и страха, которую услышали и за семь вёрст от Заболотья да и подальше.

Пожар разгуливал вдоль порядка домов не более пары часов, превратив всё, к чему прикоснулся своими огненными языками, в головешки и угли. Горе, усталость и безысходность навалились на погорельцев. Догорали, изредка потрескивая, подёрнутые пеплом, почерневшие, их бывшие владения. Пожарные шурудили баграми, растаскивая обуглившиеся брёвна, давая этим приток воздуха для быстреего догорания. Уныло, прижавшись друг к другу, у противоположных домов прямо на земле сидели несчастные погорельцы. Скотина разбрелась по селу, бестолково тыкаясь мордами в незнакомые ворота.

Вскоре прикатили в коляске волостной старшина и полицейское начальство. Им навстречу вышел испачканный в саже сельский староста. Всё подробно изложил, и тут же занялись расследованием причины пожара.

Выяснилось, что в той крайней избе, с которой и началось бедствие, обнаружили два обгорелых трупа. По виду, один мужской, а другой женский. Всё сразу стало ясно! Проживала там ранее большая многодетная семья. Знали они в лесу, да и на болоте все стёжки-дорожки. Промышляли сбором клюквы, которую сдавали закупщикам заезжим. На дворе от столба к столбу тянулись нити с нанизанными на них грибами, множество рядов. Сушёные – мешками сдавали, гриб всегда в цене. А ещё малина лесная, черника, земляника, брусника. Ставили силки на мелкую болотную птицу, тоже навар. Лес кормил. Подряжались и косить, трава-то по пояс на заливных лугах. Да видно, что-то пошло не так. Запил хозяин, втянул и жену, и пошло-поехало. Дети грязные, голодные бродили по селу, прося подаяние. А как случилось, что малец их лет пяти от роду попал под копыто лошади да погиб от удара в висок, сход сельский постановил изъять детей, отправить в приют сиротский. С той поры спившаяся пара бывала в Заболотье редко, побирались где-то по сёлам, а изба ветшала, приседала на один бок, грозя завалиться совсем. Появляясь изредка в Заболотье, устраивали громкую попойку хозяева, потом отсыпались и опять исчезали. А в этот раз, видно, всего было чересчур. Печь-то от сажи не чищена, вся в дырах и трещинах. Вот и случилась беда, да не им одним. Сельский сход хоть и исключил семью эту из сельского общества, да губернское присутствие ещё не успело утвердить решение. А то давно бы уж выслали их, беды бы не случилось. Эх, волокита!

Волостное начальство пришло к конкретному выводу, составило о происшествии протокол и укатило в коляске восвояси. Кого волнует чужое несчастье?

Сельский староста созвал сход: решать, что делать с погорельцами. Народ думал, кумекал. Вопрос-то сложный, пятнадцать дворов – это не так себе, враз решишь. Ну, вызвались те, кто разберёт скотину по стойлам, потеснит своих, кто приютит семьи, одежей помогли уже кое-какой, не в исподнем же ходить. Бани протопили, всем отмыться надо было от копоти. На площади котёл большой с похлёбкой сварили, чтобы накормить разом. Пришлось кое-какую скотинку-то, сильно пострадавшую в огне, и прирезать. Ели и плакали. Все понимали, до кого

не доведись, горе оно и есть горе. Порешили с той бедой переночевать, а уж на следующий день дальше думать.

Погорельцам, однако, не спалось. Пристроив на покой стариков и детей, присели кучно в одной риге на сено. Много говорили, спорили. К утру созрело решение, что на месте пепелища ставить новые подворья никак нельзя! Не будет хорошей жизни здесь, пережитое притянет новые беды и, Боже упаси, повторятся пожары. Надо новё выбирать для построек. Общество обещало помочь, чтобы к зиме срубить и поставить избы, печи сложить, а там уж потихоньку-полегоньку обустроить их. Заём брать надо, иначе никак. Староста сказал ёмко:

– Бягитя, ищитя месту! Неча kota за хвост тянуть, три дня вам даём, пося за делу бяритесь, обчество поможить, решано!

Долго не рыскали мужики и вскорости нашли-таки удобное всем место в полутора-двух верстах от самого Заболотья. Как выразился по этому поводу староста:

– Получилси рукав оторватай от рубахи.

Дорога вела вниз с косогора, потом через реку по мостку, опять в горку средь берёзок, немного полем и под бугорок. Красота! С одной стороны от ветров прикрывать будет новую деревеньку бугорок, поросший березняком и орешником, лещиной. У подошвы его в один ряд и поставят избы, ровно так же, как и стояли они в Заболотье. Соседей не к чему менять, дорожить надобно отношениями. Старичок Мымрин так прямо и сказал народу:

– Сусед, шабёр, ценнее, чем сват-брат выходить, он уж корысти не поиметь, завсягда подсобить, а коль захвораишь, и исть принясёт. Када тую родню дождёсси, а он-та, сусед, завсягда рядом, токма покличь чрез забор, он уж тут! Да и в горе, и в вяселье есть, с кем чарочку пропустить, верна ведь? Ты за брявно схватисси, а сусед за другой край, а потом к няму на выручку отправисси. Поняла, молодь? Тах-та по жисти и дяжитесь, рядушком штоба завсягда очутится.

Напротив окон новых домов вплоть до извиистой, будто змейка, речки расстилался заливной луг. Не широка она, та река, хотя, видать по всему, мощною была в стародавние-то времена. Глубока и холодна своими родничками. Рыба во множестве водилась в тех глубинах. За рекою до самого леса опять луга, луга. Думали погорельцы и над названием будущей деревеньки. Но название рождалось само собою, по обстоятельствам – Заболотьевские Выселки. Правда, слово Заболотьевские само отпало, и так ясно. Осталось только Выселки. Вот о них, об этих Выселках да о людях, живших и ныне живущих там, пойдёт речь в сказе-то.

А это только навроде присказки рассказано было! Надо же разобраться, что к чему да почему! Ну, слушайте дальше.

Выселки обживаются

Вот, перескочу уж о самом строительстве, дело ясное – всё как у всех было. Не враз, конечно, но отстроились всё же. Огороды на задах распахали, нагородили катухов и сарайчиков. Баньку общую соорудили. Детишек в шко-

лу зимой на санях, в тёплое время – пешочком. Глядишь, стайкой идут, старшие младших оберегают. Правда, пожить спокойно не всегда приходилось. То чума, то холера, а то и война началась. Надо заметить, что Выселки жили своею жизнью, обособленно от Заболотья, и как приключалась эпидемия, тут же закрывали проезд в деревеньку и сами без нужды не высывались. Удалось избежать мора. Покойных своих, перестрадавших старичков, которые после пожара так и посыпались, хоронили всё же в Заболотье, в оградках с родными. Традиции Выселки чтити, это уж точно. В храм ко всенощной ходили, это обязательно. Конечно, к немощным батюшка на бричке приезжал, причащал и исповедовал. Отпевали почивших, крестили новорожденных, венчали молодых тоже в Заболотье, в храме. Однако население Выселок отличалось-таки от основной массы заболотьевцев, было приспособленнее, что ли, смекалистее и, главное, дружнее. Это уж точно. На все случаи жизни природные лекарства припасены. К примеру, простуду лечили баней, барсучьим жиром, салом со скипидаром, мёдом, малиной лесной да клюквою. В носки да душегрейки из собачьей шерсти укутают, а то и в поярковую шаль завернут, да на печь. Враз сто потов сойдёт с хворого. Оттапливали травы да коренья, отпаивали от любой хвори. Надо признать, волосы у баб, живших в Выселках, хороши были на диво. Всё потому, что отваром каким-то, им одним ведомым, споласкивали после бани. Хоть и не молодки, а редколесья на головах не замечалось. Гривы густые, длинные, гребень не держал. В лес или на болото гурьбою шли с большими корзинами и никогда порожними не возвращались. Молодёжь с собою таскали, секретам своим и премудростям научали. Короче говоря, прижились на новом-то месте, приспособились. Детки дружили меж собою. Только, гляди, снег сойдёт, тут же выберут посуше полянку и давай в рюху играть, скалбами, в ломки, бабки, чижа.

Мужики невод запустят, натянут рыбки всякой разной и ушицы на всё общество наварят. Расположатся на Пасху или там, на Троицу, и ну разговляться от души, песни хором запевать, хороводы водить, а ребятишки рядом. Вникают, видят, как с соседями надобно жить-дружить.

Конечно, Выселки от того, что происходило в стране в ту пору – война, революция, опять война, не стояли в сторонке. Кто голову сложил, кто кавалером – грудь в крестах – вернулся, у кого революционные идеи в башке бурлили, а кто супротив всего этого шёл – всяко было, да не о том речь в сказе. История страны – она и так всем известная, натерпелись вдоволь всякого. В двадцатых да начале тридцатых лихо было – голод, а в Выселках перешли на подножный корм. Друг друга выручали, поддерживали, не давали помереть. Черемшу собирали, ягоду болотную, полбу варили, отруби, это коль удавалось, да и мякину жаловали, сныть, щавель, лебеду, ну и другою травкою не брезговали. В хлебушке только кострицы и не хватало. Бывало такого намешают да испекут, уж и не понять – от чего животы вздувались. Да народ так рассуждал, по-простому:

– Чем голодухую страдать, пуцать лучше пузо лопнить.

Грязи тоже не допускали. Кто в деревне завшивеет, враз в баню. Сперва пропарят, потом черемисовой водой волосы промоют или дустовым мылом, иль побреют наголо. Баба, дитё, мужик, старик – без разницы, только б не распространилась зараза. Шмотьё сжигали в печи. Понимали, упустишь момент – капец! А вот где жили люди сами по себе, обособились, там худо было, сёла выми-рали целиком.

Мужики, парни из Выселок славились удалью и бесстрашием. К примеру, пришли сами, как началась Первая Мировая, человек десять в волость:

– Пишитя нас, за Отчизну постоим. Кто хотить, пущай по кустам болот-ным скачуть, всё одно от кровавого поносу холерного сдохнуть. А мы, глядишь, возвратимси ещё. И ведь так оно и было. Смелого-то пуля не берёт.

В Выселках и за мораль дюже переживали! Как прослышат, мол, ентаю бабу один потолок не толк, а мужик ейный воюить, шкурою рыскуить, – враз обчество собиралось и такой вот гулёне, забубённой головушке чих-пых выда-вало, только держись! Семь потов от стыда сходило с позорницы. Впредь по-остережётся загуливать. А с пьяницами и того хлеще, лозиной учили. На лавку положат, порты сдерут и высекут с оттяжечкой. Клянётся-божится, что больше ни-ни. И держались частенько. А коль не справлялись с желанием нахлебаться, и по второму, и по третьему разу получали. Сколь надо, столь и учили. Любо-доро-го поглядеть, вся задница в клетку да линейку. Хорошо!

Знакомство с жителями Выселок

Шли-летели года, старики все ушли в небытие, молодёжь поразъехалась по стройкам, после армии не вернулись, прижились где-то, а которые и в Заболотье перебрались, к школе и работе ближе. Осталось одно старичьё, лет по шестьдесят-семьдесят с хвостиком. Всего восемь дворов, там и сейчас живут. А с тех времён-то, о которых речь велась, с тысяча девятьсот шестого, прошло уж шестьдесят с лихвою годков-то. И, надо признать, народ нынче не тот, что раньше был, в строгости мало воспитан, баловство излишнее в людях. Не мне, старому, конечно, судить, да вот в глаза бросается, потому как я с девятнадцатого века землю топчу, многое повидал и сличить могу – как было и как стало. Разный люд, что ни говори, в Выселках, по-разному и воспринимать нужно. Нам-то их уж не переделать, верно? А общий норов деревеньке задают-таки, задают... Пора рассказать о ныне живущих в Выселках подробнее.

Как скатишься вниз с пригорка, сразу в улочку, которая одним порядком, и попадаешь. Первый дом, самый крайний, без хозяйки уж почитай лет двадцать стоит. Старушка одинокая проживала в нём. Муж на войне погиб да два сынка её тоже. Помню, клубнику всё разводила, сладкую, ароматную, и носила её в Заболотье на продажу. Избёнка у неё маленькая, окошечки крошечные, зато печь огромная, на полкомнаты единственной. К ней бабы обращались, когда к собы-тию какому, к примеру, к свадьбе, надо много напечь, напарить. Она никому не отказывала. Не всякие большие печи клали, в избах экономили место, в семьях-

то детей помногу было. На ночь разложить чтобы, призадумаешься тут. Сейчас домишко в землю уж врос, а перед дверью огромный валун. Сначала как приступочек лежал, а теперь-то вырос, не взойдёшь в домик, коль и захочешь. Покой, видать, бережёт. Да и в оконца не пролезть, разве что малому дитяти, да кто его пустит туда, боязно. Поэтому, как вынесли на погост хозяйку, так всё и осталось нетронутым. Заросло кустарником, затянуло диким виноградом.

Дальше пойдёшь и увидишь, тоже дом пустует, вымерли все. А хозяйева знатные были, коз пуховых держали. Сами стригли, пряли и вязали удивительные платки. Я своей Марии Ермолаевне приезжал покупать, а потом ещё её сестре, по специальному заказу, чтобы и спину всю укрывал этот плат. Тоже лет уж пятнадцать дом пустует. Вокруг него лопухи, репы липучие да разное другое дикое произрастает. Дети когда-то по призыву наострились на целину, а родители – они не вечные, похарчились один за другим. Сад там был заложен по уму, не знаю уж теперь как там, одичал, поди. Мы-то мальчишками часто обтрясали, обносили его, набегии делали. С пригорка от нашего-то села скатимся, речку переплывём, лугом заливным пробежимся, заодно и погреемся. Азарт забирал. Свои яблоки, местные, не такие. А эти сочные да вкусные. Чужое – оно всегда слаще, верно?

Вот теперь пошли дальше. Когда будете в Выселках, сразу вспомните: «А ведь верно дед Савватей направлял, так оно есть. Как по сказанному идём».

Мымрины

А дальше – владения Мымриных с облезлым от времени штакетником и скворечником на высокой слеге над сараем.

Василий Матвеевич Мымрин – уважаемый и известный в других сёлах человек, потому что печник знатный. Куда в деревне без печника? Придёт, бывало, к кому в избу, заглушки все поправит, сажу вычистит, тягу проверит, да и совет дельный даст:

– Чем печь-та топится? – спросит, – надоть ольхою да берёзою сухою. Печь када греится, она ж дышит, фасадом расширится, поняли нет ли? Отседа чаво происходит, – и сам же отвечал, – а трещинки происходят. Их надобно тут жа замазать глиняной кашкай, посла забелить известькай, штоба не бралася. Ну, штоба не обмелиться, коль прислониси.

И, глядя на хозяйку дома, умильно так, чтобы не обидеть, возьмёт и скажет:

– Сама-та вона как напудрилася, принарядилася, а печь не белёна стоить, непорядок! С уваженьцем к ей надоть ба, кормить поди вас.

Добрейший человек Василий Матвеевич, чего не скажешь про бабу его. Вот уж назола, право слово, назола и есть! Эта Варвара Мымрина, уж и не помню, как по батюшке её величать, вечно всем недовольная. По улице просто так не пройдёт, всем замечаний надаёт, примется научать, будто другие первый день на свете живут.

Слышал раз за столом на поминках, как отчитывала хозяйку:

– Эта чаво у тебе, студень што ля, холодец? Какой жа это холодец? Дрышпалка, вота чаво! А мясу-та, мясу наклала! А я вота уж сварю, так будь-

будь! Возьмёшь кусок, об стол им шмякнишь, а он подпрыгивать! Да так высоко! И главное, с ём ничаво не деится, упругай потому что. Ох! Уважаю я, бабы, упругай стюдень! – она щурила блаженно глазки.

– Да ты, поди, на одних хрящах да масолыгах яво варишь, вот он и рязиновой у табе бываить, – не выдерживала какая-нибудь соседка да и решалась на этот спор с Варварой только от того, что уж опрокинула за помин души стопочку-другую да осмелела:

– Чаво ещё, – аж подскакивала Варвара, – это я-та на масолыгах? Постыдилася ба! Успарять ещё мене будить! Эта вона твоя родня чрез реку сядить, лошады капыты грызёт, а у мене всяво вдоволь – и жалеичка прозрачныя скусныя и мяско покладено. Успаряить она, вишь ли!

Буквально через несколько минут, уже забыв о споре, опять принималась поучать Варвара несчастную хозяйку поминального застолья:

– Бляны ты на чём заводила, а? Неужта на молоке неснятом, – Варвара закатывала в ужасе глаза, – на оброте надоть и яиц не класть, понятна табе? Вот уж мои бляны пышныя, дышуть прям! Да все об этим скажут, подтвердят, кому их исть-та доводилося. Коли уж сама ня можишь, мене б попросила што ль напечь.

Как-то её дочь привезла из Заболотья, где жила с семьёй, квашеной капусты, сама рубила, так Варвара, поджав губы недовольно, высказалась через плечо:

– Чавой-та? Больна сера, пожалуй, исть въздржуся. Прошлай-та раз все дёсинки стёрла об неё, жёсткая больна у табе получается. Нет, всё жа не могёшь ты, доча, квасить капусту. Я вот всю жизнь квашу, за уши от миски не оттягнишь, всем ндравится. Да об чём я, вы и сами знаитя, вить так она и есть.

И донимает та Варвара всю деревню – то не так и это не эдак.

– Эй, суседка, – окликала да цепляла, проходя вдоль дворов, Варвара когонибудь, – чаво ж у табе рядиска така щуплявая? Ваду-та на её жалеишь, поди? Гляди, в купырь пойдёт. Вообще-та с хорошими зубами да со смятанай и таку сьишь, куды зря с добром!

– Да какая табе дела, щуплявая аль крепкая моя рядиска, чаво к мене пристябалася? – не сдерживалась та. – Иди ты своим путём!

Или зайдёт к кому в избу, в чугунок заглянет на припечке:

– Штой-та у табе каша колом стоить? А я ноня варила, так вот у мене прям праховая, рассыпучия, скусныя! Толь табе маманя не учила, как надоть, толь сама така дурёха народилася?

По молодости драли её за космы нещадно бабы, учили рот зря не разевать, да всё впустую. Варвару уж, видать, не переделать.

Василию Матвеевичу особенно достаётся от жены. И копает плохо, и сажает криво, и говорит не то, и делает не это. Терпит, сопит, молчит, однако, и у него нервы не выдерживают. И принимается он ругаться, на чём свет стоит. А поскольку человек он богобоязненный, стыдливый, то выражается хоть и смачно, но, не употребляя грубой площадной брани. Ругань его даже приходили послушать соседи. Да и теперь, поди, ходят под забор, как на бесплатный спектакль, уж больно ёмко психует Василий Матвеевич. Во как наловчился! И я частенько слышал, как он себя распаял, навроде того:

– Ох ты! Разъядрена канитель! – метался по двору и вопил Мымрин, гро-
мыхая вёдрами, – расковырь твою болячку, чаво за баба такая зловредная, – орал
он, – рассвистень в сопливай тваёй носе, размозжи об пень колену, – крепче рас-
ходился Василий Матвеевич, – вот жа баба мене досталася, расколбасить, разму-
солить таку-та перешницу, голытьба штоб ёй в родню!

За всем этим слышен был грохот падающих поленьев в сарае, и опять:

– Раздраконила мене во все печёнки, да штоба ты подавилася своёй со-
плёй!

Народ грохотал хохотом на всю деревню, а печник орал:

– Накладать тебе в передник вонючего чаво да поболе, штоба с верхом, да
расхренячить нос об лавку, дура баба, расшибить тебе башку притвором! Ах, ты
ж! Разбуробила всююю дяревню!

Поорав так, он постепенно успокаивался, остывал. Народ, получив заряд
веселья, шёл по домам, а Василий Матвеевич – складывать развороченную по-
ленницу дров. Вот так!

Видно, после очередной такой ругни он и решился выстругать себе домо-
вину – гроб! Нашёл хорошие тесины, рубаночком прошёлся, шкурочкой отшли-
фовал, сплотил, а размер самому с себя неловко снять. Позвал Варвару. Ничего не
подозревая, та явилась, вытирая руки о тряпку – свиньям еду месила.

– Накось тебе сантиметр, промерь мене от макушки до пяток да прикинь
мал-маля, чуток накинй, штоба с запасцем, вытянуса я ещё.

– На кой? На кой надоть-та? – вяло поинтересовалась жена.

– На кой-на кой? Вот жа связалси с дурай такой, – огрызнулся в ответ муж.

– Чавой-та, пинджак аль портки хошь заказать Спиридонихе? – не унима-
лась, зевая и прикладывая сантиметр, супруга, – в рост намериваисси пойтить,
старая ты оглобля?

– Гроб сабе мастерю, не видишь што ль? – ошарашил муж.

Ещё до конца не понимая, Варвара принялась поучать, как всегда делала:

– От жа глупой! Кто ж гробы с запасцем делайть? Прямета плохая. Аль
мене за собою жалаишь забрать? – и тут до неё дошёл, наконец, смысл сказанного
мужем.

И устроила она такой вой, поди, всех волков в лесу до икоты перепугала.
Люди не знали, что и думать. Какая такая беда стряслась у Мымриных? Муж уго-
монил:

– Будя, будя выть! Закройся, молотилка. Молотишь, чаво ни попадай! Ша!
Вопрос решёнай! Скольки тама, мотри, – перешёл он к делу, – метр семьдисить
пять? Ета с походцем уже? Лады! Всё, вали отседа к свиньям.

А уж вот когда он закончил, налюбовался домовиной и убрал её на чердак,
то Варвара даже стала хвалиться по деревне:

– Во чуду какую состряпал мой-та! Ваши мужуки так не смогут. Гроб гла-
динькай. В городе такого, поди, не купишь. А вас-та завидки бяруть!

Бабы молчали на сей раз в ответ. А что скажешь? Какие там завидки –
жуть берёт! Это точно.

Смагин

Дальше, за домом Мымриных, проживает мужчина самостоятельный, да бобыль, – Сергей Платонович Смагин, а попросту – Платоныч.

В молодости случилась с ним история душещипательная – трагедия, одним словом. С той поры один и кукует. Слыхал я, уж и не помню теперь, от кого, что приударил Платоныч в городе за одной молодухой. Уж он и так и сяк и наперекосяк – безответно. На стройке он тогда работал, неплохо получал. Она всё же раскинула умишком, что деньжата водятся у ухажёра, принялась тянуть из него.

То шляпку купи с сеточкой-вуалькой, тогда с тобой пойду прогуляюсь. То сумочку лаковую, конфетки шоколадные с ликёром – фабрики имени Бабаева непременно. Тоже уважала их.

– Обожаю, – говорит ему, – ещё монпансье, ландрин в коробочке и рахат-лукум в пудре сахарной, – и жмурится этак сладко.

Как тут устоишь? Идёт и покупает. Без конфет и не приходил. Чулки капроновые со швом, косынку газовую с бархатными мушками по ней, перчатки лайковые. Дальше – больше. Серьги, брошь и ещё украшения какие-то. Ну, Платоныч – мужик доверчивый, наивный. Хоть и прошёл войну, в людях ни шиша не разбирается. Пообносился он к тому времени и надумал гардероб свой обновить. Откровенно говоря, сроду ничего приличного у него и не водилось, приодеться решил, чтобы как все быть, не хуже других выглядеть. Да что накопил на габардиновое пальто, на бостоновый костюм, на полуботинки кожаные – вмиг ухнул на зазнобу эту! А собирал-то долго. Вот когда все сбережения вытянула она из него, то стала сторониться.

Как-то поджидал её Сергей Платоныч у дома, видит – с кавалером она, целуется-милуется да обнимается с ним. Платоныча так в жар и бросило! Понятное дело, обидно! Таиться и прятаться за кустами не стал, прямо подошёл и спросил в лоб, что, дескать, такое? А она как заверещит на его справедливый вопрос:

– А ты чего хотел, валенок дырявый! Дярёвня корытная! Думал, что я – красивая, молодая, интеллигентная – клюну на тебя? Ищи себе под стать! Нечего в городе тебе ловить, – и, окинув растерявшегося Смагина презрительным взглядом с головы до ног, сквозь зубы процедила, – жил бы ты лучше в деревне, ел бы там грибы!

Так прямо и сказала – «грибы»! И через плечо добавила:

– Мне, вообще-то, наплютать на тебя! Пошлите, Эдуард, – это она кавалеру так.

Подцепла его под локоток и ушли они. Платоныч долго стоял, обдумывал, а потом и согласился с её словами:

– И то верно, нечего тута проживаться, домой надоть чесать.

И уехал в Выселки. Живёт с той поры в родительском домике, сразу после пожара в Заболотье построенном. Помогает всем в деревне, никому не отказывает. Молчаливый, трудолюбивый и добродушный. Станки ткацкие бабам направлял раньше, когда ткали, прялки мастерил, колёсные ободья, детские игрушки вытачивал из липы, строительством по найму занимался. Вычурные наличники,

крылечки делал – всем разные, с затейством. Гляди, избёнка покосилась, в землю вросла, на бочок припала, а щурится, улыбается голубенькими ставенками на окошечках, окладами наличничков да узором крылечек. Дюже бабы в Выселках его уважают! Зазовут, коль увидят, накормят от души, крепеньким угостят, но Сергей Платонович не злоупотребляет этим. Так лишь, для аппетита.

Собака у него охотничья, кобель каких-то благородных кровей. Вот с ним и ходит Платоныч в гай да на болото за дичью. Удачно ходит, пустым не возвращается. Добычу бабам отдаст, они ошпиют, опалят, выпотрошат и лапши или щей там наварят ему – хлёбова одним-то словом. А то он и сам не промах. Как запечёт в печи уточку да бекасов или вальдшнепов, все идут и носом крутят, такой запах – аж слюнки текут! Вот вкуснотища духмяная!

Спиридониха

Надо признать, что в Выселках нет-нет, да и появится в народе мысль женить Платоныча. У кого это не вышло, машут руками: мол, и не пытайтесь. А вот особенно настойчивые всё же не теряют надежды. К тому же есть в Выселках и невеста. Это Спиридонова Зинаида Калистратовна, а в народе – Спиридониха.

Живёт она на другом конце деревни. За её избёнкой уж топкие места начинаются. В Заболотье родители её мужа жили в следующем доме за тем, в котором тогда, при царе ещё, начался пожар. Первыми пострадали, дотла сгорело подворье. Ну вот, коль упомянул про мужа её, расскажу уж теперь всю историю, как сам слышал.

Зинаида Калистратовна вдовая лет уж двадцать, бездетная. Долгими зимними вечерами, сидя за вышиванием или вязанием, бабы судачат да откровенничают обо всём личном. А собирались на такие посиделки у неё, у Спиридонихи, там удобнее. Детей малых нет, пряжу никто не попутает, возню не устроят, да и не надо отвлекаться, чтобы на ведро посадить, сопли утереть, слёзы унять малым – отдохновение одно и работа с удовольствием.

Бывало, поставит на белую кружевную скатёрку титанчик-бульотку, спиртовку под доньшком зажжёт, старинный, дорожный такой, вроде самоварчика на таганке, доставшийся ей от кого-то из прошлой жизни. Попотчует бабонек чайком кипрейным в малюсеньких фарфоровых чашечках с пышками и вареньем из брусники. Чайные традиции знала Зинаида Калистратовна, это уж точно. А у местных натруженные пальцы не цапали такую мелочь, все ахали, боясь выронить и разбить, корюзлые ладони свои подставляли, подстраховывались. Однако интересно, занимательно было. Выходили от неё бабы довольными:

– Как у барыни в гостях побывали, когда ба так можно было ранея-та.

Дома ждал трёхлитровый обливной закопчённый чайник или ведёрный самовар.

Но шло время, и теперь уж так не сходятся. Всё видать пересказано-переслушано друг про друга, да и подслеповатые стали, не до вышивок. Вот в лото играют, да уж в другом доме, к центру ближе, чтобы всем ловко дошкондыбать* было в любую погоду. А, надо признать, Спиридониха сама в наших местах при-

шляя, вот и раскрутили её бабы на откровенный рассказ о себе. В Выселках все считают её белой косточкой – интеллигенткой, других кровей. И даже откровения её воспринимают вполуха, считают, что много утаивает она от людей. Да Бог с ними, с бабами этими! А я вот, например, верю её рассказу.

Бабка Зинаиды Калистратовны ещё до отмены крепостного права жила в родовом поместье у барыни одной – старой, злобной и жестокой. В покоях прислуживала. Постели перетряхивала, постилала, заправляла, сама проветривала многочисленные комнаты, чтобы сквозняков не допустить. Барыня страсть как боялась этих самых сквозняков. Только учует дуновение ветерка откуда, завизжит враз, ножками затопочет, ручками, унизанными перстеньками, засучит. Недовольною делается, под розги девок подводит. Уборкой-то занимались другие, комнатные, а уж ей, как рассказывала Зинаида Калистратовна, и ухода за самой барыней с лихвой было. На горшок посадить, помыть, кудлы её расчесать, ногти подстричь – это ведь самое благодарное, муторное дело. Сколько раз получала телесные наказания – этого не перечесть. Тут ведь как потрафишь. Спутаются в колтун, к примеру, пряди старческих волос, гребешком нечаянно дёрнула – получи по морде! То вода в стакане холодна кажется, то тёплая слишком – по морде! А несварение желудка случится, приходится и клизьму ставить. Да не красней, не красней ты! Это теперь бесправие называется, а раньше – обычное дело, крепостная зависимость. Доктор научил, чтобы самому часто не езживать, вот и управлялась девушка. Хошь не хошь, а выполняй!. Налопается стара барыня всякого, что уж в таком-то возрасте и не едят – мясного да сдобы, да сладостей с кремами – изысканного, одним словом, и страдает потом, а с нею и прислуга. Да, кашкой её не соблазнить было, никто и не пытался, боязно и слово-то молвить, не то что своё высказывать или предлагать чего. И начинаются тут икоты да отрыжки, да бессонница, известное дело, а бедной девке муки. Приказывает тогда барыня чесать ей пятки для успокоения и мять живот. Вот и чешет и мнёт, пока за окном рассвет не займётся и барыня не захрапит. Тогда падает девушка прямо на коврик у кровати без сил и проваливается в сон. А уж через часок, поди – крик во всё горло. Значит, горшок фаянсовый тащи. Ох! Страдания всем!

Как освободилась она – по праву или померла та барыня – уж не помню. Замуж там, в селе, вышла, дочь родила. У той судьба другая получилась.

Служила мать нашей Зинаиды Калистратовны в большом загородном имении у одной дворянской семьи, и должность её была – горжетница. В её ведении все меха были. Шубы, шушуны, пальто, подбитые мехом куниц и соболей, муфты, причудливые шапочки, капоры и шляпки, палантины, манжеты, воротники и, главное, горжетки. Служили те горжетки для сбора блох! Не веришь? Так и было. Я сам в молодые годы у генерала служил, видал всё это у него в имении. Да-а-а! Каждый вечер перетряхивала их служанка, чтобы блох, с платья в мех перескочивших, прочь выгнать. Порошками посыпала, выбивала да вытрясала, вымораживала в стужу на улице. В те изысканные и чопорные времена не знали покоя от клопов, блох и вшей!

Как-то приехал к хозяевам в гости господин Нащёкин – известный в наших местах дворянин. В троечных крытых кожей санях, ноги медвежьей по-

лостью укрыты. Кучер его увидел да полюбил горжетницу и сманил с собою в город. Хозяин одобрил выбор его. Поженились, родилась у них дочь Зинаида. Живя в услужении при родителях да в хорошем доме, приглядывалась, впитывала всё, училась всему. К примеру, уроки брала у старых мастериц на коклюшках кружева плести, наловчилась потом шить и вышивать также. Вот кусок хлеба уж и в кармане. Стала Зинаида студенткам, курсисткам, гимназисткам да и прочим благородным дамам модные в те времена кружевные манжетки, воротнички, шальки и много другого чего плести да вышивать. Нарасхват прямо была, слыла модной кружевницею. Рассказывала Зинаида Калистратовна, какие украшения замысловатые из ворсистого шенилла, модные в ту пору, на наряды дамам выкручивала. Сказывала, слово это с французского, вроде как, языка, и означает «мохнатая гусеница». Мудрёно. Я-то не знаю, что это, но уж точно бабам нашим ни к чему, не дамы, поди. В Выселках по-простому всё, но слушать про ту жизнь любят, как сказка для них.

Так вот. Замуж выскочила Зинаида за одного морячка с крейсера. А как наступили тяжёлые времена, её кружева спроса уж не имели, а мужа по болезни списали. Очень нуждались они тогда, до ручки дошли, когда в кармане вша на аркане. Вот и потянул он Зинаиду к родителям, в Выселки.

Только прижились маленько, вскорости он и помер, а родители вслед за ним ушли. Вот Зинаида Калистратовна и осталась жить в деревне одна. Сначала было рыпалась:

– Уеду, уеду, всё тут не моё!

А потом покумекала, пораскинула мозгами да и осталась. Куда ехать-то? Всю жизнь предки на других горбатились, унижения разные терпели, верой и правдой служили, а своего ничего не нажили. Стала шить-расшивать свадебное, заказы брать, да и теперь шьёт, но гораздо меньше. Говорят, за модой не успевает, стара стала Спиридониха. Это коль речь про молодых, а бабкам-то всё сгодится, этим в самый раз. Шьёт Спиридониха, обшивает всю деревеньку. Юбки, кофты штапельные, ночные сорочки из ситца, трусы сатиновые мужикам, латает постельное, подрубают платки да простыни. Ох! Да разве ж в деревне мало работы? Только успевай поворачиваться. А ещё любит Спиридониха цветы, георгины. У неё одной, пожалуй, под оконцами красуются эти яркие головастые цветы. Их издали видать, как по деревне пройдёшься.

А бабы вот уж ютажили, скручивали этих двух одиноких, да не вышло, отстали. Сергей Платонович побаивался уже интеллигентных – наученный. А Зинаида Калистратовна тоже не видела в том смысла. Да и собак, честно говоря, не любила. У неё все стены вышивками кошечек с бантиками и розовыми пышнотелыми амурчиками с крылышками во множестве в рамочках завешены. А тут мужлан, да с кобелём. Бр-р-р! Однако относились эти двое друг к другу с почтением, ежели глянуть со стороны. Она ему подошьёт, подлатает, он ей нет-нет, а дичь когда с охоты и занесёт.

Двор Смагина Сергея Платоновича сросся дворами с усадьбой твоих, Фёдор, бабки и деда. Хорошие люди были, добродушные, ты в них пошёл. Померли,

так все добрым словом поминают. А трудились как! Дед твой, Пахом Иванович Подковыров, известный в волости кузнец был. Там, возле дома, много найдёшь подков, гвоздей разных. Матери возьми парочку, привези, враз всю свою молодость вспомнит. Трудился как в горячем цеху он. Только и слышен был звон и перестук молота и молоточков по наковальне. Эхом разносился над лугом, а теперь тишь да гладь, как говорится, да божья благодать. Только грустно до слезы, скушно и покойно, как на погосте. А бабка твоя, Степанида Николаевна, всех мальцов в деревне и в Заболотье принимала, повитухою была. Бабы в ней души не чаяли. А всё потому, что ремесло и прочее умение от родителей своих переняли, а им передать-то некому было. Да-а-а!

Ну, о твоих в деревне каждый расскажет с радостью. А мы уж с другими знакомиться станем.

Дед Савватей поднялся со скрипом в коленях и, держась за поясницу, принялся расхаживать по комнате, разминать затёкшие от долгого сидения старческие ноги.

– А давай-ка пройдемся, Фёдор, вот хоть бы до реки, порастрясёмся, а потом картошечки наварим, наедемся с салцем да ржаным хлебушком, и дальше сказывать я стану, – предложил дед.

Фёдор с готовностью поднялся со стула. Прерываться, конечно, не хотелось, рассказ захватил его. Однако согласился, подумав:

– Видно, собраться деду с мыслями надо, может, вспомнить что.

Бухайкины

Через забор от заброшенных владений Подковыровых живут и здравствуют Бухайкины, Груня да Иван – не знаю, как по батюшке их звать-величать. Да и все их так кличут, не я один, – дед Савватей усмехнулся в усы, глаза заискрились смешинками.

– Вот уж парочка, так я скажу, примечательная! Иван – пастух местный. Всю сознательную жизнь при стаде. Там, возле Выселок, выпас знатный, пасти живность – одно удовольствие. Выгонит на займище на сочный корм и в голову не берёт, как бы скот не убрёл далеко. А куда ему брести, коли еды вдоволь? Сам кинет брезентовый плащ на траву и спит себе, похрапывает. Вечером пригонит стадо и к жене: мол, устал, мочи нет. Груня всё сама: и по дому, и во дворе управляет. Короче, лодырь, никчёмный мужик тот Иван. Любитель и за воротник заложить, и на скамейке с мужиками потрепаться. Сейчас-то уж стар, а бывало и за любым подолом приударить мастак. Как помоложе был, так жены побаивался. Бывало, только искоса поглядит на него молчком, враз шёлковый делается. И с чего бы это? Не могли взять соседи в толк.

Хозяйство всё на Груне, а кроме того людей лечит она, секреты трав знает. Рано поутру, когда вся деревня ещё спит, затемно выходит со двора Груня с котомкою через плечо и большой корзиной, поднимается на бугор и полем, полем, потом лугом – в гаи, до заповедных мест. Собирает лекарственные травы,

коренья, цветки растений разных. До восхода солнца нужно успеть. Уходила далеко, до болот. Там уж начиналось мелколье, гари, корьё. Выломает длинную жердину и уж с нею, с кочки на кочку перебираясь, чешет всё дальше и дальше в топи, совсем одна. Добредёт до мшары, сухого лесного болотца, передохнёт на мхах и дальше по пустоши. Своё дело у неё там было. Иная травка или кореньё какой росли только в тех местах, после пожаров да вырубков. Возвращалась ближе к обеду, еле волочила корзину с ягодой, а плечо оттягивал сбор травяной. Оттапливала, высушивала, перемалывала свою зелёную аптеку, людям помогала. Её-то лекарствам и сейчас больше верят в Выселках, чем таблеткам и порошкам. Из ягод готовила наливки да настойки, густые, тягучие, сладкие. И всё добро-то её – клюква, черника, брусника – под ногами. Да не каждый решился бы в такую даль идти, опасно. Правду сказать, в последнее время постарела Груня, на болота не ходит. Но всё же делает, теперь больше из садовой малины да вишни. Угощает этой вкусностью не всех, в основном женщин. Иван ужом вьётся возле неё, и так и эдак просит – впустую всё.

– Грунька! Другим-та наливайшь, а мене? – гундя, клянчил муж.

Занятая своим делом, не поворачивая головы и не повышая голоса, она отвечала:

– А тебе – по губе! Подтяни губу к сабе! – и всё, разговор окончен.

Бывало, на хитрость и даже на воровство пытался пойти, да всё без толку! Ключ от каморки, где бутылки, корчаги, махотки и банки с настойками и с лекарствами, всегда у Груни на поясе, на шнурочке. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Как-то летом, лет двадцать тому назад, в жаркий день в одной нижней рубаше мыла Груня пол. Да не столько мыла, сколько смачивала студёной водой и не вытирала, хоть так надеясь охладить комнаты. Потом отправилась в сад, где из лейки принялась поливать себя водою, смывая пот. Ну как не воспользоваться ключом, который бесхозный на стуле у постели лежит? Живо схватил его Иван трясущимися от нетерпения, а может, и с похмелья, руками, ломанулся к чулану и принялся нервно совать ключ в замочную скважину. Страх быть застуканным на месте только раскочегаривал воришку. Наконец попал, справился с замком, огляделся и нырнул в приоткрытую дверь чулана.

О! Вот это да! Оказавшись в запретном помещении, закружился Иван между полок, не зная, чего и выбрать. Глаза разбежались. Схватив обеими руками корчагу с каким-то напитком, пахнущим довольно приятно, принялся хлебать залпом, но, сделав пять или шесть больших глотков, почувствовал горечь нестерпимую! Рот свело, и тут же наполнился он густой слюной. Клубками вываливалась пена, бедолага не успевал сплёвывать. В животе будто кишки скрутило в один большой узел. Навалилась тоска, ноги сами подкосились, и рухнул Иван на пол чулана, забился в судорогах. Таким и нашла его Груня, не спеша вернувшись в дом уже в халате, с мокрыми гладко зачёсанными волосами. Увидала распахнутую дверь в заветную каморку и бьющегося в припадке мужа, резко спросила:

– Чаво пил, пил-та чаво, покажь!

Иван тряс головой, отползал дальше в угол и указывал на корчагу. Груне всё сразу стало понятно. Она поволокла, потянула страдальца в сени. Он дико

орал и упирался, но совладала с ним. Там принялась приводить в чувства. Для начала заставила промыть желудок, как следует, а потом выпить лекарство. Не легко пришлось, упёрся настырно:

– Сдохну, а ня буду кишки свои полоскать! – прохрипел.

Тут Груня, не рассуждая более, скрутила его в бараний рог, на челюсти надавила, ножом зубы разжала и влила воды много, чуть ни пол ведра, а потом два пальца свои в рот вставила Ивану, предупредив:

– Попробуй токма кусануть! Брошу тута подыхать! Понял?

Слыша её решительные слова, пьянчуга не сомневался уж – бросит!

Часа два спустя, бледно-зелёный, с тёмными кругами под глазами, с впалыми щетинистыми щеками лежал Иван в постели и стонал.

– Ох, – вздохнула горестно жена, – хоть кади да в гроб клади! Недотёпа! Дорвалси и нажралси! Дурья башка! Это ж дикай подсолнух, мядвезьки уши! От часотки настаивала! – качая головою, сокрушалась Груня.

– От ча-ча-чаво? От ча-ча-часотки? – выдохнул, сжавшись под одеялом, Иван.

– Да в ней и спирту-та нету, в этой средстве, а яд имеется. А ежели б мене, к примеру, не было ба? А? И чаво тады? Таперя уж обмытай и прибратай ляжал в переднем углу ба, – Груня тяжело вздохнула, – пьянчуга, чаво мене с тобою делать-та?

Иван, вращая выпученными глазами, покрывшимися от натуги кроваво-красными прожилками, хриплым сдавленным голосом прошипел:

– Ведьма! Ведьма и есть! Известь мене надумалась!

На эти его театральные выходки Груня, наклонившись прямо к лицу несчастного, со злорадной усмешкой выдохнула:

– Да, ведьма! Гляди, поостерягися, уморю! Ещё сунисси, пьянчуга, таким опою – не возрадуисси, пося богатство в твоих портках только угол обмочить и пригодится, понял?

От этих её слов Иван натянул одеяло на голову и затих под ним в ужасе.

И главное – никому не пожаловаться ведь! Не поймут! На смех поднимут и сторону Груни примут. Молчал Иван о случае этом, мучился, да вдруг надумал всё же поделиться под страшным секретом с соседом Смагиным, предупредив:

– Платоныч! Ты вота чаво запомни: ежели сдохну, знай – это моя баба расстаралась! Грозила со свету сжить! Но ты мотри, молчок! Ни-ко-му! – просил Иван. Да видно, зря просил. Вскоре вся деревенька посмеивалась за его спиной, а бабы – те открыто потешались между собой. Года прошли с тех событий, да в деревне память на такое крепкая. Нет-нет, да вспомнят – со смеху покатытся, да и о другом каком тоже.

* * *

Вот живут обычные люди, со своими радостями и печальями. Вроде, не приметные, в каждодневном сером быту, да вдруг какой-нибудь случай, вспышка событий, выходка, оплошность заставляют заговорить о них. Врежутся в память эти события и останутся там надолго, а острые языки разнесут, растреплют по-

всюду. Вот гляди, лет через десяток многие и не вспомнят, в какой деревне это случилось, да всё же где-то было. Так и в Выселках: только несуразности и недо-разумения позволили запомнить людей тамошних да рассказать о них. А так-то разве ж всё упомнишь? Да вот хотя бы, к примеру...

Хренковы

Прижавшись сарайчиками, стенка к стенке, рядом с Бухайкиными про-живают Хренковы, Александр Петрович: Алексашка и жена его Катерина. Дети их, две дочери, в Заболотье осели, семьями обзавелись. Внуки постоянно кружатся в Выселках. А что, на велосипед сел и вот уже у бабушки, блинцы с молоком трескают. Плохо ли?

Сами-то Хренковы на пенсии, своё отработали, она – на ферме в Заболотье, он – скотником там же. Алексашка – шибутной мужик, неугомонный, можно сказать, азартный. Супруга его Катерина – женщина с понятиями, степенная да рассудительная.

Перед выходом на пенсию озаботилась Катерина мыслью собрать денег на старость. Очень уж не хотелось ей быть обузой детям, когда немощь придёт, сил не станет. Решила так и принялась откладывать. Прикупила эта ещё полная сил и здоровья женщина и сложила в старый чемодан смертные узелки с необходимым себе и мужу для ухода на тот свет: покрывальца да иконки, ну и всё прочее. А на самое дно, в уголок, аккуратно припрятала завязанный двумя узелками большой носовой платок с деньгами на чёрный день. Защёлкнув замки чемодана, заперев для надёжности малюсеньким ключиком, который висел тут же, на ручке, задвинула под кровать, опустив подзорник, чем скрыла свой секрет от посторонних глаз. Надо заметить, что у редкой пожилой женщины, и не только в деревне, нет таких схоронок. И хоть складываются они тайно, все, даже воры, об этом знают и, попав в дом, сразу направляются под кровать!

Ну, дело сделано, задуманное выполнено, и жизнь в доме Хренковых пошла обычным путём. Катерина радовалась возможности копать, никуда не спеша, в огороде, подбеливать, подкрашивать, подновлять дом, штопать, шить и зашивать состарившееся в комнатах, возиться с внуками. Она и не знала, как приятно и неспешно можно проводить время на пенсии. Раньше поднималась затемно и шла пешком в Заболотье на ферму, крутилась волчком от зари до зари, жизни не видела, а теперь-то – раздолье.

– Ой, бабоньки! – восклицала Катерина у колодца, – внучаткав балую, то луковник спяку, то чинёнку аржануя картошнаю, а то сгибень с ягодай, ядять и мурчать!

Только просыпалась Катерина по привычке рано, но могла понежиться, полежать в постели, строя планы на будущее. Вот, к примеру, очень хотелось телевизор купить. Один был на всё деревню, у Пиндюриных.

– Неловко людям надоедать, ходить, глядеть каждой вечер, свой надоть иметь, да денег нету покуда, – сокрушалась Катерина. Поглядев на мужа, сопящего у стенки, с горечью думала, – вот дятел, у яво голова ни об чём не болит.

Лишнего не нагрузить на сабе – так, вполсилы, с кондачка, на авось и прокоптил всю жизнь. Ладно, не пьёт ещё, и то дело. Вот взял ба да подработал иде, нет жа – лодырь несусветнай! А сил у яво ещё в достатке да и на пенсии-та всяво месяц, не успел разбаловаться. Да куды там, будить таперя таскаться по дярвене и жизнь прожигать зазря!

Тяжко вздохнув, проскрипев пружинами кровати, отворачивалась супруга, пытаясь настроить себя на душевность, да уж не выходило, раззадорилась. Отбросив одеяло, поднималась с грустью, но принявшись за домашние дела, закрутившись в них, забывала огорчения свои.

Алексашка, муженёк её, – вьюн и балагур, а ещё игрок. В карты, шашки, кости, лото и домино – это с превеликим удовольствием! Да, азартный, уж точно!

Сидя раз на завалинке с мужиками, похваляться стал, что, мол, знает вариант один, им лично просчитанный, когда по лотерейному билету можно машину выиграть. Наверняка! Все руками на него замахали, на смех подняли, не поверив, чем взъерепенили шибко Алексашку, и он поспорил на целый червонец, что выиграет автомобиль. Так прямо и сказал:

– Беспременно выиграю! И точка. А посла вы тут все слюнями подавитесь, када пролечу с ветерком да на «Москвиче», вас грязию-та окачу! По-сторо-ни-те-ся! – проору во всю силу да забибикаю громко, аж в Заболотье слышать будить.

Мужики загрохотали, и этот хохот, пронёсся над лугом до взгорка, вернулся в Выселки артиллерийской канонадой.

– Ага-ага, смеитесь. Пущай, потерпим. Ещё просить будитя: мол, Ляксандр Петрович, мил друг, скатнитя хуть разик! Дулю вам всем, с макам! – Алексашка принимался крутить замысловатой фигой из грязных прокуренных пальцев у мужиков перед глазами. Но благодушного настроения их этим не испортил, смеялись до слёз, не унимаясь.

Сказать-то сказал, а где деньги брать? Уверенность в том, что можно выиграть машину, по разумению Алексашки держалась на идее закупить как можно больше лотерейных билетов. Тут уж наверняка – попадёт машина! Был у него единственный вариант – накопления жены. Две ночи ворочался, корячился, вставал, курил, ходил из угла в угол Алексашка и надумал, как всё повернуть. Знал он час, в который Катерина пойдёт в хлев задать скотине корм. Знал и то, что задержится она там – подчистит, сменит солому, курам насыпет... Времени вдоволь. Сообщив с вечера, что собирается отправиться в райцентр, выяснить кое-что о пенсии, какие-то непонятки, Алексашка почистил щёткою брюки, приготовил глаженую рубаху и достал по этому случаю галстук в полосочку и соломенную шляпу. Так-то шаболком – в затёртой линялой фуражке и пузырястых портках ходил по деревне. А это ж – г-о-о-род! Понятие надо иметь!

Попутру поднялся Александр Петрович и принялся, суетясь и натываясь на жену, мылить щёки помазком, бриться. Потом сбрызнулся «Тройным» одеколоном и, похлопав себя громко по щекам, выскочил в сени за башмаками, где опять столкнулся с Катериной, выносящей в ведре ночное:

– Фу ты! Оглашенной! Чаво дёргаисси, мечиши?

– Надоть, вот чаво, – пояснил он на ходу, – автобус как ба не прозевать!

Сам же решил попридержать коней, не дёргаться, внимание не привлекать. Как только рыпнула дверка в хлеву и по двору разнеслось «цыпа-цыпа-цыпа», Алексашка, поддёргнув брюки, рухнул на колени перед супружеским ложем, закинул подзорник на кровать и дрожащими от волнения влажными и липкими руками вытянул чемодан. Еле отвязав непослушными пальцами ключик, он, как ему тогда показалось, долго тыкал в замочки и, наконец, щёлкнув ими, распахнул-таки запретное хранилище совместных с супругой похоронных принадлежностей. Из чемодана будто пахнуло холодом и вечностью. Громко, с трудом сглотнув нервный ком, вороватый муж запустил руку в святое, осторожно шаря по углам чемодана. Он, как минёр, рассчитывал свои действия, не нарушая порядка в сложенных вещах. Наконец подцепил увесистый комок шуршащих через платок купюр.

– А-а-а! Теперь надоть торопиться, не ровён час, зайдёт!

Со двора слышалось меж тем «тега-тега» – Катерина скликала гусей. Уже уверенней сунув деньги за ремень брюк, он только закрыл и задвинул чемодан под кровать, как звук щеколды в сенях привёл Алексашку в ужас. Резко опустив подзорник, он только успел отвернуться от кровати да отползти на полшага, как в дверях появилась жена:

– Эта чаво ты полозишь тама? – обеспокоенно вскрикнула она, – чаво тебе надоть-та?

– Да вот, язви её, пуговка отлятела и куды-та закатилась, – пояснил мерзавец, скрючившись, будто в поисках злополучной потери, на полу, лихорадочно откручивая тем временем маленькую пуговку от рукава рубахи. Наконец ему это удалось и он не привлекая внимания и не разгибаясь, запулил пуговицу в угол.

– А! Да вот она, нашлася! – поднялся с колен Алексашка.

– Ну, давай пришью штоля, – предложила супруга.

– Да не, не надоть, закатаю рукава, сойдёт и так. Припозднилси я, успеть ба на рейсовой, – отговорил её Алексашка.

Долго ещё после ухода мужа стояла Катерина посреди комнаты, глядела на лежащую на столе пуговку и дивилась:

– Вот вить жа странная дело: оторвалася сама, а нитки висять вырватя с мясой. Чавой-та тут не так, мотри!

В райцентре Алексашка направился напрямиком в сберкассу, где скупил все имеющиеся в наличии лотерейные билеты. Сложил всё в брезентовый мешок и уточнил, когда розыгрыш. Главное теперь, чтобы Катерина не полезла раньше времени в чемодан, а там-то уж он оправдается, когда ошарашит: мол, машину выиграл. Повинную-то голову меч не сечёт!

– Ещё рада баба будить такому выигрышу, а то сидить как собака на сене, право слово. Сама не гам и другим ня дам, – возмутился прямо вслух Алексашка, возвращаясь пешочком от Заболотья до Выселок. Войдя в калитку, сразу прошёл в сарай и там запихал своё богатство в большое углубление над притолокой.

– Пущай тут побудить до поры-до времени, – решил он.

Надо ли говорить, как томительно долго тянулись дни и ночи ожиданий розыгрыша. Катерина, видя мытарства мужа, его неуспокоенность, предполагала самое страшное. И её только от этой жуткой мысли уже бросало в дрожь. Она направилась к Спиридонихе за советом, считая её грамотной и рассудительной:

– Ня знай, чаво и думать, Зинаида! Бес в рябро у мужика! Весь издёргалси, в райцентр ездить и дикалоном смердить. Точно таперя – баба у яво тама! Нашёл, поди, тыщницу сабе, богатейку. Ой, лихо! Ой, стыдобища! От девок своих няловка, коль прознають, – Катерина утёрла слёзы и гулко высморкалась в платок.

– Что ж посоветовать тебе? Слыхала, поди, поговорку: мужику-псу не открывай себя всю! Доверилась ему, податливая стала. А они любят баб норовистых, характерных, – уверенно проговорила, разливая чай, Спиридониха.

– Чаво ж мене таперя, а? Как быть-та, скажи? Норовистая кобыла капытай гляди бьёт? И мне што ля?

– Понаблюдай за ним пока, как вести себя будет, потом решим, что делать, – посоветовала Зинаида.

Накануне розыгрыша Алексашка вообще не сомкнул глаз, а с ним вместе и жена, не зная, что и подумать. А спросить-то боязно! Вдруг сорвётся, наорёт? Так и лежали молчком, сопели. Утром опять нарядился, одеколоном сбрызнулся и, сказав, что идёт опять же по поводу пенсии, мать её так, ушёл. Однако юркнул прежде зачем-то в сарай. У Катерины так внутри и захолонуло, а всезнающий внутренний голос посоветовал заглянуть в чемодан. Вот уж здесь и ждал её удар, да такой силы, что бедная плакала навзрыд, катаясь от горя по половикам.

– Гадскай кобель! – рыдала, причитая Катерина, – умыкнул накопления и к бабе таперя умёлси. Гуляшки страшны устраивать! Ой! Просодють всё чаво откладала, сабе отказвала. Кака бяда-та, мужука соблазнили да увяли-и-и!.. Да и в кого мене быть счастливаю да богатаю-та? Откель она, счастья-та ета? Ни у мамани, ни у бабани не было.

Тем временем в сберкассе, пока народу было немного, разложив газету в уголке, в карандашом в руке проверял Александр Петрович Хренков лотерейные билеты, купленные на все семейные деньги. Сначала он был полон надежд, потом стал волноваться, а углядев и отметив выигрыш в три рубля, покрылся испариной, но окончательно пока не унывал. Затем выигрыш составил десять рублей и ещё десять, два раза по рублю, под конец тиражной таблицы пополнился ещё и радиолой «Ригонда». На этом всё. Всё!

– Как жа так? А иде «Москвич»? – вопрошал он, – обманули, объягорили, обмишурили честнаго труженика! Машины таперя по сабе растащили, крохоборы! – взвился под потолок сберкассы его хриплый голос, наполненный справедливым, как казалось Алексашке, гневом.

– Гражданин! Вы тут не безобразьте! – предупредил дежуривший милиционер, – а то препровожу, пожалуй. Получите выигрыш и ступайте домой! Што-ба без осложнений и самоуправства!

В кассе несчастному притихшему Хренкову выдали двадцать пять рублей и квиток на получение радиолы в местном универмаге. Нахлобучив шляпу, вышел он опустошённый, в прямом смысле слова, не зная как теперь возвращаться

к жене, и направился машинально в магазин. Там ему вручили «Ригонду», отдельно к ней ножки, а ещё всучили на три рубля с полтиной пластинки с песнями модных певцов. Доехав на автобусе до Заболотья, неудачливый игрок купил чекушку и опорожнил её залпом в кустах, прежде чем направился, шатаясь из стороны в сторону, в Выселки, перекинув на брючном ремне через плечо свой выигрыш. Как говорится, зенки залил – и море по колено. Ещё на подходе к дому его заметили соседи и подняли на смех:

– Ой! Глядитя, – кричал мужикам Смагин, – кажись, Алексашка на «Москвиче» нысётся. Разбегайтесь, а то грязью окатить, как и обещалси! Задавить, мотри, аль забибикаить насмерть кого!

– А фары-та, фары-та, гляди, залил, – поддержал Василий Матвеевич Мымрин, – бензином заправилси под завязку! С выигрышем Вас, Ляксандр Пятрович! – шутейно раскланялся он, – про долг в десять рублёв не позабудьта, а ещё скатнуть обещалися.

Что-то пробурчав себе под нос и мотнув утвердительно головою, Хренков втащил через калитку «Ригонду» и опустил на землю под открытым окном, а сам уселся на лавочке рядом.

– Тащи, Хрянок, машину в дом, тама уж хозяйка поджидает, ревела без тебе на всю дярвеню, от радости, поди, – заметила ехидно Варвара.

– А мене и тута дюза хорошо, – ответил ей Алексашка, опасаясь встречи с женой. Он закинул ногу на ногу, демонстрируя соседям полное безразличие к своей судьбе, а в душе, конечно, обмирая.

Потом собрал радиолу, установил её попрочнее и, протянув руку со штепсельной вилкой в открытое окно, включил в сеть. Народ, наблюдавший за штacketником, примолк. Катерина из дома не выходила, притихла внутри. Открыв крышку проигрывателя, Алексашка достал из чехла большую пластинку и, вытерев её локтём в рубахе, аккуратно надел на пимпочку. Диск закрутился, послышался громкий треск, а когда хозяин опустил иглу, неожиданно громко полилась музыка, наполнила двор, по улице покатилося:

*Горит, как пламя, синий лён,
И если ты в меня влюблён,
Твои глаза сияют нежным светом.
Виноват, наверно, в этом...*

– Катерина, выходи! Гляди, какую я табе хряновину выиграл! – крикнул в окно Алексашка, – хотел-та «Москвича», а вышла она – радиола! И пластинки, которы ты любишь! Ну, ничаво, под музыку жизнья веселея у нас пойдёт!

С минутоу из дома ответа не было, и вдруг на крыльцо выскочила супруга. Волосы нечёсаны, лицо одутловатое от плача, а глаза светятся счастьем!

– Заноси музыку в дом, Алексашка, обедать пора, – с вызовом громко сказала Катерина и обвела всех торжествующим взглядом, – мыслью маю угадал! Я, можить, об етим и мячтала всю жизнью, а машина нам вовсе ни к чаму. Баловство одна! Денег-та накопим ещё, вот с завтрава прям и начнём, – и, обращаясь уже

к народу за штaketником, добавила, – расходитесь, концерта больше вам ня будить, сами послухаим!

От этих её слов сразу приосанился Алексашка, грудь выгнул колесом, и вместе с «Ригондой» скрылись они скоренько за дверь, плотно её прихлопнув.

– Вот уж хмырь болотнай, хитрова-а-а-н! Вилочкой в стакашке не прищепишь такого, не-е-е-т, – усмехаясь, покачал головой Мымрин, – как ловко вывернулси-та, в свою, чай, пользу! Ну, а о бабах, – презрительно добавил он, цыкнув в сторону слюной через пустоту между передними зубами, – я давненько свою мнению имею. Глупыя, чаво с них взять-та, окромя слёз? Да и их не надоть – вода!.. Ядрёна канитель!

Бражниковы

Дальше по улице – дом Бражниковых, Михаила Васильевича и Евфросиньи Николаевны, Фроси. Перебрались они в Выселки лет уж восемнадцать назад. В молодые-то годы остался после армии Михаил на Донбассе, в шахту пошёл работать и вполне доволен жизнью был. Женился на красивой черноглазой казачке Фросе. Трое сыновей народилось, тоже в забое теперь трудятся. А перебрались на родину главы семейства по причине того, что засыпало его однажды в шахте, еле жив остался. Фрося его, можно сказать, к жизни вернула, выходила. Выкарабкался, да работать уж не мог, ногу сильно повредило, не разгибалась до конца в колене. Так и ходит с той поры, наступая только пальцами ноги да опираясь на костыль. Мучился от безделья мужик, стал во снах отца с матерью покойных видеть. Будто зовут они вернуться в отчий дом, заняться сельским трудом предлагают. Ну, так и порешили на семейном совете и приехали жить в Выселки, в избу родителей Михаила. Тяжко было Фросе уезжать и от детей, и из родных мест, да замужество обязывает. Как говорится, куда иголочка, туда и ниточка.

Огляделись и вполне себе обустроились на новом месте. Михаил Васильевич пошёл работать кладовщиком, у него в ведении и лошадь с телегой была, а зимой – с санями, всё не ногами топтать дорогу просёлочную. Фрося – в магазине в Заболотье. Деревенские приняли вновь приехавших нормально, дружелюбно, с пониманием. А уж заболотьевские-то! Те принялись подолами мести возле Михаила, цеплять его, пошучивать. Мужик он видный, высокий и чернобровый, с густой седовласой шевелюрой. После войны не во всякий дом хозяин вернулся. А внимания да ласки каждой хочется. Ну, он с бабами смеялся всё, подыгрывал им. Однако возле своей красавицы Фроси тёрся, ни на шаг от неё. Местным мужикам не по нутру женские пристрастия, взревновали они баб, позавидовали, что, как пчёлы на нектар, те слетелись на новенького, и дали кличку Михаилу – Костыль. За глаза иначе и не называли, а бывало так и резали прямо в пылу спора или конфликта:

– Да пошёл ты, Костыль!

Так прожили Бражниковы в Выселках с десятков лет. Как-то в конце рабочего дня, заперев магазин, отправилась Фрося домой. Впереди выходной, вот она и нагрузилась продуктами. Две полные авоськи связала тряпицей, перекинула

через плечо, так удобнее нести, а туфли сняла, пожаливая их, понесла в руке, сама уж босиком. Дорога хоженная, известная. Шла Фрося, наслаждаясь свежей летней прохладой, накануне ночью прошёл дождик. Трава-то подсохла, а вот на дороге местами грязь и лужицы, которые сторонкою обходила. Плетёные ручки авосек врезались в плечо:

– Ну ничего, – убеждала себя Фрося, – вон до рощи дойду – передохну под берёзками, а с пригорка спущусь, там уж и дом видать!

От нечего делать разглядывала Фрося следы на песчаной влажной дороге. Вгляделась внимательно. Ого! Очень знакомые отпечатки! Они шли из Выселок, потом остановились будто, покружились на одном месте, направились на обочину и дальше пропадали, совершенно потерявшись в траве. Левый отпечаток большого мужского сапога, а рядом – лишь неуверенный краешек другого, зато чёткое, вдавленное, как печать, круглое углубление рядом. От костыля!

– Это куда же его понесло? – изумилась Фрося. Она приложила ладонь козырьком ко лбу, закрываясь от уходящего на покой, но ещё яркого солнца, и оглядела луг. Примерно метрах в ста увидела раскидистый ракитовый куст, ветки которого подрагивали. Потом напряжённым ухом различила среди птичьих трелей и комариного писка голоса и смех. По спине покатались капельки пота, дыхание перехватило!

– Нет! Быть не может!

Рассказывала потом подругам в деревне:

– Скинула я с плеча груз, поставила за куст чертополоха и, как во сне, двинулась к той раките. Шла, на ходу напяливая туфли, ступала осторожно, беззвучно. По пути сломала гибкую жичину, ещё и не зная, понадобится ли. Подошла, слышу чётко смех женский и мужской, бормочущий голос моего Бражникова! Кровь застучала в висках, щёки огнём зажгло. Колотить озноб принялся. Подошла я к кусту, на минутку остановилась, вздохнула глубоко так и выдохнула медленно, чтобы успокоиться. Куда там! Выскочила я из-за ракиты и увидела любовные игрища мужа своего и известной заболотьевской разбитной молодухи.

Короче говоря, потеряла Фрося над собой контроль и принялась молча хлестать без разбора обоих. От неожиданности любовники прижались друг к другу, прут стегал со свистом куда попало, без пощады, полукольцом обхватывая, обвивая тела. Ярко-алые рубцы вздувались на их наготе. Любовники раскатились было в стороны, но Фрося нещадно сгоняла их друг к другу и била, била, покуда лозина не хрупнула и не развалилась в руках её надвое. Тут уж она остановилась, будто придя в себя, развернулась и молча пошла прочь. Спиною слышала причитания и вопли избитой бабы. Видела краем глаза, как, подхватив своё шмотьё, понеслась та в сторону Заболотья. Дойдя до просёлочной дороги, взвалив на плечо авоськи, решительно направилась Евфросинья Николаевна к дому. Тяжести и ломоты в спине она уже не чувствовала, окаменело всё.

Известие о случившемся на лугу всколыхнуло не только Выселки, но и Заболотье. Прибежавшая, вся в ссадинах, вздутых алых следах от лозины, с перекошенным от злости и боли лицом молодая совратительница, понимая, что историю эту не скрыть, принялась орать на всё село, что ей чуть не выхлестнули глаз

и вообще избили ни за что. Народ на это молчал, не принимая ничьей стороны:

– Сами, поди, разберутся, – один был ответ. Мудро!

Хозяин приплёлся к дому уже по-тёмному. Лицо вкривь и вкось в багровых рубцах. Неуверенно взошёл на крыльцо, потоптался и решительно толкнул дверь. Жена, нахохлившись под большой шалью, сидела за столом, головы не повернула и слова не сказала. У неё было время всё обдумать. Указала на топчан в кухне и, поднявшись устало с табурета, пошла в горницу, закрыв плотно дверь за собою. Что же оставалось делать? Пришлось стонать и ворочаться на узком жёстком топчане в углу за печью, отгороженном ситцевой занавеской. По сию пору спит там, уж восьмой год! Да-а-а! Не простила ему баловства Фрося. Всю их любовь перечеркнул этот случай. Михаил Васильевич, конечно, просил простить его, говорил, что такое с ним впервой, что бес попутал, да что-то не верилось Фросе. Как отрезало! Дети приезжали, уговаривали жить, как прежде. Сыновья с отцом беседовали, их жёны со свекровкою. Впустую! Из дома мужика она не выгнала, сама тоже не уехала. Хозяйство ведут совместное, как и прежде, на людях тоже мирно всё, а вот в постель свою не пускает изменщика Фрося!

Вот это – настоящая женщина! Себе цену знает. Разделила с ним судьбу, а вот грязи на супружеском ложе места не дала. В Выселках об этом судачили некоторое время:

– Вот Костыль! Чаво набуробил-та в своей жисти, неумной! – да вскоре и угомонились, забыли вроде.

Да кто их знает?

Пиндюрины

Следующий, он же и крайний в порядке, – дом Пиндюриных. Жили там Федосей Емельянович и Лукерья Ивановна, Лушка по-уличному, так бабы меж собой её величают. Не со зла, конечно, она человек добрый, доверчивый да и хлебосольный. Года два как отправился Федосей к праотцам, на кладбище в Заболотье, осталась Лукерья вдовою. Свет в окошке у неё – сынок младшенький Лерка, Валерий Пиндюрин. Остальные трое – кто где, разъехались, навещали редко. А вот этим-то она дюже гордится. Ходит он матросом на торговом корабле, в основном в Латинскую Америку. Раз в год обязательно навещается в Выселки. В белой до рези в глазах форме торгового флота, приедет, посорит деньгами, потрясёт перед изумлённым населением валютой, наделает шуму, набьёт кому-нибудь морду, попьёт водочки. Потом слегка угомонится, порасскажет небылиц, послушает по этому поводу ахи да охи и одарит бабок копеечными иноземными сувенирами. Как придёт срок, то с громкими проводами, слезами заболотьевских девок, с причитаниями любимой мамани Луши отчалит в сторону моря, как говорится. Балует Лукерья сынка, когда он гостует. Бывало, выйдет на крылечко, руки крендельком сложит да похвалится соседкам:

– А у мене нонича щи на выжарках, с мясой, томлёныя в пячи, за ухи не оттягнишь. Каша пшённая с тыквай, канпот с распаренными дульками и яблычками-китайкими сушёными. Дух идеть – закачаисси! Лерка любить такое исть,

просить даже. Для няво, для маленькава сваво расстаралася я. Чичас пойду замясю да спяку яму пресняк с кашей. А как прихлябнёт халоднаю молоко с вяршками, ум один!

В один из таких приездов подарил ей сынок телевизор «Радий-Б». Единственный на всю деревеньку! Установил антенну на углу дома, покрутил, настроил, и не зарастает с той поры тропинка любителей телевизора к дому Пиндюриных. Хорошо ли, плохо? Да кому как, скажу я вам!

– Вот жа прозорливый матросик Лерка, чаво тута скажешь, – разглагольствовал Смагин, – умёлси сам, а о мамке своей озаботилси, телевизор купил! Считаю, под присмотром таперя, кто жа ей откажить? Любуя помощь с превеликим удовольствием все готовы оказать!

– И я, гляди-кась, ня прочь, – заметил Мымрин, – в лото ходим с бабкой своей играть к Лукерье да и кинушку глядим уж боле полугода, надоть совесть иметь вообще-та. Чаво б ни попросила, всё исполним, понятно дело.

Лукерья Пиндюрина и сама-то великая труженица, спозаранок уж во дворе. Чистит, метёт, скотину на пастбище выгоняет. Бывало, глядишь, телепается с пустым мешком, свёрнутым под мышкой, в Заболотье, а уж оттуда, согнувшись, с полным хлебных буханок, на неделю закупает. Сама худая, жилистая и всё лето босая. А то двигается по дороге копна сена огромная на двух ногах. Тяжёлая копна, громоздкая, ноги в песок зарываются. Всем ясно, это точно Лукерья, больше некому. Спросят её соседи:

– Чаво жа ты бисяком-та, аль нету обувки у табе?

– Неколи надявать, бабоньки, делов-та по горло.

– Ты ба отдохнула маненько, надорвёсси, глупая баба! – говорят ей.

– Э-э-эх! Отдохним, када сдохним, понясуть и то натрясут! – вот и весь сказ.

Как-то раз вышли бабы окучивать картошку, глядят, а там уж кто-то незнакомый работает, далеко умёлся вперёд. Любопытно стало, принялись быстрее догонять. Вот и спешат, тяпками машут, а всё никак! А эта незнакомка – странная такая. На голове у неё не платок белый, как у других-то прочих, а соломенная шляпа нахлобучена по самые брови, одета не в ситцевую юбку, а в ярко-жёлтый, усыпанный алыми розанами сарафан.

– Ой! – всполошились бабы, – нешто иностранки у нас тута работают? – Постой! – заорали ей, – погодь, коль по-нашенски разумеишь, не угонимси мы.

Остановилась незнакомка, шляпу сняла – Лукерья! Вот те раз! Бабы так и покатались со смеху. Уж дюже чудная картина: сухая жердяйка Лукерья в заграничном наряде!

– Мы шумим-шумим, надрываимси, а она, гляди, прёт, как той бык заболотьявской. Не напашисси поди никак! В чавой-та ты нарядилася, мамзеля выселковская? – сквозь смех поинтересовалась Варвара Мымрина.

– А ета мене Лерка из Латынской Америки привёз. Там латынския мадамы так ходють, в шляпах, самбреры называют их, и в сарафанах. Правду сказать, неудобна в самбрере етай, то и гляди спалзёт с головы, а нахлобучишь глубже – ни шиша не видать тады, мука! В платке лучшее будить.

– Так скинь её, – удивляются бабы, – нешто приклеилась она к тебе?

– Вы чаво, – возмущается Лукерья, – уж помучаюся, сына как-никак подарил! – потом подумав добавляла, – вообще-та для гуляньев мне привёз, да куды мене гулять, работа вона стоять, я ить не Дашка Горемыкина, чтоб впустуя шараться по дяревне-та.

– А по-каковски там говорить, в етай Америке? – интересуются бабы.

Лукерья недоумённо таращит подслеповатые глазки:

– По-латынски, конешна, как жа ещё. Эта ж понятию надоть иметь, – поджимала она обиженно губы, – темнота!

Давненько привозил Лерка здравствующему тогда ещё отцу, Федосею Емельяновичу и кубинскую сигару. Тот крутил, вертел её в руках, нюхал, поджигал и сокрушался, что не спросил у сына, пока он ещё не уехал, как её, едрит твою налево, курить-то! А потом уж вспомнил, в кино видал, там господа откусывали кончик или отрезали ножничками и потом посасывали, раскуривая. Ага! Теперь понятно! Дома курить сигару не стал. Дождался Федосей Емельянович, когда мужики пристроятся на брёвнах у бани, овечьи ножницы взял и отправился на посиделки. Там как бы невзначай, между разговорами, отстриг кончик сигары и принялся раскуривать её. Мужики, разинув рты, прижухли. Вот это да! Как затынулся по привычке Федосей Емельянович этой гаванской сигарой, как принялся кашлять, краснеть и задыхаться! Слёзы ручьём потекли. Это тебе не махорка! Дым через все «щели» пошёл. Мужики по горбушке его били, воды из бани притащили.

– Ой не-не-не, хрянова дело, мужуки, не идёт она мене, латынская эта зараза, куды как лучшея наш табачок, – просипел бедняга.

Потом уж все пососали, попробовали эту иностранную штуковину, покашляли, попёрхали, и Василий Матвеевич Мымрин высказал общее мнение:

– Вот вить Лерка, олух царя нябеснава! Вырасти вырос, а умку не выняс. Такую страсть батьке родному припёр, а ежели б он задвахнулси етим? Мы и то все дохали пося. Сигара этая – дярмо, опиум для народу! Разъядрёна кочерыжка!

А Лукерья, кстати сказать, привечая у себя в доме игроков в лото и любителей телевизора, сама всё больше дремала, сидя на стульчике у тёплой печи, клевала носом, изредка всхрапывая, и с виноватым видом и отрешённой улыбкой вскидывала уроненную на грудь голову. Шибко уставала за день, да и видела плохо. Провожая гостей, вежливо раскланивалась, приглашала ещё приходить и, закрыв за ними дверь, принималась убирать мусор, семечную шелуху, расставлять стулья по местам, растаскивать табуреты. И так, почитай, каждый вечер!

Горемыкина

Да, дом Пиндюриных крайний, а дальше луг до самой реки. И вот на этом-то лугу, в некотором отдалении от других построек, на небольшом островке, окружённом протокою, рукавом реки, стоит домишко небольшой. Поросло вокруг него всё вишенником, переплелось девичьим виноградом. Тропинкой мимо двора Пиндюриных, наискосок лугом до неширокого, метра в полтора, мостка

без перилец, потом по нему через протоку на вытопанную курами полянку и прямо к дому. Здесь живёт дальняя родственница Лукерья Ивановны – Дарья Петровна Горемыкина по прозвищу Зубиха. Пожилая, живёт совершенно одна, не считая кошки да десятка кур в небольшом сарайчике. Родных, близких, детей у неё нет. Чудом выяснилось, что Лукерья ей вроде как родня дальняя, да и то хорошо, есть, к кому прислониться, получить внимание да и самой помочь, ежели надобность в том будет.

Дарья Петровна невысока, чуть полновата, с гладко зачёсанными седыми волосами и большими, широко открытыми, не по возрасту голубыми глазами. В домишке у неё всегда чисто, а кому мусорить-то? Печь большая с лежанкой хоть белёна, да скособочена. Одним боком заметно под пол спустилась. Однако по-прежнему топит её Дарья Петровна и готовит в ней же. В углу иконостас с мерцающей лампадкой, на столике книги церковные. Диван покрыт голубым тканёвым одеялом, никелированная кровать вся пышная и белая от кружев, как одинокая невеста. Видно, никто и не спал на ней никогда. Да, был по молодости жених у Дарьи Петровны, другую, правда, за себя взял, побогаче. А кровать, приготовленная молодым, так и осталась нетронутой. Изредка стирала хозяйка убранство это и опять постилала, любовалась. Тряхнула, видать, эта история с предательством жениха Горемыкину, так и осталась она жить и стареть одна. Спать ложится на печи зимой и летом, так ей нравится. Под кроватью скрываются за подзором в большом эмалированном тазу яйца куриные, много яиц. Дарья Петровна продаёт их заезжим перекупщикам с рынка, сама-то уже не ездит. Света в домишке нет, электричество не проведено, с керосиновой лампой куковать приходится вечерами. Не решилась ставить столбы да провода тянуть. Как при родителях было, так без изменений и осталось. Да она и не горится, привыкла уже.

Характером Дарья Петровна дружелюбна, незлобива. Видимо поэтому и сроднились крепко они с Лукерьей. Но в отличие от неё очень уж равнодушна к своему внешнему виду Дарья Петровна, наряжаться любит. В доме и большой сундук имеется, одеждой набитый. Бывало, накупит в райцентре или в Заболотье на базаре, а то и с автолавки, себе нарядов, ходит по деревне, форсит. Много и у Спиридонихи заказывала, как помоложе была. А вот что странно, и это факт, Смагину её в невесты не сватали. Не рассматривали замужество её и с кем-то другим. Примечали, не дюже способная к хозяйству-то, участка своего не имела, ни за кем не ухаживала, жила для себя и ради себя всю жизнь. Каждый вечер, нарядившись, медленно шествовала по тропинке, а потом вдоль домов, прогуливалась. Остановившись у чьего-нибудь крыльца, балагурила, новостями делилась, сплетнями последними. Это ей очень к душе было, посудачить о других, разнести новости по деревеньке, всех с ними ознакомить и своё мнение высказать. А вот как появился у Пиндюриных телевизор, так полюбила его всей душой. Приходила загодя, до начала включения, нарядно одетая, будто в театр, пахнущая застоялыми, до тошноты вонючими, крепкими духами. Ставила стул и садилась строго напротив. Терпеливо ждала, искоса поглядывая на ходики. Наконец Лукерья аккуратно и неторопливо снимала салфеточку, закрывающую экран, и включала телевизор в сеть. Гудел стабилизатор, телевизор нагревался, и когда появлялся

на экране диктор, Дарья Петровна принималась взволнованно елозить по стулу, улыбаться застенчиво, будто конфузилась, поправлять рюш на кофточке и на приветствие диктора, опустив глаза, тихо и ласково произносила:

– Здравствуйте Вам!

В конце программы, которую Дарья Петровна, не отвлекаясь, просматривала целиком, так же уважительно попрощалась с диктором и уж тогда только поднималась со стула, разминая затёкшие ноги.

Мужчины в роли диктора ей нравились больше, это было заметно. После, к началу фильма, подтягивался остальной народ, управившись с хозяйством, подоив и устроив на покой скот, протопив и закрыв вьюшки печей, чтобы вернувшись после просмотра улечься в тёплые постели, предавшись размышлению об увиденном, и постепенно погрузиться в сон.

Дарью Петровну в Выселках кличут Зубихой. С чего бы это, спросите? А было вот как. В очередной свой приезд в отпуск Лерка Пиндюрин, оделяя соседских старушек подарками, преподнёс дальней родственнице заграничный передник, на котором было занятное изображение. В центре, что приходился как раз на живот или чуть пониже, красовалась стеклянная голубая пепельница с папиросными окурками. Одна из папирос лежала в ложбинке на краю пепельницы, от неё тянулся вверх дымок. На заднем же плане множество причудливых бутылок со спиртным, на которых написано что-то на непонятных языках.

– Эта чаво ж такая? Хвартук штоля? – спросила изумлённая Дарья Петровна.

– Это тебе, тётъ Даш. Будешь тут самая модная, – пояснил Лерка, спеша на танцы в Заболотье.

– Гляди-ка, Лукерья, пипироски-та иде лязгать, – она прыснула смехом в кулачок, – пряма на пузе, стыд-та какой!

Дарья Петровна засмушалась. Потом заглянула в боковой карманчик передника и обнаружила там несколько похожих на ириски конфет в ярких цветных обёртках. На них было написано по-иностранному.

– Ой! Он ить конхветки тута забыл!

– Да не забыл, а положил для тебе. И не конхветы, а жувачки ета, – пояснила Лукерья, – рязинки.

– Ну и как жа, чаво с имя делать? Жувать, опосля не глотать штоля?

– Оне спярва сладкия, скусныя, а как сладость-та уйдётъ, плюдай и все дяла, – пояснила Лукерья, – я-та уж две тах-та сжувала подавчёра да две вчёра, ничаво, сладенькия, пойдётъ.

– Да рази ж мы коровы, што ба жвачку-та перяжёвывать? Перявод добра эта, к такому мы не привычныя. Пожалуй, денег стоить, – выдохнула Дарья Петровна.

– Ох уж! Табе угощаютъ, так жуй давай! – возмутилась Лукерья, – мому-та сынку ня жалко для суседей, а ты вообще – родня нам!

Дарья Петровна решила: коль всё одно жевать не отвертеться, то лучше уж дома, не торопясь.

Развернув яркую обёрточку, разгладила её ногтём, наклонилась и, зажму-

рив зачем-то глаза, втянула носом приятный клубничный аромат жвачки. Потыкала пальцем – твёрдая. И как её жевать? Поддержала за щекой – приятно. Стала перекачивать языком туда-сюда, постепенно ощущая, что жвачка становится мягче. Наконец решилась жевнуть. Приятность наметилась. Так сидела Дарья Петровна на стуле в полумраке комнаты и жевала, валяя во рту, иностранное чудо. Однако вскоре вкус стал ощущаться слабее, жвачка стала жёстче, превратилась в маленький твёрдый комочек. Его Дарья Петровна положила на стол в чашечку и в благодушном настроении полезла на печь:

– Завтра другую сжую, – подумала засыпая, – а ету куды ня то приспособлю.

А назавтра случилась беда. Увлеклась Дарья Петровна жеванием да и вытянула прилипшей жвачкой боковой зуб! Тут же подняла вой:

– О-о-о-й! Да будь она няладна, рязина ета! – причитала несчастная, – мене таперя куриной косточки ни погрызть, ни мосолика, ни сухарика, ниточку – и ту не перекусить! На кой чёрт я яё жавала, дура! – плакала Дарья Петровна, сокрушалась, а сама катала в пальцах резинку, думая, куда забросить её, окаянную. Вдруг сам собою слепился зуб. Подошла она к зеркалу, рот раскрыла да и вставила в порожнее место замену зубу. Улыбнулась, ощерилась – здорово!

– Так и буду ходить, зуб-та белой, красивой и пахнуть приятна.

На следующий день, прогуливаясь, она откровенно всем улыбалась, и белый резиновый зуб выделялся у неё во рту.

– Аль зуб новай вставила, а, – интересовались соседи, – всё модниси, стара кочарьжка?

Но выяснилось, разговаривать стало неудобно, только молча кивать головой можно да лыбиться. Особливо, когда слова произносишь, дыхание зуб вставной вышибает. Всё ж приноровилась Дарья Петровна, и, когда, играя в лото, приходил черёд «кричать», получив мешочек, она, будто уронив нечаянно бочонок, ныряла под стол и, вынув зуб, прятала его в карман фартука, а уж потом тем же макарон вставляла. Дальше больше: пришла ей мысль сделать тот зуб золотым. Фантиком от шоколадной конфеты обернула и заблестел он золотом. Даже крепче держаться стал, плотнее. Разговаривать с ним стало можно.

– Ох! И откель у людей деньги бярутся, – возмущалась Варвара Мымрина, – менять зубьи чуть не кажной день, мотри. Зубиха! Зубиха и есть!

Но всё же нашлась на старуху проруха, секрет зубной открылся нечаянно. Стояли бабы у бани, вышли распаренные, кто-то пошутил, все засмеялись. Зуб, размякнув в парилке, взял да и вывалился изо рта Дарьи Петровны. Упал и лежит блестящим золотым комочком. Ну, тут уж дело ясное.

– Адман, адман! Глядите-кась все, – вскричала Варвара, – ну и хитра, пронырлива! Как нам всем втёрла, Зубиха!

С той поры и прилепилось, не оторвать, стало уличным прозвищем. Иначе как Зубиха никто её и не зовёт. Такие-то дела!

Игнашка-дурачок

– Ежели пойдёшь на кладбище в Заболотье, а ты непременно туда пойдёшь, – встрепенулся после недолгого молчания Савватей, – своих Подковыровых могилки ищи рядышком с бугорком Игнашки Полоумного, местного дурачка. Эта история отдельная, но, коль захочешь, расскажу и о нём.

– Конечно, хочу, интересно же, – живо отозвался гость, – только непонятно, вроде мои предки уважаемые были люди, и вдруг рядом с дураком похоронили, – огорчился парень.

– Эк ты сказанул! – разочарованно покачал головою дед Савватей и пояснил, – дурачок, это тебе не дурак. Разница тут большая имеется. Дурак – это беспросветно. Такого набуробит, только держись. Любое дело загубит, ничего дураку поручить нельзя. А дурачок, наоборот, ко всему с рвением и желанием непреоборимым относится. Тут главное – проследить, чтобы не наделал лишку, не переусердствовал, не навредил в другую сторону ненароком. Уж с такой охотой хватался, бывало, за что ни попроси! Ну, уж тут, будьте спокойны, не позволяли вольничать! Вот таким был дурачок Игнашка.

Дитём его потеряли цыгане, которых нет-нет, да заносило в Выселки или, может, намеренно оставили, кто теперь скажет-то!

Он рыжий был, курносый, конопушками весь усыпанный, губастый и улыбочивый. От них, цыган, сильно отличался. Украли теперь где-то, милостыню просил чтобы, да, видать, рвение его утомило их. Вот и остался в Заболотье мальчонка и мыкался неприкаянно по дворам. Плакал сначала, по углам жался, потом прижился. Где покормят, где на ночлег пристроят, а какая мамаша сердобольная, глядишь, да в баньке вымоет, вихры его подстрижёт, как и своим пацанам, заплатки поставит на рубаху. Летом-то каждый кустик ночевать пустит, а вот уж в холодную пору больше всего спал и столовался он у бабки Кули, Акулины. Очень услужливый Игнашка, благодарный, а Куле это на руку. Ходила она вечно закутанная, замотанная в платки, неповоротливая баба была, нерасторопная. Таких в деревне называли «растопша» или «кулёма». Она и есть ку-лём-ма. Сидит, бывало, часами, семечки грызёт на скамейке у дома. А Игнашка воды натаскает, вымоет избу, печь протопит, во дворе управится, в лавку метнётся и всю сдачу до полушки отдаст Куле. Порядочный паренёк был, без хитринки, потому что глупенький. А бабе такой, как находка.

Да, люди сказывали, что о пожаре в ту злополучную ночь он и предупредил. Принялся бунеть, орать дурным голосом, благим матом под окнами, всех и переполошил. Не знаю, так ли, нет ли, но с благодарностью к нему относились, это своими глазами видал. Спаситель, как-никак! На Пасху-то яички и кусочки кулича всегда на могилку Игнашке положены. Помнят люди доброту, значит. Ну ладно о грустном.

Ох и чудил тот Игнашка по жизни! И об этом уж расскажу, расскажу тебе! Шли годы. Почти каждый день навещался Игнашка в Выселки, часто ночевал. Встречали его с добротой. После пожара ещё помогал в строительстве домов и

бани. Поддержит где, перетащит куда – всё помощь. Хоть умком и обижен, зато силушки в достатке. Караулил тёс, кирпич, железо, так как ночью ему чего-то не спалось, а охочих до чужого в любые времена вдосталь. Бабы его подкармливали. Когда мужики на Первую мировую уходили, Игнашка, которому шёл восемнадцатый годок уже, ревмя ревел, на фронт просился, да не взяли его. Да и понятно, почему, по слабоумию, конечно. На какого воина похоронка придёт, так и одёжей, бывало, разживался. Щеголял тогда в рубахах, пиджаках с чужого плеча, не по росту, в подвёрнутых портках с провисшей до колен мотнёй. Его бабы вдовы снабжали «нарядами». А уж когда вернулись герои в орденах, медалях, ещё того чище – в крестах, совсем загрустил паря и всё тяжко так вздыхал и куксился.

Завидки его брали нестерпимые. А мальчишки над ним подсмеивались по этому поводу, дразнили:

– Зыба, зыба растянись, как рыба! – а он кидался в обидчиков комьями грязи.

Так бывало, Игнашка подсядет к какому-нибудь герою войны и ну разглядывать и щупать его награды на груди, да так умильно в глаза заглядывает, приторно и навязчиво, со вздохами, постанывая даже. Сначала это многим нравилось, гордыню пробуждало. Потом стало надоедать, потом злить. Трётся и трётся возле человека, прохода не даёт. Как-то мужики по пьянке сговорились и решили ему медалей наклепать из консервных крышек да железок. И ленточки нашли, и булавки прикрепили с тылу. Яркие получились, блестящие. Зазвали в баню парня, велели вымыться, венником отходили, как следует, объяснив, что предстоит ему великая радость. Потом, когда в чистое обрядился, торжественно прикрепили на грудь ему медали эти, две штуки и сообщили, что это награда за помощь по хозяйству во время войны. Короче, за то, что бабам помогал. Однако Игнашка разнюнился, разрыдался.

– Чаво ещё? – мужики, не понимая, допытываются.

– А крест как жа, а ружжо где жа, – рыдает парень, – без ружжа я не солдат, поди? Мядали вот дали, а креста, да оружия нету! Мене хуть ба сабельку каку.

Мужики ему строго так:

– Об кресте забудь, утрися, поди! Ишь, чаво схотел? Кровушкой похаркай опосля контузии, вошей окопных своей шкурой покорми, в лазарете поваляйся, а уж потом притяндуй на крест.

А вот уж ружьё пообещались добыть беспримерно и торжественно вручить и, мол, станет Игнашка охранять Выселки, как караульный аль часовой.

Вот, совсем другой коленкор! Сразу слёзы-сопли утёр паря и пошёл, побрякивая медальками в Заболотье, объявив там, что поступил на службу по охране Выселок. В этот же вечер ему и сделали ружьё деревянное, с затвором из оконного шпингалета. Красочкой покрасили и вскорости, как оружие высохло, приступил Игнашка к охране Выселок. Смеху ради на въезде у дороги поставили пограничный полосатый столб и шлагбаум из следи с верёвкой и в противовес железную болванку примостили. Сам Игнашка шалаш себе слепил, так как ходил народ по дороге в Выселки и обратно нечасто, утром да вечером, ну и днём кое-когда. Стоять скукота, можно немного и всхрапнуть было. Тут же дворняги

набежали, целая ватага, и стала прямо застава при дороге на Выселки. Случилось на телеге мне ехать по делам в деревеньку, слышу окрик громкий:

– А ну-кась, стой! Кто ета прётся, тудыть твою в качелю! – и слышно, как передёргивают будто затвор.

А это Игнашка ловко шпингалетом туды-сюды клацает. И собаки, всей сворой, будто в подтверждение его слов заливаются лаем. Кошмар!

Я, не зная ещё о часовом, растерялся так, струхнул, не приведи Господи! С перепугу сполз с телеги и забился промеж колёс. Притих, сижу. Опять окрик:

– Кто здесь, отзовись! А то ща как стрельну! Как бабахну!

– Это я, Савватей Коншин! – лепечу.

– Проезжай, растудыть твою, – слышно в ответ.

– Во как! Дожили!

И так был этот пост, в общем-то долгонько, да почитай всё лето, народ это веселило, да и Игнашка при деле, вроде, не надоедничает, не пристаёт, службу справляет, харч за это, вместе с псинами, получает.

Да вот вышла как-то уж ближе к осени неприятность, да какое там – беда! Заарестовал этот «пограничник» глупой уполномоченного с райцентра! Да-а! Как лазутчика или шпиона какого! И что нашло на Игнашку? Матерком его отхлестал, руки скрутил и положил на землю мордой в грязь, дождь ночью прошёл тогда. А всё видать оттого, что не понял своего положения товарищ из района и принялся огрызаться и сопротивляться, вот и получил. А потом получили и все в селе, и даже собрание было, и выговоры по партийной линии тоже получили, и в газете районной прописали, что, мол у нас дуракам волю дали командовать. Не мог уж отшутиться, чудака-человек! Такой разбор устроил. Я бы вот ни в жизни не признался, что стал жертвой дурачка какого-то. А этот...

Вот и порушили тогда пост Игнашкин. А он после этого случая присмирел как-то, притих и всё с бабками кружился и стал шибко дружить. А уж они его захороводили, в церкву потянули за собой, потом на моленье. И то сказать, идут крестным ходом, бывало, в дорогу много чего берут, а кому тащить? Силёнки не те уж. А Игнашка на что? Сгодится!

– Помер-то он давно, этот Игнашка? – спросил Фёдор, заинтересовавшись необычной историей.

– Да годов двадцать назад, по дурному помер, – вздохнул дед Савватей. – Ходил Игнашка в основном босой всё лето. Идёт, бывало, грязными пятками топчет, поспешает, будто по делам ему надо. А какие у него дела? Им лично и выдуманные. Жил он в ту пору у старика одного, Акулина к тому времени уж похарчилась. Вот заболел старик этот простудой, а Игнашка на болото за клюквою пошёл, деда отпаивать решил травами да клюквою, бабки подсказали рецепт ему. А было в ту пору Воздвижение креста Господнего, праздник. А все же нормальные знают, что на Сдвиги, как в народе зовётся этот день, змеи в клубки свиваются. Дурные становятся и дюже опасные. На стволики деревьев хилых, болотных лезут и там шипят и клубками скручиваются. Так любовь меж ними происходит. Потом дуреют, срываются и падают вниз. Становятся злые и дюже ядовитые. В

такую пору в лес, али на болота, лучше не соваться, а переждать несколько дней, пока по норам не расползутся в спячку. А Игнашке никто не подсказал. Вот там его змея и укусила за ногу. Он об этом умолчал, а ногу-то разнесло, опухла здорово. А уж когда дознались и принялись лечить – поздно было. Дух испустил Игнашка.

Народ сильно горевал, погиб-то, опять желая добро сделать. Таких беззлых да бескорыстных ещё, поди, поищи. Так-то.

Баня

В Выселках, как и везде, спорят и ссорятся, доказывая своё, что вовсе не удивительно. Чем старше – тем упрямее, по себе знаю. Думаешь, бывало: и чего забрухтался, урёся рогами в ворота, себе ж дороже. Ан нет! По-моему должно быть и точка! В Выселках тоже спорщики есть неужённые, да общие заботы их сближают. Вот, к примеру, баня.

Поставили её ещё родители ныне там живущих. Через год, как избы на новом месте срубили, принялись за баню, без неё никак. Так, почитай, шестьдесят годов с гаком и стоит. Обстоятельная, рубленая, просторная. Дрова для неё заготавливают артелью. Собираются, дружно едут на делянку, пилят, привозят, тут уж колют и в поленницу. Это уж бабы складывают на просушку под навес.

В банный день дежурят по очереди, по дворам. Одинокие объединяются, и выходит не напряжно, разов шесть-семь за год. Топят, греют воду, заливают холодную впрок, скребут полки и пол, шайки кипятком ополаскивают, веники запаривают. Да и потом прибираются и проветривают, это дело ответственное. В сезон, на Троицу, как положено, заготовливают веники, вяжут да подвешивают под стреху на просушку – женское дело. Дубовые, берёзовые, с добавкой можжевельных колючих веточек – на любой вкус. Сядут в круг, песни поют да веники вяжут. А настои травяные – это уж Грунины запасы, и мыльце своё, лечебное, варит она же. Есть и масло у неё – в пятки втирать, смягчать. Я раньше, бывало, часто заезжал к ним в Выселки в баню, – вздохнул, улыбаясь своим воспоминаниям, дед Савватей, – выходишь к скамейке охолонуть, как заново родился. Сила в той бане великая. Ну и как тут свару затевать, когда общий труд? Однако люди есть люди, всяко бывает меж ними. Причины повздорить находятся.

На мытьё своя очерёдность, сперва бабы, потом мужики. Пока первые моются, другие сидят, курят, балагурят. Кстати сказать, пьянство в Выселках пресекается по возможности на корню, но выпить после баньки – святое дело. Да вот тут и выходит закавыка, неравенство.

– Это ить только из-за бани мы такая живущия, мужуки, – рассуждает, сидя на скамейке под стеной, Хренков, – да бабам нашим спасибочки: и кормють, и лечуть.

– Это да-а-а! Вот только за воротник закладывать, эта они враз отделяются, – сплюнул в сердцах Иван Бухайкин, – срамота прям, перед другими мужуками провалиться ба!

Дверь распахнулась, выдав наружу тёплый душистый пар, и в клубах его

выплыла не спеша намытая розовощёкая распаренная женская часть населения Выселок. По одной и парами чинно и неторопливо двинулись к дому Груни Бухайкиной, обмахиваясь платочками. Жарко!

– Во, глядитя, пошкондыбали сектантки на свою мессу, – в сердцах выдал Василий Матвеевич, – счас вдарють по первай и поняслося! Окосеють, начнуть песняка давать!

– Оне сказывають, што сладенькию примають, отщепенки, – вторит Алексашка.

Мужики, проводив взглядом баб, скрывшихся за дверью, нервно курия на скамейке, прислушивались. И что творится в запретном для них доме Груни прямо напротив бани?

– А моя-та неуёмная была молодухаю, – зевнул вспоминая Василий Матвеевич, – у Груни клюковки клюкнуть и ну егозить. Встанить в дверном проёме в одной нижней рубахе и зазывна тах-та глазами поводить, поводить, вроде намякаить на чавой-та. Потом шасть в постелю и ну мене раскочегаривать, стало быть, чикотать во всех местях, по всей теле, терболить, однем-та словом, – разоткровенничался он, – ну, знамо дело, завядётъ. Возьмёшь тады да и врежешь ёй по голой заднице пару шляпков. Тут жа враз в слёзы вдарится, а кады накричится, тады уж утихнить и уснётъ.

– Дурак жа ты был и по сю пору есть, Василий Матвейч! – заметил на это Бражников, – Варвара-та не о том табе намякала, поди, чтоба отшлёлал её, на другую делу толкала, а ты ничаво и не понял!

– А на каку таку другую делу, выпить с ней што ль?

Мужики так и покатались, грохнули смехом, понёсшимся за реку. Под бугром у чернолесья хохот гулко шарахнуло и рассыпало дробью, мелкими смешками, докатившимися назад до Выселок. Хохотки весело разбежались, спрятались за избами, запутались по кустам, притихли.

Василий Матвеевич, прикуривая папирску, недоумённо пожал плечами:

– И чаво они ржуть-та? Во дурныя, право слово, дурныя!

– Глянь-ка, Серёга! – обратился к Смагину Алексашка Хренков, – вона Спиридониха идётъ. Спяшить, отстала. Вот жа аппетитная, скажу я табе, баба ета Зинаида! Полну пазуху богатствов нясётъ, колышить имя, зазываить. Как пройдётъ мимо, враз обернётся, так жаром и обдасть, весь искупатай становисси. Вот ба с ёй пройтися кандибобером, под локоток, с форсом! Да у ей сзади-та не меньше накоплениев будить, мотри. Вот и кумекай таперя. Бесхозное богатство получается! Аж обидно! И куды ты зыришь, чаво не видишь? А уж хозя-я-я-йка, – Алексашка потянулся, блаженно сощурился глаза, – необныкнавенная. Табе говорю!

Смагин на эти его слова отмолчался, только хмыкнул в сторону. Минут через двадцать послышались голоса, через открытое окно стали донеслись смех и отдельные слова. Затем голоса зазвучали чётче и полились грустные надрывные «страдания». Мужики завозились на скамейке, прислушиваясь.

– Опа! Дошли до нужной состояннии, псалмы свои затянули, гляди вскорости в пляс пойдуть, – пояснил всем, будто не знающим привычки баб, Василий Матвеевич. И вправду, «страдания» сменились частушками.

– Эх, как забираить со сладинькай-та! Ну и чаво я вам говорил? Сектантки, как есть, сектантки-банницы, вотта чаво!

– А мне милый изменил, вот какие новости, а мне ему изменить не хватает совести, – слышался голос Фроси.

– Спать ложуся, под подушку твою карточку кладу, собираюсь увеличить фотомордочку твою, – выдала Спиридониха с задором.

– Ой подруженьки-подруги, ноить сердце от натуги. Не могу забыть милёнка, у няво друга дявчонка! – включилась Зубиха и слышался дробный перестук каблучков, дробатушки.

Бабы самозабвенно принялись за «Матаню». Слышались частушки про ягодиночку и про залётку, и про дролю, и про милёнка:

– Мой милёнок испугал, на кобыле ускакал, а я маху не дала, на корове догнала! И-и-и-е-х!

Мужики резко поднялись, раздавили в сердцах каблуками сапог окурки и решительно, не оборачиваясь, не прислушиваясь больше, пошли в баню, сердито захлопнув за собой дверь.

«Сага о Форсайтах»

Надо сказать, было в Выселках и то, что сближало сильнее бани. Это длинный английский фильм «Сага о Форсайтах». Да-да! Шёл долго, семь месяцев. Ходили смотреть его каждый вечер к Лукерье, а оставшееся время говорили о нём, обсуждали. И так этот фильм захватил умы простого советского населения, так переживали за судьбы героев – до слёз! Мужики на брёвнышках, бабы на выгоне – все только и судачили о том, как сложится дальше у Сент-Джона, потерявшего сына в Первую мировую, горевали и жалели его, да о том, что всеми любимая в Выселках Уинфред, сестра Сомса, вышла-таки, к сожалению, замуж за богатого пьяницу.

– Как там яво, стервеца, зовуть-та, позабыла, – сокрушалась Катерина, – Уинфред нешто с ума сбрендил? Дарби такой хороший человек был. Так её любил, нет жа, – она звонко хлопала себя по колену, – пренебрегла!

– Ой! Да ты сама-та, гляди, тожа нашла сабе чумурудину – Ляксашку. Аль не было паасанистее да пакарасивша? Чаво жа, любовь зла, полюбишь и козла хромовова, – ставила на место Катерину Лукерья.

– Не об мене речь идеть тутта! Выбору не было. У нас в дяревне все мужуки с полупёхом, чаво харчами перибярать-та, бесполезная дела! Да и я, чаво уж тама, не Уинфред, а Катька. Разница огромная, нешта не усякаишь? Иде мы, а иде этии Форсайты? – потом вдруг застенчиво улыбалась, прижимая к губам уголок платочка головного, – а ить иной раз, ночью-та, мене мужик мой Катриной кличить. Да, так пряма и говорить – Катрина ты моя! И такое бывает, да-а-а!

– А молодой Джوليон в третий раз женится, – поясняла Ивану как бы невзначай за ужином, нарезаая хлеб, Груня Бухайкина, – а всё почаму? Да потому как художник он! Они поди все такиа, неуёмныя. А ты-та, – вдруг вспоминала Груня, – у парасука чистил ноя аль нет?

– Угомонися уж! – с полным ртом картошки ворчал в ответ Иван, – по-

пробовал бы не почистить! Я тебе не сер Джолион старшей, понятию имею, когда чаво делать надоть.

– Гляди у мене, сер Ванька! А то схлопотаишь по перво-то чясло, дождёси! – ворчала супруга, двигая нервно чугуны по загнетке, – русским-та бабам сроду не вязло, отщепенцы одне, а не мужуки, – и, елозя отымалкой по столу, сметая крошки хлебные, продолжала, – э-э-эх, мене ба такого сера Джолиона, я ба тута развярнулася, пожалуй, – мечтательно вздыхала Груня.

– Ой-ой, дяржитя мене пятеро! Развярнулася бы она. И чаво бы умудрила, а?

– Аптеку ба свою открыла. Лекарства делала бы, вота чаво!

– Поуморила б полсяла, аптекарша нашлася. Знали мы таких-та ловких! – ёрничал Иван, и от этой его подлости аж пипка носа приподнялась и вспотела.

Ничего не ответив, в сердцах хлестнула отымалкой Груня мужика и вышла, хлопнув дверью, прочь. А Спиридониха – та всё охала и вздыхала, вспоминая наряды на господах Форсайтах:

– Какие ткани, а платья какие изящные! Помню, у меня клиентка была, такое же ей кроили. Да, прошло времечко, – качала она головой с сожалением и тоской.

Как-то к ней, приболевшей и потерявшей голос, влетела Катерина Хренкова и невзирая на то, что Зинаида лежала о ту пору в постели, выговаривая, отчитала её:

– Вот поражаюсь я на людей! Джолион старый помер, а ты и на кино вчерась не явилась! Эта как жа понимать? Ты, поди, и ня знаишь, што Ирэн, которая снимаит недорогоя квартирушечку и даёт уроки игры на пиянине, помогайт лондонским простятуткам? Да, одна из них ранее ей самой помогла, када та нуждалася. Вота как!

Голова Спиридонихи приподнялась над подушкой, Катерина продолжила:

– А старый-та Джолион помог самой Ирэн чеком на 50 фунтав, слыханное ли дело? А ещё он указал бедняжечку в завещании!

Спиридониха, выпучив глаза от волнения и неожиданности такого известия, села резко в постели, выделявая руками какие-то пасы.

– Он дожидалси у старого дуба свою племянницу Ирэн, да не дождалси, там прям и помер! – пояснила ситуацию Катерина.

Женщины принялись всхлипывать. Спиридониха, пытаясь что-то сказать, только шипела и утирала глаза рукавом ночной рубахи.

– Начали смотреть фильм об огромном семействе Форсайтов, владельцев чайных плантаций, в августе, как сейчас помню, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, не так давно, – вздохнул дед Савватей, а закончили в начале марта, этой вот уж весною. Да не просто закончили. После фильма ряд неожиданных историй случился. Странные события, да... Ну, об этом чуть позже.

И как понять то, что люди в маленькой, тепер в восемь дворов, забытой богом деревеньке Выселки полюбят и примут, как свою боль, проблемы семейства миллионеров Форсайтов? Говорят же, русская душа загадочная.

Вот вечером, подоив корову, напоив телка и свинок, выходит Фрося Браж-

никова за ворота и ждёт: может, кто и пройдёт мимо её дома. Ага! Идёт, прогуливается Зубиха, Фрося к ней:

– Дарья! Что вчера показывали-та? Сморило меня чего-то, уснула, так в ночь и пошла, уж не поднималась.

Надо сказать, Зубиха не пропускала ни одной серии, как бы худо ни было или метель заметала, или ещё какая-то напасть, упорно плелась к Пиндюриным. Вся её жизнь в последние семь месяцев была связана с Форсайтами. С мыслью о них ложилась и вставала. Часто себя представляя в роли, например. Джулии. Раньше-то она жила своей однообразной, скучной жизнью да событиями, случающимися у соседей. Да какие там события, в деревне? Так, мышинная возня! А тут целый мир, богатый и разнообразный, перед ней открылся.

– Ну, знаешь же ты Аннет, мать мадам Ламот? – уточнила Зубиха у Фроси.

– Так. И чего с нею? – насторожилась Фрося.

– Да ничего, ресторан открыла! – торжествуя, будто это она сама и сделала, произнесла Зубиха и продолжила, – а ты помнишь, недавно было, Джолли отправилси на англо-бурскую войну в Южную Африку. Вон вить куды! Так вчерась сёстры яво, Джун и Холли, вслед за братом, ну, этими, как их, а-а-а, милосердными сестрами, тожа.

– Тожа? – ужаснулась Фрося, – не может быть!

– Тожа-тожа, точно тебе сказываю, – уверенно подтвердила Зубиха и добавила, – а Джордж-та какой жа толстай стал! А вить самаяй молодой у Форсайтов! Так, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Пустой парень, транжира. Пряма душа болить за состоянию папашки яво. Всё пропъёт, промотаить, выкормыш! – сказав так, Зубиха, махнув в сердцах рукою, двинулась дальше, оставив Фросю в растерянности от последних событий.

А сегодня вот конец – заключительная серия!

В Выселках и такое случается!

Ну вот и всё. Выключен телевизор, опущена салфеточка на экран. Все разошлись по своим дворам.

– Пойду уж и я до дому, поди, засиделася, – поднимаясь грустно вздохнула Дарья.

– Ты гляди, завтра наведайси. Я спяку тыклу, так мы яё с молоком-та наварнём. Да и телевизир поглядим, можить, новое што покажут, – проговорила вслед уходящей родственнице Лукерья, – прощевай!

Брела Дарья, подсвечивая себе путь фонариком, всё же натыкаясь в темноте на кочки. Стыло на улице, лёгкий морозец. Как говорится: пришёл марток, надевай двое порток. Точно. Шла она на шум воды, к белеющему впереди мостку. Река-то уж поднялась. Бурно текла вода и по протоке, волокла за собою мусор, коряги, куски разбухших от воды брёвен. Заметно поднялся уровень реки, на метр или даже больше. Правда, как ни пыжилась вода, до мостка ей ни разу за шестьдесят лет не удалось дотянуться.

Перейдя на свой двор, Дарья подошла к дому, посветив, отперла ключом

замок и, нырнув в сени, заложила дверь изнутри на деревянную щеколду. Дома тепло, печь протоплена. Помолвившись перед сном, закрыв задвижку трубы, полезла Дарья с кряхтением и оханьем на печь. Сказать, что болеет, она не могла, вроде всё нормально. А охала и причитала так просто, чтобы хоть голос живой слышался в доме.

Лечь-то она легла, а вот уснуть не получалось. Образы Форсайтов теснились перед глазами, улыбались ей, протягивали руки. С бока на бок крутилась бедная Дарья. Вставала, пила водичку и опять укладывалась. Нет, сон не шёл. Так прошла половина ночи. Дарья пыталась думать о другом, но ничего, что перешло бы воспоминания о фильме, в её сиротливой одинокой жизни не случилось. Ближе часам к пяти утра, измаявшись, с больной головой и частым сердцебиением сползла Дарья с печи и, усевшись на диван, принялась думать, что делать дальше. В доме становилось свежо, за ночь он выстыл, и сидеть внизу было зябко. Вдруг в голову пришла одна мысль: «Как ба таблеточку каку принять аль выпить чаво, штоба успокоиться? Да у мене сроду не водилося ничаво, здоровая была завсегда. А вот маманя – та пользовалася. Успокаительнуя средству имела в четвёрочке. Уж и ня помню, то ль из Заболотья ей привозили, то ль у Груни брала, – Дарья тяжело вздохнула, – так когда это было, лет уж с десятков назад».

Однако, живо встав на колени, поползла она в угол под образа и, пошарив там, вытащила бутылочку с тёмной жидкостью, плотно заткнутую газетным квадратиком. Еле открыв, подумала:

– А сколько надоть выпить-та? Можить, уж от времени силу потеряла на стойка? Когда вылила, получился полный гранёный стакан.

Нюхнула:

– Да ничаво вроде пахнуть, не противна. Вроде как сердешными каплями. Да выпью всю, вреда ня будить – решила Дарья, – опосля полезу на печь, досплю чуток.

Присев на диван, она глубоко вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и зажмурившись, залпом выпила. Поставив стакан, хотела понять свои ощущения, да не смогла, повалившись боком на диван.

День клонился к вечеру, у Лукерьи гости опять смотрели телевизор, только вот Зубиха отчего-то не пришла. Даже странно как-то.

– Ждала её к сабе на ужин, – жаловалась в недоумении Лукерья, – так не пришла чавой-та.

Когда почти все разошлись, Лукерья попросила Спиридониху:

– Давай, Зинаида, дойдём до Дашки. Не ровён час, приболела аль трубу рано закрыла, как ба не угорела. Всё об Форсайтах тех думаить, страдаить. Дурёха!

Зинаида согласилась, и отправились обеспокоенные женщины по тропинке к дому Дарьи, пугающе замершему тёмными глазницами окон. Торкнулись в дверь – заперта изнутри на щеколду. Пошли стучать по окнам, звать, пытаясь подсветить себе фонариком и заглянуть сквозь стекло. Наконец, Лукерья, изрядно перепсиховав, разглядела на диване фигуру родственницы в неловкой позе, с ногами, спущенными на пол, и запричитала в голос:

– О-о-й! Какая горя-а! Преставилась моя подруженька-а-а! О-о-й! Да чаво жа такая с ёй исделалось? О-о-й! Да как мы таперя будем без неё родимай наша-а-а-й! Да не будут топтать ноженьки её впредь лужков зелёны-ы-ых!

Зинаида, не умея причитать, лишь тихо подскуливала. Покричав так некоторое время, Лукерья высморкала ставший влажным нос и уже по-деловому распорядилась:

– Бяги давай, Зинаида, за людьми. Мужуков зови на помощь. Мымриху не кличь, от неё одна трескотня будить, послая приглосим. Бяги уж, а я топором дверь-та отожду, поди. Когда озадаченная Спиридониха умелась, Лукерья пошла в сарай и, пошарив там недолго, принесла топор. Сноровки ей было не занимать, она поднатужилась, и со второй попытки дверь, хрустнув, распахнулась. Осторожно переступив порог холодного немого дома, Лукерья тихо окликнула:

– Дарья! Эй! Дарья! Спишь што ля?

Ответом ей была лишь липкая, густая, противная тишина. Бочком-бочком, подойдя к столу, Лукерья трясущимися руками засветила керосиновую лампу, боясь пока даже краем глаза взглянуть на подругу. Когда тусклый свет выхватил полулежащую без движения фигуру, Лукерья решилась приблизиться и дотронуться до руки Дарьи. Лёд! Ледяная посиневшая рука! Тут уж и её саму стал продирать холод.

– Скольки жа она здесь ляжить-та? – задумалась Лукерья, – поди, со вчерашнява вечера, как от мене пришла. Стало быть, завтра похороны. Третий день выходит! Ох! Надоть поспешать таперя!

В это время со двора послышалось покашливание, сопение и поскрипывание ледка под ногами споро идущих. В дом ввалились, сдёрнув шапки и перекрестив лбы, Смагин Сергей Платонович, Мымрин Василий Матвеевич и Алексашка Хренков. За ними, еле поспевая, с одышкой от быстрой ходьбы Зинаида да Катерина.

– Неужто и взаправду померла? – шёпотом уточнил Смагин.

– Выходить, што так, без сомнений, – ответила вздохнув Лукерья, – холодная страсть какая, ня дышит и молчить. Не дозвалась я.

– Стало быть, так она и есть, точно! – переступил с ноги на ногу Смагин. Лукерья перешла к делу:

– Завтра уж хоронить, на третий день. Таперя, бабы, вот чаво, топить здесь нельзя при покойной. Обмоем уж, как получится, надьсь купались вообще-та, оденем, а вот с гробом-та заминка, время поджидать. Придётся просить тебе, Василь Матвев, пожертвовать свою домовинку-та бабе.

– Да вы чаво? – враз опешил печник, – я ж по сабе её исделал?

– Ни-ча-во, – предвидя отказ, встала в позу Лукерья, – пойдёт! Давай-ка не скупердяйничай! Табе ета зачтётся, – упорно налягала Лукерья, – грех пред покойной скаредничать, – кинула она последний аргумент.

Мымрин, как-то сразу завял, сник и пролепетал:

– Она, хотя и так, ежели чаво, дела-та понятная. Но, ежели как и чаво, собственно-та говоря, а всё жа вить, – помолчал он и выдал в сердцах, – раздари тваю рубаху!

– Ты тут давай при покойной не выражайся, – одёрнул немногословный Смагин, – грех ета!

Алексашка только и понял печника:

– Да он свою грыжу Варвару боится, чаво тут неяснова!

Мымрин с благодарностью за понимание закивал головою.

– Не пужай бабой своёй, пужанья уж! – вставила слово Катерина, – отблагодарим вона одёжей моднай. Сколь есть-та, саму лучшую дадим на помин души. Она у табе прижимиста, клюнить.

– Ну, раз смогёта решить так, мне-та чаво. Я-та с дорогою душой, – и, не сдержавшись, выругался вновь, – размозжи табе в конец, та-та-та-та, положеньице!

– Ты завтрева, Платоныч, бяги в Заболотье, с батюшкой ряшай, с могилкай, упряди их тама, мол, будим, а Костыль, Михайло Василич, тялегу с яловым лапником пригонить к протоке, к мосткам в полудень. Мы, бабы, приберём яё. Тащи гроб свой сюды, – обратилась Лукерья к Мымрину, – на сабе дотащишь? Да вот и мужуки подмогнуть. А я-та ночью куты напарю, тиселику наварю густенькава да блинов завяду. Завтря-та, верно, неколи будить.

– Да уж соберём на стол поминальный, у каждого что-то да найдётся, не горься – подтвердила, успокоив тревоги Лукерьи, Спиридониха.

– Я лапши куриной наварю поболе, каши гороховой, – подала голос Катерина.

– О! Дело! Груня своёй принясёт, сладенькай, а уж твоя, Василь Матвев, стюдию пушай наварить и будя с неё, – подвела итог Лукерья.

Мужики разошлись выполнять задание, бабы занялись скорбною своею обязанностью. Достали смертный узелок, обрядили Дарью в платье. Надели свадебное, разрезав его сзади по шву. Конечно, куда уж ей в невестинном щеголять, размеры давно не те. Подумали бабы и положили подруженьку на брачное ложе.

– Пушай хоть разочек поляжить, – всхлипывала Лукерья, – коль с милым не довялося заморочица, поспать, поляжать, поворочица.

Потом достали из сундука наряды, выбрали Мымрихе плисовую жакетку, юбку с фалдами и полushалок тканьёвый.

– Откупимси за домовину-та, таперя, поди, вякать ня будить, утрётся, жмотина, – решила Лукерья. Вскоре подошли Фрося и Груня, всплакнули чуток, постояли со свечками, помолились и присоединились к бабам. А те, раскрыв сундук, уж не могли и отойти. Разбирали по себе наряды покойной.

– Чаво приключилося с Дарьей-та, а? Можить, ты поймёшь? – обратилась Лукерья к Груне.

Та понюхала стакан, заглянула в пустую четвёрочку, покачала головою:

– Видать, сердце схватила, а она её навек и успокоила. Куды к шуту, цельный стакан опрокинула! Ох, горе!.. Завтря по утру курей разберём, а то с голоду, гляди, попередохнуть здесь, – вдруг продолжила она по-деловому.

– Да ничаво с ними ня будить, просто одичають, – поперечила Катерина, – аль лисы потаскають бесхозных-та. А мене ба кочетка да пару клуш, вскорости уж на яйца садить буду.

– Ну к што жа, ну к што жа, – соглашалась Лукерья, – ох, и застыла, зазя-

бла вконец я тута, мочи нету. Пойду, бабоньки, тесту завяду, управлюся и вярнуся в телогрейке уж да в пуховом платке. У вас чёрныя-та есть, аль принесть вам? – спросила она, уходя. У всех были свои.

Серый рассвет застал честную компанию в полудрёме. Они бы и уснули тут, сидя на диване, да холод сковал всех. Вставали, уходили домой и, погревшись чаем, возвращались, подменяя друг друга. Одну покойницу не оставляли, не положено так-то.

По утрянке притащили Алексашка и Василий Матвеевич, оба в заметном подпитии, гроб.

– А мы с расстройвах нервных, покуда от Мымрихи отбились-то, – пояснил Алексашка.

– Да шуткуить ён, разъядрён чапыжник, – перебил Мымрин, – для сугреву приняли, а Варвара спить, мы потиху стащили с чердака и уляпётывать, уноси бог ноги.

Аккуратно подняв, переложили покойницу в домовину и водрузили на табуреты.

– Слободно ёй здесь, как живая ляжить, хорошая такая, – причитала Лукерья, – не думала баба помирать, а вот поди ж ты! Растревожили сердцу, она и ня сдюжила.

Все поддержали её слова слезами, зашмыгали носами и признали, что человек Дарья была хороший, добрый и вообще.

Ближе к одиннадцати приехал на телеге с зелёным хвойным лапником Бражников. Оставив кобылу, перешёл по мостку к кучно стоящим мужикам, закурили.

– Табе, гляди-ка, Михаил, надоть будить несть Зубиху вместе с нами, – пояснил Мымрин, – Сергей-та в Заболотьи делу делаить, а каму ж ещё тащить? Все, гляди, тута?

– Вы чаво, мужуки, я же на костыле! – возмутился Бражников.

– Да тут несть-та всяво ничаво, – успокоил Бухайкин, – до мостков доплетёмси, а тама уж телега. Я сам ня больна сильнай. Была в мене сила, када мать носила. А куды дявалася? У ей и осталася! – выдал он присказку. – Надоть – стало быть, потащим!

День постепенно разгуливался, вода в протоке бурлила звонче, шумливее. Птицы на деревьях, будто из-за любопытства, присели ниже, с интересом наблюдая за пожилыми людьми, собравшимися на дворе, где птицы часто столовались вместе с курами. Но что-то вдруг изменилось... И не к лучшему.

Что-то насторожило не только птиц, но и Василия Матвеевича Мымрина, заставило беспокойно подсобраться, напрячься и поглядеть вдаль. А там из-за угла дома Пиндюриных выкатилась супружница его, Варвара. Она, размахивая руками, что-то кричала и, быстро перебирая ногами, спешила к мосткам. Варвара – баба не толстая, а статная и горделивая, но сейчас, нарядившись в плисовую жакетку Зубихи, в её шаль и юбку с фалдами, походила на кубышку. Не по размеру, мало было ей наследство Дарьи, да дарёному коню в зубы не глядят. Так решила Мымриха и напялила всё на себя. Волновался Мымрин не зря. Он сооб-

шил, конечно, о смерти Дарьи и даже передал жене вещи на помин, которые она, гляди, уж и надела, даже про холодец доложил, а вот про гроб не решился, просто втихаря утащил да и всё.

– Иде дели домовину? – с полпути, ещё не добежав до мостков, грозно закричала Варвара, – Вяртайтя в зад! Мыслимая ли дела – чужую принадлежность хапать и бабу туды постароннюю, вообще-та, класть?

– А ты чаво стоишь, рот раскрылши? – Накинулась на мужа, подбежав ближе, Мымриха. – Так, гляди, и мене утащуть. Да ты, простофиля, всё отдашь!

В проёме двери появилась Лукерья в надвинутом на лоб чёрном платке. Услышала вопли и сразу поняла, кто орёт. Она негодовала:

– Закройси, зявластыя чумурудина! – угрожающе пошла на Мымриху Лукерья, – в дому покойница, а она тута зяваить, зявло разяваить!

– А чаво чужоя прихапали? – попыталась отбрехаться Варвара, – Ета мово мужука гроб! Законнай!

– Да не торопися яво на тот свет спроваживать, пушай живёт, ещё не один состругаить и для тебе тож. И ни прихапали, а хозяин припёр самолична, а тебе вона нарядов надавали, штоба ты заткнулася. От уж, понарядилася тут жа!

– Не согласная я, – попыталась всё же огрызнуться Мымриха.

Да Лукерья решающий довод припасла:

– А я тебе, скараёдина, от сваво дому отлучу! Ни телевизир глядеть, ни в лото играть ко мне не приходи боле! Вот так вот! Все Выселки пушай ходють, а ты нет!

Тут уж Мымриху как подменили. Она заткнулась враз, сторбатилась, пошла через мосток и встала молча возле телеги. Кому ж охота быть отлучённой от телевизора?

Пришло время выносить покойную. Мужики, сняв шапки, двинулись к дверям дома. Каждому на рукав бабы привязали по вафельному полотеничку, так было заведено.

Вообще-то за гробом идти было некому, все при деле. Смагин на кладбище в Заболотье, четверо – Бухайкин Иван, Бражник Михаил, Мымрин Василий Матвеевич и Алексашка Хренков – покойницу несут. Катерина – с иконкой впереди, Груня с Фросей несли крышку, Спиридониха – крест, а уж Варваре досталось лапник кидать. Осталась вроде не при деле Лукерья, да она вообще-то родня, к тому же настрадалась уж вдоволь и стол поминальный на ней да и в её избе. Ну вот она, видать, и пойдёт сзади. Таким манером и двинулись от дома.

Покойница со свечой, зажатой в связанных руках, лежала вся белая, в свадебном платье, с веночком из восковых цветов на голове. Лукерья причитала одна за всех, погромче, с подвыванием, а мужики пытались приноровиться к росту и ходу друг друга. Тщедушный Бухайкин шёл впереди, за ним хромал крупный и высокий Бражник, опираясь на костыль. С другой стороны тощий и вертлявый Алексашка всё норовил подстроиться под ход Ивана, в ногу с ним идти, да не получалось. А за ним семенил мелкими шажками низенький, кругленький, с выпирающим пузцом Мымрин. Подойдя так к мостку, процессия взошла на шаткие доски. И тут произошло непредвиденное. Костыль Бражникова неожиданно соскользнул

с мостков, сам он несколько согнулся, стараясь подхватить, не уронить костыль в протоку. Иван, идущий впереди, почувствовал тяжесть и враз понял: сзади происходит что-то нехорошее. Слегка согнул ноги в коленях, как бы приседая и пытаясь повернуть голову, оглянуться. Гроб, сильно накренившись вправо, заскользил вниз. Его постарались подхватить и это удалось, да вот покойница, ввиду своего свободного положения, в гробу не удержалась. Перелетев через головы Ивана и Бражникова, она вывалилась в протоку! Раздалось громкое бултыхание, всплеск, и тело несчастной Дарьи Горемыкиной скрылось под водой.

Схватившись за голову, дико и протяжно взывала Варвара Мымрина. Лошадь, обезумев от неожиданных воплей и испуга, резко всхрапнула, вскинула передними копытами и, невзирая на телегу, понеслась, громяхая ею, в луга, роняя, раскидывая по пути лапник. Лукерья истово принялась размашисто креститься. Спиридониха, уцепившись в крест, сползла по нему на землю да так и замерла с вытянувшимся лицом и остекленевшими глазами. Мужики растерянно глядели на воду. Алексашка, держа гроб, как корыто, за один край, волоком тащил его под дерево, росшее возле протоки. Вслед за ним длинным шлейфом тянулся по земле тюль. Фрося, уткнувшись в плечо Груни, рыдала, тряслась и всхлипывала, а сама Груня держалась за сердце и хватала ртом воздух.

Но, не успев понять произошедшего и уразуметь случившегося, Выселки были потрясены новым необъяснимо жутким событием.

Вода в протоке вдруг взволновалась, и из её глубин, подняв связанные кисти рук с зажатой в них свечою, восстала покойница! Она, как большая рыба, широко разинув рот и выпучив глаза, втянула громко воздух и выдохнула его шумно, с бульканьем. Тут уж все онемели окончательно, а мужики, бледные, взъерошенные, напуганные, сами стали походить на мертвяков. Покойница разорвала раскисшую от воды тесёмку, связывающую ей руки, и принялась наперекор течению, доходящему ей до плеч, продвигаться к берегу и цепляться за кусты и ветки, свисающие над водой. Мужики шарахнулись в сторону.

– Да дайте же руку! Вытяните мене, – хриплым, низким, загробным голосом обращалась к ним Дарья.

Но никто не спешил протянуть руку помощи.

– Вы чаво? Унисётъ же в реку, вы люди аль хто? – так по-житейски спросила покойница, что Бражников, не решаясь дать ей руку, опустил всё же костыль. Дарья уцепилась за него, мужики тут уж подтянули и вытащили покойницу-утопленницу наверх, отскочив от греха в сторону. Да кто её знает, живая или нежить? Тут разбираться надо.

Вид у бедной страдалицы Дарьи был ужасен! Недавно белое платье, распоротое сзади, свисало с плеч и было черно от ила, весенней грязи с прилипшими прошлогодними листочками и клочками пожухлой травы. Волосы растянулись по лицу мокрыми грязными прядями, веночек с пониклыми восковыми цветами чудом держался на ухе покойницы, с него стекала грязная вода. Чулки без резинок спущены с ног, белые тапочки, видимо, уплыли. Она синела и дрожала всем телом, зубы громко стучали.

– Што это со мною? Хоронить надумали, гляжу, нелюди! – бросила она

упрёк, окинув всех взглядом затравленного и не понимающего ничего человека. Под этим её взглядом все в ужасе сжались.

Первою очухалась Лукерья:

– Живая, нет ли – потом разберёмся! Скорее в сухоя переодеть надоть! Бабы, давайте в одеялу яё завертать, скорее печь топится, чай горячий нужен, поди, аль крепенькой стакашик хлабыстнуть.

Все враз засуетились, загоношились, забегали. Поняв, наконец, что баба живая, но, не взяв в толк до поры, почему так случилось, волоком потащили её в дом. Там принялись растирать, согреть. Тут же из трубы повалил дым, раскочегаренная печь быстро нагнетала тепло. Мужики вышли покурить на приступок и обсудить невидаль.

– Сколь живу – такого не видал! – качал головою Мымрин, – с того света возвярнулася, поди ж ты!

– А ежели б Костыль её не вывярнул в протоку, – выдал Алексашка, – гляди, закопали ба уже, жуть!

– Я слыхал, бываить такой сон, когда человек словно умер, а он спит. У нас на шахте парня одного присыпало. Так он от переживаниев впал в етот самый сон. Спал, как ба не соврать, год, поди! – разъяснил Бражников.

Между тем в доме бабы суетились возле Дарьи. Она раскраснелась, согрелась и захмелела от стакашка беленькой, позаимствованной у Ивана Бухайкина.

– Эта я вить старую маманину лекарству выпила, полной стакан, – дошло до неё.

– Ага! Через час по чайнай ложке, перед смертью цельных две, – пошутила, как могла, Груня, – давления сильна упала, сердца едва билась, а тут ещё холод сковал. Вот и был ба капец тебе, – пояснила ей Груня.

Тут, оглядевшись, Дарья решила разобраться:

– Антиресно, а иде мои наряды? Чаво сундук почти шта пустой, на дворе и курей не видала чаво-та? Распорядилися уж? Ло-о-о-вка! – взглянув на Варвару, Дарья чуть не обмерла от неожиданности, – а эта почаму в моё нарядилась-та?

Все испытали чувство вины и неловкости, а Лукерья попыталась успокоить:

– Не сердися, это на помин души тваёй взято было. Вернём, чаво упёрли, и курей тожа, не боися, – и желая подбодрить и развеселить родственницу, добавила, – ты у нас одна такая необныкновенная в Выселках, да што там в Выселках, и в Заболотье диво будить, как узнають, што с того свету возвярнулася.

Однако вместо радости принялась Зубиха от этой новости рыдать в голос, жалеть себя. Груня всем разъяснила:

– Пущай покричить, ей надоть, отпустить её тады.

А как утомилась и примолкла бывшая покойница, тут и предложила Лукерья:

– А пошлитя-ка к поминальному столу, всяво наварёно, напарено, нажарено, сладинькая имеется. И мужукам ноня нальём, чаво уж, а то всё на нас в обидках, мол, выпить им не даём, – тут женщины покатались со смеху. Сначала хмыкнула Лукерья, толкнув в бок Варвару, та откровенно расхохоталась, поглядев на Груню, и понеслось...

Хохотали так, что слёзы лились ручьями, за животы, согнувшись, держались. «Покойница», посмотрев на подруг, тоже сначала затряслась от беззвучного смеха да вдруг закатилась, залилась от души, заразив этим Катерину и Зинаиду. Мужики на дворе обомлели, услышав такое, аж сигарки из ртов вывалились:

– Ну, бабы дают, – качал головой Бражников, – да виданное ли дело – так-та грохотать! А вот, поди ж ты, можно и так.

– Струхнули мужики ноня изрядно с гробом-то етим, – сквозь смех выкрикнула Лукерья, – а мы-та, мы-та хороши! – и обращаясь уже к Варваре, – Забяррай домовину, ня надоть нам, поживём ещё, потопчим лужки наши выселковския!

Варвара ничего не ответила. Она на такую тему теперь больше помалкивала.

Находясь в недоумении по случаю того, что покойница Горемыкина не явилась на своё отпевание и захоронение, Смагин Сергей Платоныч быстрым шагом возвращался в Выселки. Он не мог взять в толк, что же там стряслось, почему задерживаются. На подходе увидел вдалеке движущуюся группу сельчан, машинально стал пересчитывать всех по головам:

– Мымрины, Спиридониха, Бухайкины, Хренковы, Бражниковы да Пиндюрина. А это хто? Кого под руки тянуть, пьяного что ли? Неужто по-кой-ни-цу? Страсти-та какая! Эта чаво жа? Да не можить быть! Да нет, точно, точно она, Зубиха это!

Все направлялись к дому Лукерьи, живые и весёлые! Вот оно как! Чудеса! Обрадовавшись этому обстоятельству, ещё не уразумев такого воскрешения покойной, он прибавил шагу, почти побежал с пригорка и присоединился ко всем. Враз окружив недоумённо улыбающегося Платоныча, стали наперебой объяснять, что к чему. Так гурьбою и втянулись в дом Лукерьи.

Весна баловала робкими солнечными припёками, щекотала тёплыми лучиками. Еле уловимый звон оглашал деревеньку и луг, и реку, и лес в отдалении птичьим щебетом, перестуком капли, угрожающим шумом воды, ручейками поющего талого снега. Воздух напоён был свежестью и новизной. Жизнь в Выселках продолжалась.

* * *

Было раннее утро. Дед Савватей закончил свой длинный сказ. На губах Фёдора бродила улыбка. Он вдруг понял, что всё это время слушал старика с улыбкою, в плохое не верилось.

– Ну, вот и вся история, милоч! – выдохнул дед, – пей чай да отправляйся на автобус до Заболотья. А мне-то спешить некуда, прилягу, пожалуй, отдохну. Наговорился с тобою, как мёду напился. Ты, Фёдор, гляди там не усни в автобусе, а то опять проспийшь всё царствие небесное, – пошутил Савватей, – хотя дальше Заболотья всё равно не уедешь, конечная там станция-то.

– Спасибо за приют, за рассказ. Как обратно поеду, зайду к вам.

– Ага, ага. Ну, там, как уж получится – неопределённо и довольно равнодушно пробурчал Савватей и закрыл за уходящим парнем дверь.

Сергей СОКОЛОВ

Под парусом кленового листа

Стихи

* * *

А мне опять сегодня снилось море,
И паруса на горизонте дня,
И крики чаек на морском просторе,
И паренек, похожий на меня.

Наверно, юнга, в синей флотской робе,
С улыбкой на обветренных губах...
Стучали волны в борт в бессильной злобе
И отступали с пеной на горбах.

Ловили чайки ветер кливерами
Остроконечных крыльев-парусов,
А паруса, надутые ветрами,
Натужно выли сотней голосов.

Шумело море ветрено и пенно,
И брызги волн звенели, как хрусталь.
Лишь пели сладким голосом сирены
И нежно звали в гибельную даль.

И звуки все в одном сливались хоре,
В одном стихе, сознание пьяня...
А мне опять сегодня снилось море
И паренёк, похожий на меня...

* * *

Когда бредёшь по лесу не спеша,
Вдыхая жадно хвойный запах сосен –
Порхает, словно бабочка, душа,
И жизнь тогда чертовски хороша!
И ничего, что время года – осень.

Когда в полях свекольные бурта,
И зеленеет лишь ржаная озимь,
Берёзовых посадок нагота...
Ты приглядишься – какая красота!
И ничего, что время года – осень.

Когда идут холодные дожди,
Стучат и бьются гулко капли оземь,
Ты лишь немного просто подожди,
Пройдут дожди, и солнце впереди.
И ничего, что время года – осень.

Когда на лето вновь приедет внук,
Ах, это время – внуку скоро восемь,
Мы спустим наш двухвёсельный каюк
И переловим всех зубастых щук.
И ничего, что время жизни – осень.

* * *

Ворчит сердито кипяток.
Наступит утро, а пока
Я чая сделаю глоток
И прикурю от уголька.

Над горизонтом месяц встал.
Гляжу на пляшущий огонь.
О, чёрт возьми, как я устал
От суеты и от погонь.

Прекрасна летняя пора,
Мгновение, остановись!
Мне б вместе с искрой от костра
Подняться в призрачную высь.

И ненавистные года
Не смогут там меня найти.
Мне б затеряться навсегда
В просторах Млечного пути.

Я за собой мосты сожгу...
Но я туда не полечу.
Не потому, что не смогу,
А потому, что не хочу.

Ведь здесь давно моя душа,
Как в этом озере вода,
Среди болот и камыша
Уже осталась навсегда.

* * *

Ещё придут осенние дожди,
Ну, а пока, как в лучшей из идиллий,
Битюг уснул, прижав к своей груди,
По-детски сжатые в кулак ладошки лилий.

Битюг уснул коротким летним сном.
А ночь торопится. Без умысла, без лести,
Накрыв луга туманом, как руном,
В реке купает сонные созвездья.

* * *

Ну, что поделать, выхватил у лета
Сентябрь вчера, не церемонясь, руль.
А я держу ещё в руках билеты
Уже в далёкий солнечный июль.

Держу теперь ненужные бумажки.
Держу, воспоминания храня,
Об этой летней короткометражке,
Прокрученной как будто за три дня.

Да что июль, всё лето пролетело...
Не надо плакать, тут хоть растужись!
Летят мгновенья! В этом всё и дело –
Ведь каждое мгновенье – это жизнь!

* * *

Как только осень ко двору,
В тетрадку просится строка.
И сразу тянется к перу
Рука.

Как рано начал опадать
Сегодня жёлтый лист с ольхи.
Ложатся с листьями в тетрадь
Стихи.

И как из сотен мелких сит,
Видать пришла его пора,
Вновь дождь осенний моросит
С утра.

И мир вдруг кажется иным,
Не зря порой всё лето ждём
Строку, размытую грибным
Дождём.

* * *

Уехал в Питер ровно на неделю,
Забросив к чёрту дом и огород.
Мол, отдохну немного, в самом деле.
Но только вышло всё наоборот.

Не отдыхал, а мучился неделю
И возвращался к дому по ночам
Во снах своих больных, отдавшись хмелю
И мартовским завидуя грачам.

И ностальгию разбавляя водкой,
(Ну ладно, если б был совсем здоров)
Я всю неделю с питерской высотки
Пытался разглядеть родной Бобров.

Пытался уловить знакомый запах
И легкий плеск челночного весла,
Где тишину в своих зелёных лапах
Качает нежно старая ветла.

И небосвод где просто необъятен,
И зеленой раздольные луга,
Где «дым отечества так сладок и приятен»
И с дымом схож родного очага.

* * *

Догорает осень за окошком,
Рассыпая золото к ногам.
И хрустит рассвет ледовой крошкой...
Вот ещё сосем-совсем немножко
И уже придёт пора снегам.

И завоют, заревут метели.
Есть такое слово – кутерьма.
(А сады ведь только шелестели!)
И окрасит в белые пастели
Всё богатство осени зима.

И, вперёд! За зайцем по порошке
По лесам, по нивам, по логам...
А пока – хватай скорей лукошко –
Догорает осень за окошком,
Рассыпая золото к ногам.

* * *

Дождит с утра. Плюс ветреная стужа.
Не выглянешь из дома без зонта.
Ноябрь скользит по глади стылой лужи
Под парусом кленового листа.

Гуляет вместе с ветром в голых парках,
Играя всласть опавшею листвой,
То снег рассыплет в качестве подарка,
То волчий в проводах поднимет вой.

То распахнёт закрытую калитку,
Перевернув вверх дном всё во дворе,
Оставив беспорядок, как визитку,
А то затихнет в ночь на пустыре.

И всё окрест окутав тишиною,
Повесит месяц тонкий над прудом.
И, отдохнув под старою сосною,
К утру прихватит забереги льдом.

Зима

Морозный ветер поутру,
Позёмки кутерьма,
Река застыла на юру,
Барбос забился в конуру.
Зима!

Над лесом рыжее встает
Светило, как хурма.
Блестит на солнце свежий лед,
А ветер воет, как койот.
Зима!

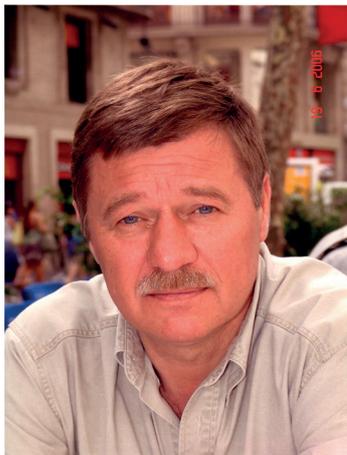
И я, смахнув с себя хандру,
Подамся в урема...
Былинка гнётся на ветру,
Ей это всё не по нутру.
Зима!

Трещит сорока мне вослед,
Смеётся. Ну, чума!
Мне до сороки дела нет.
И я скажу: «Тебе привет,
Зима!»

* * *

А исход зимы всё же летален.
Позаботились там наверху.
Чёрной краской весенних проталин
Март рисует весну на снегу.

Снег податлив, тяжёл и не плотен.
Да, сегодня весна на коне.
И в штрихах этих пробных полотен
Руку мастера видно вполне.

Николай ШМЫРЁВ

Я мысли выпускаю. Словно птицы Они летят, вы не стреляйте в них...

Стихи из сборника «И качается маятник медный...»

* * *

На бумаге буквами рисую
Вольный поэтический этюд.
И с пера, ничуть не полируя,
Отдаю читателю на суд.

Он мне скажет, блёклы твои краски,
По шаблону выписан сюжет.
И стишок твой мягкий, бескаркасный.
Мыслей нет, сплошной бездарный бред.

Может быть, художник я неважный.
Не постиг я это ремесло.
Но сажусь в кораблик я отважно
И плыву в водовороте слов.

Курс его проложен к месту встречи
С дорогим читателем, и там
О себе я выслушаю речи,
Лишь бы не сказали «Графоман»!

* * *

Разбрелись все слова по околицам,
Не собрать ни в строку, ни в межу.
А начнёшь собирать их, то колются,
Словно я прикоснулся к ежу.

Где найти их, певучих и звонких,
Затерявшихся в речи простой.
Я устрою смертельные гонки
За несбыточной красотой.

Разгонюсь до потери пульсации.
Пусть потом соберут по частям.
В предвкушении бурных оваций
Уподоблюсь былым королям.

Я найду, пусть не всё и не сразу.
Подожду год и после чуть-чуть.
Но поэзию, эту заразу,
Никогда не смогу обмануть.

* * *

Звездопад небо рвёт на кусочки,
Фейерверком горя среди тьмы.
И ложатся чернильные строчки –
Их у звёзд забираю займы.

Из глубин прилетели Вселенной,
Чтобы здесь умереть над Землёй.
Сколько жили до смерти мгновенной?
Никогда не узнать нам с тобой!

Так и строчки мои не бессмертны.
Позабудут и их, и меня.
Словно звёздочки, тихо померкнут,
Колокольчиком нежным звеня.

* * *

Есть белый свет, а есть ли чёрный?
Где солнца нет, где мрак и тьма.
Там мир, прозрачный, иллюзорный.
И круглый год царит зима.

Где смеха нет и нет веселья,
Нет детворы, спешащей в сад.
Там не рисуют акварелью,
Не говорят, всегда молчат.

Мне мир такой за грош не нужен,
Люблю цветущий белый свет.
Хотя и тут бывает стужа,
Но утром ждёт меня рассвет.

* * *

Не теряется время бесследно,
Всё прошедшее в сердце живёт.
И качается маятник медный,
Продолжая заученный счёт.

Тихо стрелки скользят друг за дружкой,
За пределы не вырваться им.
Это нас выкликает кукушка.
В круге первом по кругу летим.

Так проходят года чередою,
Приближая последний наш миг.
Но я жив и моё всё со мною,
Мой сердечный огонь не утих.

* * *

Крест на груди, крест на погосте,
Кресты на луковицах храма.
Иисус с креста к Отцу шёл в гости
Через мучительные шрамы.

Спасая мир самим собою,
Вознёсся Он, простив нас грешных.
Оставив на земле земное
И нас – в рыданиях безутешных.

Мы носим крест с Христом распятым,
Но боль Его не гложет душу.
Пред смертью всеми был проклятый,
Но клятву Богу не нарушил.

Он жив, Христос! Своей любовью
Жизнь вечную дарит, кто верил.
Он расплатился своей кровью
И мерою своей измерил.

С небес взирая мудрым оком,
К добру и миру призывает
Идти к евангельским истокам,
Всех нас, заблудших, он прощает.

* * *

Помахав на прощание кепкой,
Прыгну в поезд, идущий в далёко,
Выбирал я дорогу монеткой
И теперь уезжаю до срока.

Я сойду без бравурного марша,
Под раскаты весеннего грома
Прогуляюсь, как на Патриарших,
Под вороний безрадостный гомон.

Побреду в незнакомый край елей,
Сапогами стуча по планете.
Без надежды, без крова, без цели.
Будем в мире вдвоём – я и ветер.

* * *

Время скрутилось и сжалось до точки,
Стрелки часов никуда не спешат.
Спрячу я душу свою в оболочке,
Как недоступный для всех экспонат.

Время летело потоком бурлящим,
Бойко меняя года на века.
Груз, не снимая, который мы тащим,
От материнской груди до венка.

Не поменяю пространство на время.
Время умрёт в тот же миг, что и я.
Так и несём поминутное бремя
К чёрной безмерности небытия.

* * *

Скрипнул по-старчески дверцей комод,
Ветер надрывно пел песню в трубе.
Дом я не видел всего-то лишь год,
А изменилось так много в судьбе.

Кот не мяукает – нету кота,
Лишь воробьи под стрехой гомонят
Гулкая в доме стоит пустота,
Не с кем обняться, никто мне не рад.

Там, где звучали частушки и смех,
Ныне, как будто покойник в гробу,
Жизнь раскололась, как грецкий орех,
Сорный бурьян затянул борозду.

Дверь, по обычаю, палкой приткнул.
Вышел во двор, ну так, где же вы, люди?
В синее майское небо взглянул –
Небо, со мной оно вечно пребудет!

* * *

Лампа солнцем светит на столе.
Круг очерчен, дальше мысли нет.
Но со мной бутылка «Божоле»,
Вместе с ней ищу на всё ответ.

Молодое, красное вино,
Чуть пьяня, уносит к небесам,
И смотрю оттуда я кино,
Как ломаю жизнь свою я сам.

Кто я есть, зачем стихи пишу,
Умножая стихоплётов пул?
Ведь не гром мои стихи, а шум,
Прочитал страницу и зевнул.

Но вино мне будоражит мозг
И рифмую я слова к словам.
Придавая строкам смысл и лоск
С горечью, с надеждой пополам.

Лампа гаснет, день меняет ночь.
В горле от несбывшегося ком.
Но тревоги мои гонит прочь
Свет зари, рождённой за окном.

* * *

Не искушай меня, я слаб, нестойк.
Любовных писем больше не пиши.
Дай вынырнуть из дружеских попок.
Дай просветленья для моей души.

Тону я в омуте хмельном и бурном,
Желанье выплыть есть, а сил уж нет.
Я Цезарем хотел в плаще пурпурном
Предстать пред Богом, дать ему ответ.

Но тянет вниз поток воды журчащей.
Привет последний шлёт моя рука.
Старался быть героем настоящим,
Но не успел – жизнь слишком коротка.

* * *

Я в миру, а Он не замечает,
Есть ли я или спокойно сплю.
Жаль, что Он души во мне не чаёт,
Жаль, что я не сильно-то люблю.

Что я для Него? Лишь капля в море.
Нас, таких, ему не перечать.
То ль на радость, то ли мне на горе
Снизойдёт ко мне благая весть.

Полетит душа в край незнакомый.
Как во сне летал и я на Марс.
Саван на меня оденут новый,
И похоже будет всё на фарс.

Поп прочтёт молитву на дорожку.
Не окатит мир меня слезой.
Лишь свернётся на диване кошка,
Что осталась круглой сиротой.

* * *

Дамоклов меч висит на волоске
Над каждой головой и ночь, и день.
Прибой следы смывает на песке.
Над всеми распростёрта его тень.

Он каждый миг готов пронзить чело,
Того не знаем, чей придёт черёд.
Тебе сегодня, может, повезло,
А завтра будет всё наоборот.

Ты был счастливым, отлучён от бед,
Не думал о конце своём, не ждал.
Ты заказал торжественный обед,
Но порван волосок, и меч упал.

И всё осталось где-то позади.
Над гробом скажут заунывно речь.
Ты Богу в этот день не угодил,
Он опустил карающий свой меч.

* * *

Я заглянул к нему под вечер.
Висел пятак луны над крышей.
Не думал я о нашей встрече,
Но всё решилось где-то свыше.

О нём я слыхивал рассказы,
Покрытые вселенской тайной,
Как будто болен он проказой,
А может хуже, я не знаю.

И вот увидел человека,
Сидящего на шатком стуле.
А за спиной библиотека,
И книги мне чуть-чуть кивнули.

Мол, кто ты, странный гость у старца?
Что привело тебя под своды?
Зачем пришёл в наш тёмный карцер,
Лишив себя на час свободы?

Со старцем просто помолчали.
Не помню, миг был или вечность.
Ушёл без горя и печали,
Как будто канул в бесконечность.

А во дворе вдруг осенило,
Что побывал я у святого.
И понял я, что всё, что было,
Предтеча перед встречей с Богом.

* * *

Когда взлетаешь к звёздам через тучи,
Хватаешься за облака в надежде,
Что в небесах не будут тебя мучить.
Другая жизнь не будет той, что прежде.

Я ипостась сменил и бросил вызов
Земле родной и силе притяженья,
Покрыл себя божественною ризой,
Вселенной отдал душу в услуженье.

Простят ли меня предки и потомки,
Что я ушёл, покинув вдруг обитель?
Увижу божий свет или потёмки?
На сцене буду или в зале зритель?

* * *

Клавиатура бьётся – стёрты пальцы,
А за окном метель завывала в ночь.
Брожу по интернету я скитальцем,
Как в белом море заплутавший коч.

Мой стих летит, как чайка над прибором.
Найдёт ли он читателя в миру?
Кем станет он, пугая всех, изгоем?
А может, покорит всех, как гуру?

Я мысли выпускаю. Словно птицы,
Они летят, вы не стреляйте в них.
Когда вам чайка раненой приснится,
То это будет мой убитый стих.

* * *

Зачем живу, вы подскажите мне?
На всё у вас достойный есть ответ.
Снимите бесполезное пенсне,
Наденьте на себя бронезилет.

Пусть не пробьют вас пули и слова.
Вы будете закрыты от всех бед.
Не заболит от мыслей голова,
Не будет поражений и побед.

А я бросаюсь в омут с головой,
Не зная, возвращусь ли к вам опять?
И, может, обрету я там покой,
Лишь там смогу я сам себя понять.

* * *

Я не хочу начать сначала,
Пусть и предложат боги мне.
Жизнь и смеялась, и ворчала –
Тонул во льдах, горел в огне.

Но это всё моё наследство,
Мой неразменный капитал.
В нём моя юность, зрелость, детство,
Что по крупицам я собрал.

И вдруг отдать всё нажитое,
То, что хранил я, как Гобсек?
Я помню правило простое,
Что смертен каждый человек.

Я не Христос, мне не воскреснуть.
Доволен жизнью и судьбой,
С толпой иду я ходом крестным,
Ведомый Божьею трубой.

Пусть мне сулят золотые горы,
Жизнь без болезней и тревог.
Пустые эти разговоры,
Мои дела рассудит Бог.

Альберт ЗВЕРЕВ

Он вышел рано. До звезды...

Очерк к 80-летию со дня рождения поэта Евгения Харланова

Евгений ХАРЛАНОВ: «Мне жаль, что я когда-нибудь умру...»

Скончался он тихо и просто. Весной 1993 года, на больничной койке, от прободной язвы. В возрасте пятидесяти лет. Рядом на казённой тумбочке уже лежали черновики рукописей его первого «настоящего» сборника стихов – «У придорожного камня».

*Мне жаль, что я когда-нибудь умру.
Люблю я человеческие лица.
Люблю срывать с событий кожуру.
чтоб истиной и красотой упиться.*

*Открылось мне: природа не убийца,
а мать моя. Пускай я буду груб
иль нежен к ней – мне нечем откупиться
от матери, что оборвёт игру.*

*Но прежде, чем секунды довершат
свой предпоследний, свой последний шаг,
исполненный таинственного смысла,
я по-мужски отчаянно хочу,
чтоб жизнь на мне как женщина повисла
и крикнула в пространство: «Не пуцуй!»*

Эта жизнь, конечно, не могла долго удерживать в нашем мире живущего по своим собственным законам и правилам поэта Евгения Харланова. Слишком смело и слишком настойчиво заглядывал он за запретную черту смертной бездны, нарушая все неписанные общие законы человеческого самосохранения,

задумчиво и беспечно прогуливаясь по самому краешку земного бытия. Он не жаждал раннего ухода – слишком любил жить, но ревнивая судьба не простила обычному человеку такого фантастического таланта.

Говорят, попади он в больницу чуть-чуть раньше... Чуть-чуть с настоящими поэтами не бывает. Он не был человеком практичным, организованным и совсем элементарно приспособленным к жизни. Не был никаким членом никаких Союзов, не умел работать локтями, пробивать в печать свои книги и публикации. Жить и писать «чуть-чуть» тоже не умел. И жил, и творил в полный рост. Жил и пил как в последний раз – до дна. Своих слабостей не скрывал. Напротив, очень тонко над ними посмеивался и иронизировал, а людей чересчур «правильных» в шутку обзывал бездушными роботами.

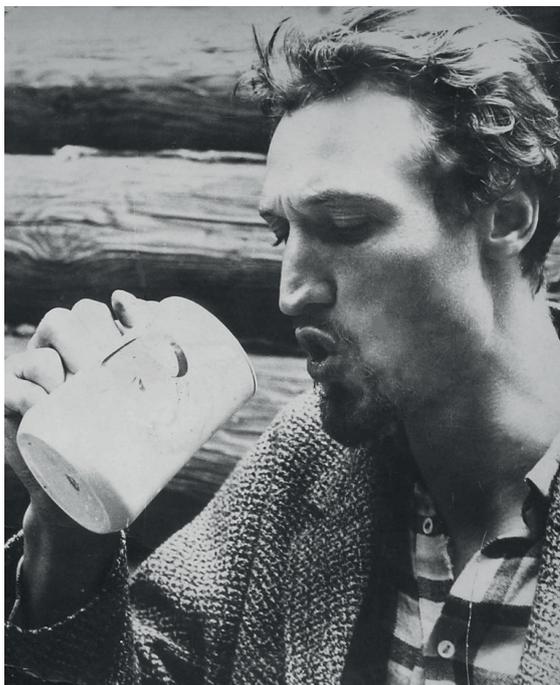
*Машина, с человеком в схватке
ты сдашь хотя бы потому,
что нет в тебе тех недостатков,
какие свойственны ему.*

Он успел увидеть только две своих тонких книжечки «Прикосновение к чуду» и «Зелёная вселенная». Сразу же раздарил их друзьям и знакомым, не оставив себе по беспечности ни одного экземпляра. Сегодня мы по крупинкам собираем драгоценные строки его поэтического наследия, разбросанного поэтом по случайным альбомам, написанные на обрывках сигаретных пачек, на забытых помятых листочках в редакциях газет и журналов.

Собратья по перу понимали его не всегда. Вероятно, просто не могли дотянуться до вершин философской поэтической вселенной Харланова. И впрямь – откуда, из каких тайных глубин у человека, выросшего на наших родных чернозёмах, рождались совершенно неземные, «астральные» образы и строки?!

Необыкновенно одарённому человеку полностью отдаваться творчеству, одновременно заботясь о хлебе насущном, было непросто. По утрам и поздними вечерами, чтобы заработать на нормальное жильё, он – кандидат наук – учёный, нисколько не стесняясь, подрабатывал простым дворником. А днём спешил в Тамбовский институт культуры, где, даже не состоя в коммунистической партии, преподавал студентам... марксистско-ленинскую философию. Уникальный в советские времена случай. Его жизнь вообще состояла из сплошных причуд и парадоксов. Евгений Харланов совершенно не вписывался в образ нормального советского поэта и гражданина, не боролся с системой, не ходил на политические митинги, не был ни врагом, ни другом общественного строя, не лебезил перед властью и не диссидентствовал. Просто жил, как умел. И писал свои удивительные стихи. Многие сегодня утверждают, что за всю историю земля Тамбовская не рождала столь талантливого и самобытного стихотворца.

Его друг – поэт Евстахий Начас вспоминает: «Женя был очень деликатным человеком, тонкие черты его красивого лица просто светились щедрой добротой. Он был гениальным не только в поэзии, но и в отношениях с людьми, мог не задумываясь поделиться с ближним последним рублём или последней сигаретой».

Поэт
Евгений ХАРЛАНОВ

Бытовая неустроенность и хроническое безденежье быстро подорвали здоровье от природы крепкого человека. Своему другу-журналисту Евгению Писареву он как-то заявил: «Вот заработаем с тобой целый червонец, купим бутылку водки и к ней даже банку тушёнки... И ни с кем не поделимся. Сами всё съедим и выпьем!»

Поэт, конечно, шутил. Поделиться с ближним последним куском хлеба было для него так же естественно, как, пребывая в творческом полубеспамятстве, прошагать по пути в редакцию прямо через грязную весеннюю лужу, или купить по рассеяности «на закуску» сырой мороженой рыбы...

Автору этих строк посчастливилось познакомиться с Евгением Харлановым в самом начале 90-х. Поэт часто заходил в Дом печати к своим друзьям в штаб-квартиру областной писательской организации. Кабинет нашей скандально-известной редакции оппозиционных к власти «Тамбовских губернских ведомостей» был через коридор напротив, а двери и мы, и писатели любили держать открытыми нараспашку. Заглядывая к нам, Харланов всегда наигранно-удивлённо здоровался: «Ну, что, господа революционеры, вас ещё не прикрыли? Всё клеветем?!» Поэту в то время было под пятьдесят, а «господам» по 15 – 25 лет, и мы, хорошо знакомые с его творчеством, немного перед мэтром комплексовали и охотно бегали по его просьбе в магазин за «лекарством»...

Однажды один из нас решил показать Харланову свои стихи. Поэт их внимательно прочёл, грустно помолчал и вежливо спросил: «А может, тебе лучше прозу писать попробовать?» Тот, совсем молодой тогда человек, уже давно не молод и действительно стал хорошим писателем-прозаиком.

Евгений Харланов обладал потрясающим чувством юмора и был настоя-

щим мастером экспромтов. Как-то, обнаружив дверь писательской организации закрытой, он в очередной раз зашёл в нашу редакцию на чай. У меня на столе, среди груды другого бумажного мусора, лежала стопка черновиков одного из тамбовских писателей-графоманов. Озаглавлен этот «эпохальный» труд был: «Тонкие струны души». Взглянув на фамилию автора и бегло пролистав рукопись, поэт быстро взял карандаш и поправил заголовок всего двумя знаками препинания. Получилось: «Тонкие струны? Души!».

Пример другого, уже поэтического экспромта Евгения Харланова приводит журналист Евгений Писарев: «Едем с Женей в троллейбусе, а тогда только появились в них над компостерами и билетными машинками самообслуживания надписи: «Бывают зайцы белые, бывают зайцы серые. А ты какого цвета, заяц без билета?» Он прочёл и тут же выдал: «Я ответ даю вам ясный – раз советский, значит – красный!».

О начале своего литературного пути Харланов вспоминал очень самокритично: «Писать я начал где-то с седьмого класса, неожиданно для себя. В окно зимой светила луна, я встал, и, словно лунатик, не зажигая света, нацарапал что-то в школьной тетради, пытаюсь выразить настроение. Когда поступал в институт на физмат, почти год ничего не писал. Но как-то снова, во время июньской грозы, почувствовал потребность, какую-то инстинктивную, – выразить обуревающие чувства.

Однажды понял, что всё написанное мной ранее было лишь ученичеством, словесным описанием происходящего внутри и вовне. А нужно изображение, для которого мало рифмы, эпитета, ритма. Требуется метафора как приём поистине творческий, который не только отображает, но и преобразует действительность. С тех пор считаю, что без авторской метафоры стихотворение вообще не может состояться, ибо она не только авторский приём, но и сама мысль в конкретно-чувственной форме».

Фантастические харлановские образы и метафоры могли быть как тёплыми и гуманными, так и предельно жёсткими и холодными, пугающими бездной страшных откровений.

*Ума холодное свеченье
лишь указывает нам на тьму.
Мой сын боится звёзд вечерних,
но сам не знает – почему.*

*Мы не во власти дум неверных
и мним пространства не во сне,
но чем они неимоверней,
тем сердцу нашему тесней.*

*Какой неизреченной бездной,
собой втянувшей ход времён,
зияет небо без созвездий,
мерцают звёзды без имён?*

*Бездонным, как и космос, взором
сквозь даль клубящихся времён
мы смотрим в зеркало, в котором
самих себя не узнаём.*

Круг поэтических интересов Евгения Харланова был достаточно обширен. Он много писал о любви, о природе, о человеке и его месте на этом свете. Но более всего, пожалуй, его интересовали темы более глобальные: сам смысл человеческой жизни, бессмертие души, судьбы миров и, чего уж там поэту мелочиться, – судьба всей нашей вселенной.

*Все звёзды в нашем небе,
уввы, обречены.
Нет истины нелепей,
хоть все они страшны.*

*Мир без войны не мыслил
Тимур, умён и лют,
Но плакал царь персидский,
что все друзья умрут.*

*Да, смертность обнаружив
галактик или звёзд,
впадает в крайний ужас
тот, кто не очень прост.*

*К чему нам всё пространство –
лишь нужен синий кров –
зачем волнует нас так
судьба больших миров?*

*К станку – от школьной парты,
полвека – и отпет...
Зачем нам миллиарды –
такая прорва лет?*

*Что нам за звёзды страшно?
Пусть гаснут не спеша!
А это знает наша
вселенская душа.*

*Ей всё известно лучшее,
так как, видать, она
бессмертна, вездесуца,
всесильна и вольна.*

*Душа великий практик,
и для неё пока
судьба иных галактик
дороже молока.*

*Мир целиком ей нужен,
от ней не ограждён.
И тот вполне бездушен,
кто в том не убеждён.*

Поэт Нина Веселовская о Харланове вспоминала: «За глаза весь город называл его Мефистофелем. Портретное сходство с этим персонажем было поразительным: гибкая пластичная фигура, характерная узкая бородка, острый нос с горбинкой и неизменная усмешка на губах. Единственное, что никак не сочеталось с образом нечистой силы, – это добрые глаза. Не чёрт, а чертяка, остроумный, лёгкий в общении, порой непредсказуемый».

Очень неоднозначными и своеобразными у поэта были взаимоотношения с жизнью и смертью, с богом и дьяволом. Он признавался, что не считает себя «махровым» атеистом, но позволял себе беседовать со Всевышним на равных и совсем не уважал людей, верующих фанатично и бездумно.

*Ищите Бога в поздний час,
Пусть от безверия врачует.
Но если нет Его у вас,
у нас он тоже не ночует.*

*Ищите Бога в шалаше,
в богемах, иль ином отребье,
но если нет Его в душе,
то нет, тем более, на небе!*

*Будь выше собственных обид.
И во враге разведай брата.
По отклоненьям от орбит
планета найдена когда-то...*

*Своей или чужой грязи
не соскresti с души вилами.
Лишь отойдя от злой стези
ты ощутишь Его влиянье.*

*Но если ты в укор векам –
в числе непримиримых судей,
то бог твой – новый истукан,
исчадие животной сути!*

*С нечеловеческих орбит
ты не сошёл. Не понял Слова –
камнями будешь ты побит,
что приготовил для другого.*

*Бог обошёл рождением Рим,
войдя в селение любое,
незастеклённым глазом зрим
для всех, отмеченных любовью.*

*Без Бога ест тебя тоска
и ты кликуш сзываешь криком.
Его не надобно искать –
держи лишь дом всегда открытым!*

Говоря сегодня о поэте Евгении Харланове, невозможно не вспомнить и о том, каким настоящим и искренним патриотом был этот необыкновенный человек.

*На развилке у трёх дорог
как ты, древняя Русь, близка мне!
Разгадал бы славянский слог –
надпись мудрая смыта с камня
придорожного...
Забыватьё.
Дремлют копны, сереют пашни.
И уже не блеснёт копё
Печенегу
в глаза россомашьи.
Но, как мужества холодок,
накалясь добела на синем,
в небе острый сверкнёт следок
в глаз недобрый и ненасытный.
Я разгадывать не берусь
тени знаков на камне сером.
Все дороги ведут на Русь,
потому, что они из сердца.
Нет, не голову, не коня
на любой из дорог из камня –
знаю, что потеряю я.
Ничего для тебя
не жаль мне.*

В конце 70-х Харланов начал работать над поэмой «Оппенгеймер», посвященной американскому учёному Роберту Оппенгеймеру. Увы, этот труд так и

остался незавершённым. Закончив физико-математический факультет Тамбовского государственного педагогического института, кандидатскую диссертацию поэт защитил по философии по теме «Этика учёного». И поэтическим отображением его научных изысканий как раз и стала эта поэма – о нравственной драме учёного-ядерщика, «отца атомной бомбы» Юлиуса Роберта Оппенгеймера.

Предгрозые

Отрывок из поэмы «Оппенгеймер»

*Ещё любились, плакалось и пелось
по-старому.
Война была не в счёт.
И мир свою томительную зрелость,
как женичина, не признавал ещё.
Но в горле, как проглоченный хрусталик,
уж стыл разрыв, холодный и пустой...*

*В прекрасном девятнадцатом остались
Ван-Гог и Спенсер, Максвелл и Толстой.
Над старой Русью мертвою планетой
кружился Бунин в сумерках тоски.
И нафос золотого эполета
уже сменила будничность хаки.*

*Век довершал тяжёлую работу,
не мучась над отделкою дверей.
Багрово, душно полыхало что-то
над тем, что было родиной царей.*

*Там смутно из картофеля и ситца
проглядывала новая страна.
Ещё ей предстояло расплатиться
за тот Восток, где строилась она.*

*Казалось, что заплачено Европой
за новый век, сулящий тёплый свет,
кроваво-грязной похотью окопов
и смертью в пулях, павших, как в листве.*

О творчестве своего друга журналист Евгений Писарев сказал: «Время – лучший судья. Истина сколь банальная, столь и справедливая. Листаю сборники стихов, изданные другими поэтами в 60-е, 70-е годы. . . Всё больше тлен, заросший, как мхом, «приметами времени». Читаю стихи Евгения Харланова, написанные им в юношеские годы, и чувствую, что нахожусь на сквозняке времён – сквозит вечностью, космосом. . .»

Елена БОРОДА

Чёрное/белое*

Рассказ

Запись 1.

Это был несчастный случай! Роковая случайность, ясно вам? Я этого не хотела!

Запись 2.

Я спокойна. Спокойна, говорю вам!

(Пауза)

Можно уже говорить, да?

Ладно.

Я учусь в художественной школе Юджина Фауста. Знаете, наверное, что за школа? Не знаете? Ну, вы даёте!

Что? Представиться надо? А я разве ещё не? Надо же.

Ладно.

Катарина Молнар, шестнадцать лет. Первый год обучения Юджин-школы. 210 по шкале Фауста-Бохински.

(Пауза)

С чего вообще начинать-то? С самого начала? Это вам долго придётся слушать. С самого моего рождения. А может, и раньше. Со свадьбы родителей. А потому что у каждой истории есть предисловие, которое само по себе отдельная история. Всё в жизни связано, одно порождает другое.

Это любит повторять мой отец, Андош Молнар. Он вообще обожает высказывать какие-нибудь умные мысли. Ну, то есть, это ему кажется, что они умные.

Ладно, я поняла, ближе к делу.

Говорите, что хотите, а я чувствую, когда надвигается что-то убийственное. Вот и тем утром почувствовала.

* Авторское название рассказа «Ч/б».

Когда я проснулась, за окном лил дождь.

Я вообще мало обращаю внимания на такие мелочи. На погоду там. Мне любая нравится. Одевайся, чтоб не замёрзнуть, или чтоб не изжариться, да и всё.

А тут с постели встала – темно, мрачно! Ещё и девчонки ссорятся, соседки. Милена, моя однокурсница, и ещё кто-то. Мы в общей спальне живём. Отдельные комнаты только у старшекурсников. А мы все вместе. Так что случается всякое.

Я на них рывкнула, так что обе заглохли, и пошла умываться. Горячую воду отключили. Мне обычно тоже по барабану, ледяной душ даже бодрит. Но в тот день всё выбивало из руслу. До кучи начались месячные. На два дня раньше. Меня и вообще это состояние не радует, а когда что-то идёт не по плану, тем более.

В общем, день начался не очень.

На втором уроке меня вызвала наставница, и мы пошли к директору.

Наставница у нас молодая. Только что прошла курс обучения. И сразу пришла работать.

Школа Юджина Фауста такое практикует: многие выпускники возвращаются сюда уже наставниками или учителями. Ещё и потому это не просто школа, а братство.

Хотя тоже случается всякое. Я тому пример.

По пути я пыталась выспросить у Ирмы – у этой самой наставницы, что случилось и зачем Бенъямин меня зовёт.

Но она и сама не знала.

Перед кабинетом директора мы ещё немного постояли. Ирма с сочувствием как-то на меня поглядывала. Мне это не понравилось. Как будто виноватой меня считает. А я уже в уме перебрала всё, что можно. Вывихов никаких вроде. Так что нечего меня разглядывать со скорбным видом!

Пригласили в кабинет. Вошли мы вместе, а потом директор Ирму поблагодарил душевно и попросил оставить нас вдвоём.

Как-то мне снова нехорошо стало. Тревожно так. Ещё и живот начал противно ныть. Чего и следовало ожидать – у меня он часто болит в первый день, просто ужас, как это выбивает из колеи!

Директорский кабинет просторный. Мне больше всего нравится застеклённый эркер. Совсем небольшой, но прозрачный от пола до потолка, и там стоит диван. Можно забраться с ногами и смотреть на улицу. Какое-то домашнее место. Хотя всё остальное в кабинете строго и серьёзно: солидный стол, мебель цвета южного ореха, в шкафах документы в толстых папках, каждая папка с надписью.

Вообще Бенъямин хороший. Так-то он господин Фогель, директор и опекун. Человек умный и уважаемый. Но за глаза мы называем его по имени.

Я дружу с его приёмным сыном Яном.

Про Яна надо подробнее. Нет, он не играет никакой роли. Просто он мой друг, я хочу про него рассказать!

(Пауза)

С Яном я познакомилась в первые дни поступления. Он тоже учился в школе, но на правах вольного слушателя. Полноценным обучающимся он стать

не мог. Он не различал красок, и это его заметно травмировало. Я его понимала: жить в окружении живописцев и видеть мир чёрно-белым!

Я даже не знала, почему мы с Яном так сблизились. Он совсем на меня не похож. Дружелюбный такой, живой, весёлый. Но вот, несмотря на эту свою весёлость, он чувствовал всё-таки отверженность. Это его ко мне и кинуло.

Его реально расстраивало то, что он не видит краски. Очень хотел стать художником! Вообще он классно рисовал. И я не видела ничего страшного в том, что он будет графиком, а не живописцем. Но он прям буксовал на этом, так ему хотелось заглянуть в цветной мир.

И мы придумали одну вещь.

У Яна очень сильно развито контрастное зрение. И он научился различать цвета по контрасту. И на ощупь всё пробовал. Утверждал, что помогает. Я его тренировала: показывала предмет и называла цвет. Это что-то необъяснимое, согласна. Но он и правда научился различать цвета по контрасту и на ощупь. Почти никогда не ошибался.

Что?

(Пауза)

Про ч/б кризис? Так это вроде и так все знают. Всё равно рассказать?

Ладно.

Только я не ручаюсь. Ну, за точность. Как мне рассказывали, так и я...

Сначала это вроде был какой-то вирус. Хоп – и экран становился чёрно-белым. И всё, его оставалось только выбросить. Процесс необратим, такая вредоносная программа. Но не у всех же есть деньги, чтобы сразу поменять смартфон. Вот половина и пользовалась заражёнными гаджетами.

А потом стало так: человек поднимал голову от ч/б экрана – а вокруг тоже всё чёрно-белое. Он проморгается, умоется – ничего не изменилось. И самое главное – эта хтонь начала расползаться со скоростью света!

Вы, наверное, скажете, что надо отлипнуть от экранов, и проблема решена. Ну, в общем, да. Только это легко сказать. Никто не хочет быть отрезанным от мира. Все настолько уже были завязаны в паутине, что предпочитали видеть мир без красок, чем остаться без лайков.

Потом, конечно, аукнулось. Волны суицида, психушки переполненные. Это понятно: чего ждать от жизни, если открываешь утром глаза и видишь... пятьдесят оттенков серого.

Дурацкая фраза, я не знаю, откуда она взялась, серый не столько насчитывает оттенков. У него их не пятьдесят, а двести пятьдесят. И даже больше, кажется. Ладно, не суть.

Люди от безысходности шагали в окошко с восемнадцатого этажа, прыгали с серых крыш, резали вены и наблюдали, как серая кровь вытекает из них вместе с жизнью. Бросались под грузовики, которые раскатывали их по серому асфальту.

В эти годы расплодились вандалы. Сколько было погублено картин – не счесть! И тоже ведь от отчаяния: потому что картины больше ничего не могли сообщить миру. Ни один шедевр не мог!

Ну вот, как-то так.

(Пауза)

Беньямин подёргал себя за бороду и стал похож на художника Климта в старости. Видимо, тоже не знал, с чего начать.

Наконец он собрался с духом и спросил, когда я последний раз видела свою мать.

Это был очень неожиданный вопрос. Я проучилась в школе почти год, и за это время привыкла не думать о родителях. Тем более что у меня появился Виктор.

Мать уехала от нас очень давно. Вроде работать. Первое время деньги присылала, даже наезжала пару раз. А теперь я её лицо забыла.

У меня есть такое свойство памяти. Она не хранит неприятные вещи. Это происходит само собой. Накапливается какое-то количество боли, или отвращения, или стыда – и воспоминание окукливается и погибает. Ну, не погибает, конечно, говорят, из памяти ничего не исчезает. Но спит глубоким сном и не тревожит моё сознание. Поэтому я не помню, скучала я по матери или нет.

А вот сестра младшая, Майка, скучала, это да. Отец так вообще...

Ну, я сказала, что последний раз видела мать очень давно.

Тут Беньямин как-то странно на меня посмотрел, и я почувствовала, как у меня холодеют пальцы. Как ледяная волна поднимается всё выше и выше, и охватывает шею, затылок и уши.

У меня такое свойство памяти... Я уже говорила. И я забыла про одну вещь. Но теперь пришлось вспомнить.

Запись 3.

Я всё-таки расскажу про школу. А то непонятно.

После эпидемии прошло много лет. Дети выросли, дети детей тоже. Все успели привыкнуть к ч/б миру. И вот цветное зрение у людей стало восстанавливаться. Не у всех, конечно.

Вообще-то и раньше существовали выжившие. Ну, те, кто сохранил цветное зрение. Но мало.

А тут стали появляться люди, которые различают цвета. Кто-то различал красный спектр, кто-то синий. Кому-то вся линейка была доступна.

Потом придумали специальную шкалу тонов и оттенков. Сам Юджин, кажется, и придумал. Хотя до эпидемии существовали какие-то цветовые круги и схемы. Заново создал, значит.

Такая шкала, она определяет цветовую чувствительность. У меня 210, я говорила? Это высокий показатель, у самого Юджина было 221, выше только у Глеба Бохински. 228, пока ещё никто из живущих не обогнал.

Нет, это не число оттенков, вы что! Их около пятнадцати тысяч, или даже больше. Шкала – это комплексный показатель восприимчивости, туда много чего входит, слишком сложно объяснять, в двух словах не получится.

Ну вот.

Как вычисляли зрячих? Да по тому, как они залипали на предметах.

На птицах, насекомых, игрушках, цветах. Торчит из земли какой-нибудь куст шиповника, к примеру. Все мимо идут, а один стоит такой, лепестки рассматривает.

Отношение к ним, конечно, разное было. Оно и сейчас разное.

Пока ещё относительно большинства это аномалия – то, как мы видим. Хотя если вдуматься, – наоборот, норма. Нам даже в школе объясняли. То, что произошло с людьми, вот эта вот атрофия колбочек, – это мутация, изврат природы. Рано или поздно человечество придёт в норму.

Вот в такое время и появился Юджин Фауст. Стал отслеживать зрячих, собирать их в кучу и учить пользоваться красками. А когда куча набралась порядочная, основал школу.

Он считал, что всё пойдёт быстрее, если родится новая живопись. Старых-то полотен, считай, и не осталось. Так, крохи.

(Пауза)

Школу вообще основал ученик Юджина, Глеб Бохински. Юджин уже старенький был к тому времени. Говорят, учеников двести у него было, а в школу решились пойти только семнадцать. Слишком всё это казалось непривычным.

(Пауза)

Я очень хотела поступить в эту школу! Как только узнала, сразу поняла: хочу стать художником, другой дороги у меня нет.

Мне всякое говорили. Учиться трудно, школа закрытая, профессия сомнительная. А мы ведь ещё и работаем! Школа сама себя содержит, потому что от государства мы получаем какие-то крохи, на них существовать невозможно. Поэтому – зоопарк, посудная лавка, сувениры и пряники, пекарня – везде, где руководству удаётся договориться, чтобы нам разрешили подработать. Собственное натуральное хозяйство опять же.

Меня ничто не пугало. Я готова была пахать двадцать четыре часа в сутки. Хоть в зоопарке этом самом, хоть где.

И режим... То, что всё строго, даже нравилось. Так всё достало, самостоятельность эта, хотелось, чтобы за тебя всё решали, а ты подчинялась.

Я только за Майку тревожилась. За сестру. Хорошо, что тётка согласилась её приютить.

Когда от нас уехала мать, у отца поехала крыша.

Вообще он всегда был немного не от мира сего. Любил мечтать. Только его мечты были какие-то ненастоящие. Построить подземную ферму, например, и разводить там кроликов и песцов и богатеть. Или наладиться мастерить фуруйи и цимбалы. И тоже богатеть.

А Беата – ну, мать... Мать нашу зовут Беата. Она, короче, наоборот, вся в жизни. Комфорт любила, чтобы всё вокруг красиво и богато. Она и за отца замуж вышла, потому что он красивый был. Сейчас-то, понятно, от красоты той ничего почти не осталось. Она разочаровалась и уехала искать лучшей жизни.

Ну и вот.

Отец ослабел умом. Я не сразу заметила. Майкой занималась. Она же маленькая совсем тогда осталась.

А ему прям в первый же месяц поплохело, это я уже потом поняла. Он

вечерами такой становился... Станный. Молчал всё время. Сидит, в окно уставится и молчит. Я подойду, шторы задёрнуть... Не люблю, когда окна открыты, днём нормально, а ночью мне страшно. Так и кажется: заглянет кто-нибудь. Как из колодца. Стану, короче, окно закрывать, а он меня за руку схватит! И тоже молча. Всё молча.

Днём отгаивал, правда.

А потом и днём...

Я даже не знаю, как описать... Что он странный. Вроде ничего такого. Вроде как все.

(Пауза)

Ну, вот проспаться мог очень долго. По восемнадцать часов спал! А ещё без конца кипятил воду. Вскипятит и оставит, просто так, ни для чая, ничего. А однажды взял чайник и полил помидоры в огороде. Они загнулись, естественно.

Тут мне первый раз страшно стало.

И, главное, в дурку его отправить нельзя. Почему? Ну, во-первых, нас с Майкой моментально загребут в дом надзора. И не факт, что вместе: там по возрасту сортируют, а у нас семь лет разницы. Тётке бы нас не отдали, у неё инвалидность, она живёт на пособие. Во-вторых, народ у нас злобный. Реально злобный, как в средние века! Нам с Майкой ни за что бы не простили, если бы мы такое сотворили.

Я стала бояться. Майка подросла, и он на неё глядеть стал... Не как отец. Понимаете?

А я в школу поступила! Вроде радость-радость. А как уехать?

Спасибо, тётка согласилась взять Майку к себе. Поворчала, но согласилась. Ворчала она главным образом на меня: потому что не одобряла всех этих художеств. Говорю же, народ у нас своеобразный. Не только злобный, но и серый, утопанный какой-то. Новизны не любит, высокого не признаёт.

А тётке даже лучше с кем-нибудь. У неё один глаз не видит, одна рука не действует. Майка ей по хозяйству помогает.

Я рассчитывала, что получу профессию и Майку заберу. Не вышло.

Запись 4

Беньямин надул щёки, выдохнул и заговорил.

Беату нашли в Цапле Забвения. Это город такой, не знали? Вот и я не знала. А город большой. Просто далеко на севере, туда мало кто ездит. Но мою мать вот занесло.

Занесло и размазало. Она, короче, без памяти валялась в тамошней больничке. Имени своего не помнила, документы потеряла. Несла какую-то чушь, вроде того, что целый год жила в утробе большого музыкального инструмента с деревянными молоточками внутри, и теперь у неё от этих молоточков раскалывается голова.

На самом деле её ограбили и бросили. И по голове шарахнули, судя по всему. В общем, связь с прошлым у неё была – только моё имя. Катарина Молнар,

дочь. Так она повторяла. А потом кто-то по её выговору определил, что она из наших заосередских краёв.

Это, знаете, река Осередь, а за ней мы. На одном берегу, потому что на другом живут змеи. Просто очень много змей, они там как хозяйева.

Там даже вышек приёма нет. Настоящий край света.

Выговор, значит, заосередский. Вот ведь какая штука. Человек не в себе, а язык живёт своей жизнью. И язык, и губы, и связки. Они привыкли двигаться так, а не иначе. Они неожиданно выдают, где человек жил, какими словами пользовался. Это красок люди лишились. А со слухом у них всё в порядке. Даже лучше, чем было.

Как только Бенъямин заговорил, я поняла, что всё это правда, всё так и есть. И ещё почувствовала, что всё хорошее в моей жизни закончилось. Надолго, если не навсегда. Такое осознание... трезвое.

Дело в том, что...

(Пауза)

Я заполнила документы так, чтобы все считали, что у меня нет матери.

Я это не ради выгоды сделала. У нас сироты не пользуются особыми привилегиями, при поступлении тем более. При поступлении один критерий – одарённость.

Я тогда страшно обозлённая была. На то, что мне приходится самой решать все проблемы: и свои, и семейные. Что у меня нет никакой поддержки. И матери у меня как будто и нет. Ну, вот и пусть не будет! И пусть никто у меня про неё не спрашивает!

И я поставила прочерк в данных о матери.

Бенъямин ни слова не сказал о моём подлоге. Закончил говорить и смотрел на меня.

А я смотрела на его руки. Они в кулаки сжаты и лежат на столе, как в начале разговора. На правой руке кольцо. Цвета тосканского солнца. Ну, это один из оттенков жёлтого. Но теперь, похоже, оттачивать зрительные навыки мне больше не придётся.

У меня болел живот, и я думала, хоть бы этого всего не было. И ещё почему-то о том, что нужно забрать вещи от Виктора, но это так сложно...

Мой Виктор...

Мы познакомились в зоопарке. Я-то работала, а он поглазеть пришёл. И как-то сразу обратил на меня внимание.

Я была с Джокондой.

Это моя гиена. Я хотела бы сказать «ручная», но она не ручная ни разу. Гиен, похоже, вообще приручить нельзя. Вот и моя тоже. Независимая тварь, но меня любит.

Это я её так назвала.

Ну, Джоконда! Одна из уцелевших картин. Её написал Леонардо да Винчи. Она потрясающая, если вы не знали. Там женщина сидит и улыбается загадочно. Не то чтобы моя зверюга улыбалась так же. Она просто улыбается, пасть так

устроена. Но мне этого хватило. К тому же красиво звучит – Джоконда!

Мало кто хвастается тем, что дружит с гиеной, да? Я сама не знаю, как это я так к ней привязалась. А она ко мне, хотя скорее умрёт, чем это покажет.

Ну так вот, про Виктора.

Он полдня стоял у вольера, а потом пошёл меня провожать.

В первый день ничего больше. У нас же закрытая школа. Кроме нас и преподавателей никого внутрь не пускают. Даже родственников. Родственники только по выходным.

Ну и вот.

В следующий раз опять в зоопарке. В моё дежурство, а это раз в неделю. Какое-то время так встречались. По городу гуляли. В бассейне плавали. Музыка слушали вместе.

У нас всё серьёзно было с самого начала. Он меня с семьёй познакомил. Мама у него и братишка младший. Как моя Майка. Я ещё подумала, может, и из них пара получится. Ну, со временем.

А мама его меня сначала приняла в штыки и копья. Но её можно понять. Нас ведь слегка чокнутыми считают. Любой тыщу раз подумает, стоит ли ему связывать свою жизнь с художником. Но Виктор вот не сомневался.

С мамой были сложности, да. Но потом она меня поближе узнала и та-ак полюбила! Добилась даже разрешения забирать меня на выходные. Хоть мы и не родственники.

Я, конечно, не против. Мои родные меня всё равно не навещали. Так что ближе к субботе я собирала свою работу, краски, холсты все, – и к Виктору!

У него комната светлая, просторная. С балконом. Вот на балконе у него я и работала. Совсем отдыхать не получалось, очень много нужно было успевать. Мы в Юджин-школе вообще трудимся как заведённые!

На балконе места много. И воздуха. И свет подходящий.

А мама его мне чай приносила. Или просто смотрела, как я пишу. Сядет на балконе с вязанием – она вязать любит – и смотрит. Ты мне, говорит, как дочка стала.

До слёз прям, да?

Запись 5.

Мне надо было её забрать. Беату.

Она была уже в пути. И память к ней, по словам медиков, медленно возвращалась.

Добрые доктора из Цаплинской больницы отправили её поездом в Пасто. Там ей предстояла пересадка, и уже оттуда она ехала напрямик сюда, в Сюр-Дали. Ну, а в нашу глушь везти её предстояло мне.

Беата вышла из вагона под руку с сопровождающим, ...щей, точнее. Такая тётка в форме соцслужбы – строгий крой, цвет «зелёный мох». И с лицом работника соцслужбы. Они там все какие-то стандартные.

Ну да фиг с ней, с тёткой. Она вручила мне какие-то документы и перестала для меня существовать.

Несмотря на травму, Беата показалась мне молодой. И похожей на меня. И это было как-то оскорбительно. И то, и другое.

Мы шли по городу. Я молчала. Беата говорила что-то. Слова тянула медленно, надолго зависала в паузах. Видимо, травмировали её неслабо. Двигалась она тоже медленно, иногда вздрагивала и начинала дёргать плечом. Для большого блистательного мира моя мать больше не годилась, одним словом.

Она, похоже, и сама это понимала. И чувствовала себя виноватой. Пыталась это скрыть и таким бодреньким голоском принималась трещать. Но надолго её не хватало, она гасла и впадала в другую крайность: робко улыбалась и пыталась до меня дотронуться. Я каждый раз отстранялась.

Так мы шли, и я всё это время пыталась как-то разумно объяснить свои чувства. Ну да. Это непривычно, идти рядом с родной матерью, кто бы мог подумать! Я её почти не знаю, но ведь это поправимо. Тем более что она пытается вроде что-то исправить, наладить отношения как-то.

Но другая моя часть, правдивая и злобная, понимала, что всё это фарс, что если бы жизнь её не схватила за горло, ничего бы она сейчас не пыталась, ей и без меня было хорошо.

Беньямин снова позвал меня в свой большой кабинет.

В этот раз я отправилась туда одна, без Ирмы. Я знала, что именно директор собирается мне сказать. И думала только о том, как сохранить лицо.

Я постучала, услышала «да», вошла.

Беньямин не сидел за столом, как прошлый раз, а ходил взад-вперёд. И пил кофе. В своих ручищах огромных сжимал кружку. Кружка была фантомного пурпурного цвета. Где только взял её, я раньше не видела у него такой кружки. Он отхлёбывал из неё большими глотками, с хлюпаньем.

Мне он тоже кофе предложил, но я отказалась. И сесть отказалась. Сейчас он вынесет мне приговор, зачем играть в друзей?

Директор начал расспрашивать меня о матери. Обычные вопросы: как она себя чувствует, как добралась, как устроилась, не нужно ли чего.

Беату поселили в школьной гостинице, её тут же осмотрел врач, и она там чувствовала себя хорошо. Я так Беньямину и сказала. Не стала только уточнять, что жить с ней в номере я отказалась, осталась в общей девчочковой спальне. Но он и так, похоже, знал.

Он всё прихлёбывал свой кофе. И молчал.

А я стояла и ждала.

А он молчал.

Потом спросил, почему у меня нет друзей. Он умел задавать неожиданные вопросы. При чём здесь друзья?

Вообще это правда. Кроме Яна и Ирмы я как-то ни с кем не сблизилась. Но Ирма не в счёт, она всех опекает и жалеет.

Но я и не ссорилась ни с кем. Нормальные ровные отношения. Со всеми. Мне большего и не надо.

Беньямин заговорил про Яна. Про то, что только в последние дни,

занявшись моей историей, расспросил сына подробно, что я за человек.

Воображаю, что Ян про меня наворотил. Я и вполтину не такая хорошая, как он считает.

Беньямин продолжал говорить. О том, что это грандиозное упущение всего их учительского братства и его лично. Что они уделяли мне мало внимания, убаюканные моей хорошей учёбой и примерным поведением. А мне нужна была помощь. А они ничего не сделали.

Он спросил, очень ли мне дорога школа.

Очень ли дорога мне школа!

Да школа – это единственное, что у меня есть! Благодаря чему я чувствую себя человеком!

Но по всему выходило, что учиться здесь мне больше не придётся. Я нарушила закон. Подделала документы и обманула руководство школы.

Воспоминание раскуклось, и я увидела, как я это делала. Как поставила прочерк в личной карточке. Черта вышла жирной, процарапала бумагу насквозь.

Меня поймали на лжи. Да ещё на какой лжи! Отречься от собственной матери. Такое не прощают здесь.

У каждой школы своя зарубка. Кто-то гонится за рейтингом, кто-то за количеством учеников. Для школы Юджина Фауста ничего нет важнее репутации. Репутация и нравственность. Художник и совесть. Гений и злодейство – две вещи несовместные. Как-то так.

Всё относительно, конечно. Ирма, например, знала, что я живу с Виктором. И не она одна. Но на это смотрели сквозь пальцы. А вот враньё, доносительство, воровство, плагиат... Это приговор, однозначно.

Меня ждало отчисление. Но Беньямин сжалился, дал мне возможность завершить первый год обучения. И обещал никому ничего не рассказывать. Дал мне шанс уйти достойно. Тем более что это не только моя вина, это его личное упущение. Начал повторяться, короче.

По пути из его кабинета меня поймал Ян. Караулил, не иначе.

Я вытерла слёзы. Пока слушала Беньямина, крепилась. Радовалась даже, что ничего такого: ни сдавленного горла, ни слезинки. А как только вышла за дверь, не выдержала. Но Яну незачем это видеть. Расстроится, побежит к отцу, будет у него перед носом кулаками махать. Справедливости добиваться.

А по справедливости всё так и выходит. Что я сама виновата.

Мы пошли в огород, смотреть на оранжевые тыквы.

В огород. Ну, я же говорила, что школа сама себя кормит. Огород – это наше натуральное хозяйство. Плюс живая натура. Со всех сторон польза.

Короче, тыквы. Они ещё небольшие, но яркие. Смотрели на нас из-за огромных своих листьев. А мы смотрели на них.

Оранжевый – мой маяк. Тыквенный, мандариновый, саламандровый. Когда я попадаю в уныние, мне нужно много оранжевого цвета. Да и в тренировках с Яном мы начинали с тыкв.

Я закрыла глаза. Щекастые тыквушки остались перед моим внутренним

взором. Они постепенно утрачивали объём и цвет, превращались в шары. Но оставались по-прежнему яркими. И через какое-то время я увидела чёрно-белую картинку.

И тут Ян заорал.

Я вздрогнула и открыла глаза. Но краски не вернулись. Всё было монохромным, серым, и даже без контраста.

Это было так страшно, что я перестала дышать. И, наверное, потеряла сознание, потому что очнулась лёжа на земле.

Совсем рядом вились тыквенные плети. Зелёные. Небо было синим, заборчик – бордовым, скамья – цвета незрелой кукурузы. Всё как обычно.

Надо мной склонился Ян. Лицо озабоченное. Я сказала, что пришла в норму, пусть не волнуется.

И он успокоился. Мгновенно, потому что его занимало совсем другое. Он вопил, что видит, видит цвет! Оранжевый видит! Оранжевые тыквы. Они такие тёплые, как... как львиный бок, как нагретый солнцем камень, как кувшин, только что сошедший с гончарного круга!

Он сыпал сравнениями, а мне снова захотелось плакать. Но теперь не от боли.

Если бы я могла остаться!

Запись 6.

Беата сидела на моей кровати в общей спальне. Когда я вошла, она встала мне навстречу. С таким, знаете, выражением лица... самой доброй мамочки.

Конечно, рисовалась перед девчонками. А пока меня не было, пыталась с ними задружиться. И получалось у неё лучше, чем у меня. Они уже угощали её яблоками. Милена угощала, она любит фрукты. Яблоки валялись на моей кровати поверх покрывала. Пять крупных плодов винно-красного цвета. И ещё одно Беата крутила в руках.

Я собрала яблоки. Они, правда, были очень крупными, я с трудом их удерживала. Положила на тумбочку Милены, напомнила, что в спальне запрещено хранить еду.

Лицо Беаты из радостного стало виноватым. Милена фыркнула, остальные заотворачивались.

Я думала: знают они о том, что меня исключат, или нет? Беньямин, конечно, слово сдержит, в этом я не сомневалась. Но школа у нас маленькая, все на виду. Одно неосторожное слово – и за тебя уже додумали твою историю.

Беата, небось, добавила подробностей. Так что представляю, что они там насочиняли.

Я расправила покрывало. Ненавижу, когда садятся на мою кровать!

Беата всё вертела в руках своё яблоко. И когда мы вышли на улицу, продолжала вертеть. Съела бы его уже, что ли!

Она хоть понимает, что происходит? У нас с ней впереди долгие тоскливые годы, когда мы будем жить под одной крышей и обедать за одним столом.

Неужели сейчас трудно оставить меня одну, дать попрощаться с тем, что мне действительно дорого?

Нет, ну серьёзно! Я всю свою жизнь прожила без неё. Да мне дурно становилось всякий раз, когда я представляла себе, как мы вернёмся домой!

(Пауза)

Я шла впереди, чтобы не видеть Беату. Но не слышать её у меня не получалось. Она лепетала что-то о том, как ей жаль, что придётся расстаться с таким чудесным местом, где все так добры к её дочери. Ни тени сомнения, главное, в том, что придётся уехать. Ни малейшего желания оставить в чудесном месте свою дочь!

Я с тоской думала о том, что даже если бы не мой проступок, всё равно пришлось бы расстаться со школой. Потому что кому о ней заботиться теперь, с её судорогами, амнезией и прочим богатством? Не повесить же ещё одну обузу на тётку!

Была бы я гением, тогда да. Тогда, может быть, я чувствовала бы себя по-другому, и семье пришлось бы потерпеть. Ради меня, ради моего искусства, без которого мир многое потеряет. Но я не гений. Мне просто повезло, и я вижу мир цветным.

Я вспомнила недавнюю иллюзию и вздрогнула. Вот, значит, каков он, мир ч/б!

Я отвела Беату в номер и позвала врача. Особой надобности в этом не было, но я хотела от неё избавиться. У меня имелось несколько неотложных дел.

Тварь Джоконда меня чуть не укусила. Я пошла прощаться с ней. Успела на кормёжку. Но девочка моя нервничала, к еде почти не притронулась. А потом, говорю, чуть не тяпнула.

Она у меня чуткая. Поняла, что не так что-то. Жаль было её оставлять. Вряд ли она найдёт такую, как я. Гиен ведь почти никто не любит.

Хоть с собой забирай. И ведь тоже не вариант. В нашем краю не поймут. Ещё отравят.

Вечером приходил Виктор. Но его ко мне не пустили. И меня не позвали. Я Ирме так и сказала: чтобы не звали.

Я не хотела его видеть. И вещи пусть у него остаются. Зачем, если всё равно...

(Пауза)

Я не могу об этом...

С Виктором всё, короче.

У меня оставался один день. Всего один. Но я всё равно делала вид, что всё по-прежнему. Закрыла все модули, работы оформила в архив, привела в порядок документы и портфолио.

Беата продолжала ходить за мной хвостом. И в океанариум со мной она тоже увязалась.

Вы видели наш океанариум? Да ладно! Мне кажется, весь город там побывал! Не все зоны, понятно, для экскурсий.

Но я-то отправилась не на экскурсию. Беату бы туда не пустили одну. Со

мной бы тоже вряд ли пустили, но в тот день у входа дежурила Ирма, а она с того самого дня смотрела на меня сочувствующими коровьими глазами и ни в чём не могла отказать.

(Пауза)

Кстати.

Никто не замечал, что цвет радужки меняется в зависимости от чувств, которые человек в данный момент испытывает? На один малюсенький оттенок. У Ирмы глаза карие, если точнее, цвета шоколада. А когда она смотрит с сочувствием, они у неё светлеют, и оттенок становится такой... ближе к ореху.

Ладно, опять отвлекаюсь.

Короче говоря, Ирма посмотрела на нас и пропустила безропотно. Она привыкла уже, что Беата всюду за мной таскается.

Беата каждый раз ахала, когда над нами проплывало что-то большое: кит или косатка. Мне тошно было слушать эти её восторженные возгласы. Я как будто ревновала её к моей жизни. К этой моей жизни, которой она же и положила конец.

А она так старательно к ней притиралась, хотя и не знала, как себя ведут в этой жизни, как обращаться с тем зародышем счастья, который ещё трепыхался во мне, и защупывала, затискивала его, не замечая, что тискает уже до смерти, как неразумный ребёнок ломает рёбра новорождённому щеночку.

Нет, наверное, она и правда восхищалась. Когда над тобой тонны воды, в которой неторопливо шевелится жизнь, это впечатляет.

Это трудно описать. Когда ты смотришь не в бездну, а из бездны. Не вглядываешься во тьму, а смотришь на свет. И понимаешь, что тьмы на самом деле нет, как нет и смерти. Потому что вода – это не земля, в ней нет неподвижности и неумолимого величия надгробных камней. Вода течёт и меняется.

Мы прошли сквозь туннель к открытому бассейну. Там всё и случилось.

Запись 7.

Это, чую, последняя запись. А то я уже устала.

(Пауза)

Мы пришли к открытому бассейну.

(Пауза)

А это обязательно рассказывать? Вы же сами всё уже знаете.

(Пауза)

Понятно.

Пришли мы, значит. Там радужные эти шарканы живут, в бассейне. Рыбы такие. В это время года у них появляется молодь. Мы их в отдельные бассейны переселяем, пока взрослые всех не сожрали. Ну да, они жрут собственных детей. Не они одни, между прочим. В общем, работа нетрудная, нам её доверяют. Сейчас расскажу.

Радужные шарканы.

(Пауза)

Вообще они не совсем радужные. Они меняют цвет в спектре красного

и зелёного. В этих пределах. Но с именами всегда так. Кто первый назвал, тот и прав. До сих пор не знают, откуда они взялись, эти рыбы. Что-то новое. То ли мутанты какие, то ли, правда, неизвестный вид.

Похожи на скатов. Такие жерыбы-бабочки совстроенным электрошокером. Красивые вообще-то.

Я надела фартук и вошла в воду.

И Беата вошла.

Но мне к тому времени настолько она надоела... Я только об одном думала: пусть она замолчит, наконец.

И она замолчала. Вошла в воду и заглохла. Успокоилась вроде.

(Пауза)

Там нельзя заходить тем, кто не видит. В смысле, кто не различает цветов. Там предупреждение на табло у входа. Только я про него забыла. Все и так в теме.

Почему Беата не обратила внимания? А я знаю? Может, она не только память потеряла, но и читать разучилась?

(Пауза)

Когда эти твари готовятся выдать разряд, они начинают мерцать вот в этой самой красно-зелёной амплитуде. В остальное время, когда спокойны, они обыкновенного такого насыщенного цвета «зелёный хром». Да, если приглядеться, то и нормальный человек может увидеть разницу. Но они в воде, а вода бликует.

(Пауза)

Я не видела, как её тряхануло. Услышала только всплеск. Обернулась – она в воде. Без сознания.

Ну, вообще не настолько у шарканов мощный разряд, чтоб прям насмерть. Никто ещё не умер, насколько я знаю.

Но то были здоровые люди. Не Беата.

Она, в общем, тоже пока не умерла.

Да сразу, сразу я поспешила на помощь! Просто с другого конца бассейна быстро не добежишь. Попробуйте сами, когда вода выше колена!

Я вытащила её и побежала к выходу.

Ну, конечно, проще было позвонить! Только мобильных у нас нет. Не положено.

С «фишек» мы можем говорить сколько угодно. Это стационарный коммуникатор FISH-14, сокращённо «фишка». Некоторые его «рыбкой» называли, но не прижилось. К «фишке» я и кинулась. Только в голове у меня не осталось ни одного нужного номера.

Только номер Виктора.

Попала на автоответчик. Набрала ещё пару раз с тем же результатом. А потом мне ответила его мама.

Если бы я его голос услышала, то рассказала бы, наверное, всё как есть, спросила бы, что делать. Но тут у меня в голове что-то перещёлкнуло. Мама его на меня набросилась: куда я исчезла, почему не звоню, почему Виктора прогнали?

Она и правда общалась со мной уже как с родственницей, без церемоний, зато с претензиями. Это я без осуждения, если что.

Я ей сообщила, что спешно уезжаю, так сложилось, не надо меня искать, бла-бла-бла.

Она всполошилась, что-то спрашивала, я не помню, что ей отвечала, даже не помню, говорила что-то про Беату или нет. Она сказала, что Виктор обязательно меня увидит перед отъездом, и она вместе с ним. Но я уже не слушала, нажала «отбой».

Вы можете думать, что хотите. Это был несчастный случай! Я ничего такого не хотела.

Моя мать снова в больнице. И снова без памяти.

А я здесь. Бенъямин взял всё под свою ответственность, добился, чтобы меня оставили в школе. Типа под домашним арестом. До тех пор, пока со всем этим не разберутся.

К Беате меня тоже не пускают. Но это, может быть, и правильно. Она до сих пор не пришла в сознание. Говорят, что близкие должны быть рядом, держать за руку и разговаривать. Это помогает.

Вы же видите, я ничего не скрываю. Во мне нет любви. Но я не хочу смерти. Потому что смерть – это чернота, тьма, бездна, кладбище красок. Краски мира – это всё, что у меня есть. А она отбирает у меня краски мира. Не одним, так другим способом.

Я не вижу дороги, по которой смогу привести её сюда.

Александр СИГИДА

Из цикла «Вместо репортажа»

Стихи

Вместо утренних новостей

если нас не тербить никого не тронем...
нас пытаются убить – то горим, то тонем

то разбойниксоловей, то француз, то шляхта...
самых лучших сыновей забирала шахта

то татарин, то поляк, то лихие немцы...
в древнерусские поля вышли ополченцы:

поднимается народ на святую битву;
(с сентября закрыт завод); Бог забрал молитву...

к потерпевшим небесам обращаем лица;
верю – солнечным часам не остановиться

21-22.VII. 2015

Январь 2014

писала британская «дейли»
что право имеет народ...
вовсю разливают коктейли;
булыжники – в наш огород
леваду и крайние хаты

пока что не тронул пожар;
на западе – можно – захваты...
а нам через тряпку дышать?!

все слушали странную верку...
судачили с разных сторон:
стоит без движения «беркут»
прикрыв безоружный «омон»

5.VII. 2016

Не о том...

от войны гражданской избавленья нет...
гдето под Должанкой затерялся след

остаются внуки – дети без отца;
ищем в интернете – не найдем конца...

...вспомнит проигравший
и прольётся свет...
«без вести пропавший» –
вот и весь ответ

7.VII. 2016

Не спишется...

ответу резко трепачам –
помогут сын и брат;
а он воюет по ночам:
«...в дивизию – комбат!»

у вас «динамо» и «зенит»
«аквариум» «любэ»;
а он до старости хранит
бэ/ушное хэ/бэ

никто не спишет груз потерь
– езжай – спроси у нас;
какая разница теперь
Афган или Донбасс?

но предпочтительней куда
подсчитывать ворон;
у добровольца есть всегда
заныканный патрон

3.IX. 2016

Кадры

«коллеги» снимают затылки
один – умудрился – в упор:
бензин разливают в бутылки;
заносят над миром топор...

не ведают цели и страха?
не знают, чем пахнет конец?
готова кровавая плаха;
домой не вернулся юнец...

гудит на Крещатике улей –
запали на западный мёд;
со свистом проносятся пули
и падают трупы на лёд

10.XII. 2016

Приблизительно

раскалились трубки от шальных вестей
– «это – мясорубки» – две из областей...

тыловые части брошены в расход;
образец несчастья – сорок первый год

на пути составов никаких преград;
через год оставят Ворошиловград...

пробую на месте подобрать слова...
(от дурных известий кругом голова)

как заморозили – планы кувырком;
где наш Ворошилов – боевой нарком?

вылезли из грязи, взявшись за булат;
Краснодон на связи или Сталинград?

думал – безвозвратно канула звезда...
но туда- обратно ходят поезда

на восток – на север выведут пути?
суета осела где-то впереди

ваш вагон товарный или прицепной?
будут и победы но какой ценой...

27.V. 2015

Первая гражданская. Эпизод

*...чуем как юзовский уголь
нужен французским судам;
с фронта Донбасс – Мариуполь
слухи доносятся к нам

рушатся замки утопий
через войну потому
из достоверных подобию
знаем по-прежнему у

власти – европа с рогами –
это уже не секрет;
станут герои врагами
и не поможет совет...

дали заплёванный пряник
и романтический кнут;
(сядут на новый «титаник» –
если сюда заплывут)

лупят холопы друг друга –
силятся взять на испуг;
всё начинается с Луга...
помыслы тянут на юг

даты запишут подробно
и заведут – «както раз...»
...будет навеки свободно
Сердце России – Донбасс

2015

Фалена ЛЫСАКОВА

Фарфоровый ангел

Стихи

Лисёнок, роза и небо

Медведи ходят по небу, ворочая лапами тучи,
А где-то внизу под небом рокошет в груди мотор.
Пусть крылья мои из стали, а компаса стрелка – случай,
Мой «лайтнинг» уже на взводе, теряет земной упор.

Я вижу свою планету в сиянии выси чёрной,
А в дюнах скулит шакалом пустыни кривой оскал;
Возьму своего лисёнка, шарфом обмотаю горло –
Вернусь я к тебе однажды, как некогда обещал...

А небо пестрит шрапнелью из звёзд и чужих галактик,
Присыпано сладкой пудрой, как с джемом черничным хлеб.
Вгрызаюсь в него зубами, во рту индевет кашель,
Кусают песчинки щёки, сквозняк шепелявит вслед.

Обманчиво близко звёзды, но мне до них не добраться,
Я в небо тянусь ладонью, хватая лишь пустоту.
– Назад поверни, тупица! – хрипит стоголосье раций.
Меня ждёт моя планета, мой замкнутый звёздный круг...

Там мир весь измерен шагом – лишь десять квадратных метров,
Навис потолок бездонный, как смоли застывшей шлюз.
И если я буду падать – то только наверх и в небо,
А если засну случайно – наверное, не проснусь.

Но если меня не будет – зачахнет от скорби роза,
Колпак ей стеклянный – саван: не выбраться, не разбить.
Польёт её ночь слезами, луна нарумянит воском,
Рассвет лепестки окрасит, опавшие без любви.

Ах, люди, скорее розу лисёнку вы подарите!
Не надо ему ни славы, ни денег и ни любви.
Рокочет мотор меж рёбер, а что мне для счастья нужно?
Лишь неба обрывок синий в кармане своем хранить.

Мы все осколки от снарядов

(2014-й)

Мы все осколки от снарядов,
Отброс неназванной войны;
Не раскопать в газетах правды,
Не искупить чужой вины.

Мы дети, брошенные миром
На дно бурлящего котла,
И горький хмель чумного пира
Придётся выпить нам до дна.

Привычно спать под канонаду
И вспышки смерти за окном.
– Смотрите, дырка от снаряда! –
И дальше улицей пойдём...

У нас не плачут от обстрелов,
Мы страх давно переросли;
На стенах стрелки белым мелом –
В подвалы скорые пути.

Проблемы мелочные слишком:
Работа, ссоры, Новый год...
Пока отсрочен таймер жизни,
Мы будем двигаться вперёд!

Закат полощет кровью стёкла,
Беззубо скалятся дома;
Над нами, будто меч дамоклов,
Нависла дикая война.

Воронки снегом заполняет
Декабрь-предвестник злой зимы.
Плевать, что тело замерзает,
Мы не исчезнем, будем жить!

...гремели взрывы от снарядов,
В сугробах вязли капли тьмы
И разрывалось небо градом...
Теперь осколки – просто мы.

Глупое босоногое счастье

Порою хочется босоногой ночи
И моря пенистого в бокале с солью,
Чтобы шипело, лизало волнами ноги
И монпансье-стекляшки дарило вволю.

Как в детстве вскачь по рельсам, раскинув руки,
Раскинув крылья, взрезая тугое небо,
Без карты в путь отправляясь, забыв про скуку,
И представляя, что камешки – это жемчуг.

И пить ликёр из весенних холодных ливней,
Где примул перья – чарующий хвост жар-птицы;
Уверенный, что навеки здесь и отныне
И завтра шальное лето вновь повторится.

Построить замок песчаный в рассветной бухте
И, взбив перину из облака, лечь в закате;
Где тыквы – это кареты с хрустальным брюхом,
А веера альбиции станут платьем.

Спать до полудня, летая во сне с драконом,
А не вот это всё: уборка, работа...
Чтобы, как прежде, надев на кудри корону,
Быть королевой солдатиков храброй роты.

Прибрежной улочки нега целует в губы
И бесконечное, пряно-сонное лето...
Идти босой и счастливой, пускай и глупой,
К той старой лестнице, что ведёт на небо.

Воин

Он вытащил меч из камня
И злого убил дракона
На статном коне буланом,
В броне, что сияла хромом.

Столетия пели славу
О подвигах менестрели...
И тех, что из боя ждали,
Уж кости давно истлели.

Он был, как медведь, свирепым,
Храня за плечами род свой.
Возделаны были степи
И вспаханы с вражьей кровью.

Вокруг грохотали танки,
А он шел в бою средь первых,
С мечом своим – автоматом,
Чертям улыбаясь смело.

И снова года, и время
Стирает лицо на фото.
И кости опять истлели,
Травой поросли высокой.

И снова в руках могучих
Оружие горькой правды,
И в ужасе черной тучей
Враги врассыпную канут.

История всех не вспомнит,
Травой возродится воин.
Свой путь завещав потомкам,
Он в памяти стал героем.

Пушкинская пора

Соткала осень ворох листьев
Из низок солнечных лучей,
Калина в бусах кровавистых,
Багрян под кленами ручей.

Гуляя памятной аллеей,
Где сумрак рыжий, точно мед,
Я забреду в лесную келью,
Под красных тисов пестрый свод.

На каждом тереме наличник
Из кудрей сказочных и лоз,
А над рекой хрустально-чистой
В небесный край простерся мост.

Уходят в прошлое поэты,
Плетя чернильные следы;
Душа моя, как птица в клетке,
Нашла здесь вольные сады.

Не улетай... чадит короной
Над парком раненый закат,
Горчащим золотом бездонным
Чудные дворики горят.

И мне останется на память,
Как лист, засохший в дневнике,
Чудесным сном в осенней раме
Шаль неба в кружеве ветвей.

Чашка завтра

Выпей чашку завтрашнего дня
С карамельной патокой заката,
Взбитой пеной в небе облака,
Мостовая плиткой шоколада.

Сыпь по вкусу сахар или соль,
Много гущи, чтобы был покрепче,
Или горечь всю разбавь водой,
Чтобы день стал радостней и легче.

Брось щепотку смеха и забот
И нагрей в лучах хмельного Если.
Вкус любой чай завтра обретет –
Лишь тебе рецепт его известен.

Ты помнишь это?

Я – тетива твоя. Ты помнишь это?
Горячий ветер, соль и кровь во рту,
И невозможное паренье лета,
И лошадей в азарте и поту.

Песок в лицо... колчан степного ветра,
Гудящий свист сорвавшейся стрелы...
Прикосновение, и удар, и – пепел
Горящих трав на золоте скалы.

Я – верный сокол твой. Ты помнишь это?
Я твой вассал, янтарных перьев взмах;
И сердца в длани неизбежный трепет,
И хмеля вкус на выжженных губах.

Косой полет, кургана травы-волны,
Оленья пара в жемчуге зари.
Ты помнишь это? Твой металл каленый,
Шелк рукавицы в розовой дали?

Я – конь твой бравый. Помнишь ли ты это?
Размах степей твоих, как крыльев лед.
И бесконечно, безвозвратно где-то
Под божьим небом наш с тобой полет.

Полет, побег в звенящем сером хлебе,
Подпруги страстной ласки по спине
И удушающей узды молебен
Твоей подруге, матери, жене...

Я – жизнь твоя, я – смерть, ты помнишь это?..
Когда костер очернит бытие,
Я твой последний вдох, твой отблеск света
И я – причастие последнее твое.

Фарфоровый ангел

Меня учили ангелом быть смиренным,
Носить корсаж, поддерживая спину,
Чулки и юбок пышную капусту
И кринолин, вздымавшийся до бюста.

Пить горький чай, оставив вбок мизинчик,
И смех глотать, ведь это неприлично!
Улыбку прятать, веером сметая;
Быть идеальной – истина простая.
Я вышивала в пальцев тесном круге,
Игла колола пальцы, как гадюка,
Ни капли крови! Ты же просто ангел,
Ты дух бесплотный, дух без прав и рангов.
Ты – ангел, тень, виденье грез незрелых,
Твое лицо, твое нагое тело;
Тебя желать – законно, грезить – можно
И звать в свой сон, пускай даже порочный.
Припудрен голос, нету права слова,
Молчим смиренно, куклы из фарфора,
И также бьемся запросто в осколки...
В спине и пальцах – чертовы иголки.
Нас наряжают в кукольные платья,
Нас можно в танец бросить и в объятья
И прижимать к холодным покрывалам...
Душить, ломать, играть имеют право,
Ведь можно склеить сломанную куклу,
Коль господина одолеет скука.

Меня учили ангелом быть долго...
Но как же, право, глупо и без толку.

Тризна у красной сосны

Я тку из травы одеяло, мой милый,
Из шелковой мяты и горькой полыни,
Из вереска сизого, волнами ставшего,
Из мака, что кровью был воина павшего.

С ромашкою белой и лютиком прытким
Медвяного клевера вяжутся нити.
Исколоты пальцы иголками хвойными,
Исколоты латы мечами героев.

Узоры я вышью шалфеем с крапивой,
Чтоб тело твое не покинули силы.
Орнамент сплетается, судьбы сплетаются –
Колосьями спелыми косы красавицы.

Я тку для тебя одеяло степное,
Согреет тебя оно в лютую пору.
Слезой земляничною небо умоется
Над белым холмом, где стоит моя горница.

Укрою тебя от жары и от бури,
От конских копыт, что вовек не разбудят.
И там, на могиле у красной сосны
Я тку из травы твои сны.

Из утраченной красоты

Воды лесной очарованье,
Небес безбрежный синий лед;
Донбасса нежное дыханье
В моей душе еще живет...

Пускай омыты кровью степи –
Заката раненого жар –
Я помню огненное лето,
Как воздух марил и дрожал.

Дыханье хвои ароматной,
Смолы слезинки на стволах –
Тот лес еще не пах утратой
И не хранил усопших прах.

Ночной услады черный бархат
И жемчуг утренней зари
В лесную глушь, как прежде, манят,
И сердце пламенем горит.

Слагали песни здесь поэты,
Где явь и навь сплелись в одно;
Купались навки в лунном свете,
Крутилось звезд веретено.

Сонливость неги в душный полдень
В колье затиненных озер...
Там где-то детство мое бродит,
Где вечный полдень и простор.

Мы улетаем прочь с Земли

Сегодня мы покинем эту Землю
В огромном из титана челноке;
Отброшено земное притяженье,
Без панциря летим мы налегке.

Нам незачем там больше оставаться,
Земля – лишь точка встречи двух орбит.
Бурлит под килем взвинченная плазма
И кровь от предвкушения кипит.

У нашей гладкой лодки нету вёсел,
А парус ей – космическая гладь.
Ты штурманом назначен, я – матросом;
Крути штурвал, и можно уплывать.

Пусть шар земной становится все меньше
В разлитом кем-то звездном молоке,
И вечность, точно мать, медвяно шепчет,
Что путь наш будет длиться сотни лет...

Средь черных дыр и газовых гигантов
Прибьет нас, как суденышко злой шторм,
В межрожие небесного атланта –
Космической коровы темный лоб.

Посмотрим ей в глаза, небес провалы, –
В гудроне вязкой звездной пустоты
Мы вместе задохнемся и растаем,
Порвав с минувшим прочные мосты.

И в полюсе космической могилы,
Где будет так спокоен смертный час,
Увидим мы, как призрачно-красиво
Вращается Земля уже без нас...

Юрий ПЕРЕВОЗОВ

Свидетель ушедшей эпохи*

Дневник современника

Дитя войны

Придумали же словосочетание – «дитя войны», мне оно кажется странным, но таких детей в нашей стране миллионы, вот и я такой. А родился я 25 сентября 1940 года в участковой (бывшей ранее земской) больнице села Карай-Салтыково Инжавинского района, Тамбовской области. Обычно у сельских женщин роды принимали на дому опытные бабки-повитухи. И моя мама до меня родила дома пятерых. А тут случилось так, что моя старшая сестра Тамара заболела дифтерией, и мама, будучи на сносях, повезла её за 60 километров на лошади в больницу, где я и родился. Медсёстры буквально нарасхват старались меня понячить. Говорили, что этот голубоглазый *степнячок* такой необычайно любопытный, всё рассматривает, на всё реагирует, что, наверно, будет второй Есенин. Но Есенин из меня не получился, а получился Перевозов. Сначала – Юра, теперь – Юрий Николаевич. А когда меня, синеглазого, белобрысого, спелёнутого и любопытного, фактически предъявили в Ломовском сельсовете, то в тот день, 3 октября, и зарегистрировали. Так что у меня как бы два дня рождения.

Всего нас у мамы было 9 детей, двое из которых, родившихся до войны, умерли в младенчестве из-за недостаточной медицинской помощи (своего рода был естественный отбор).

Мама

Мама моя, Ольга Ивановна, родилась в 1908 году 27 июня. Но она всегда говорила, что родилась «петровками», т.е. близко к Петрову дню, который отмечается 12 июля. Прожила мама до 3 апреля 2000 года.

*Авторское название «Я – дитя войны», печатается в сокращении.

Когда ей было 8 лет, а её брат Петя ходил в школу в 1 класс, то она вместе с ним дома изучила «азбучку» и арифметику. А на следующий год её сразу взяли во второй класс, по окончании которого бабушка сказала: «Хватит учиться, надо помогать по хозяйству, прясть, вязать, нянчить младших детей». Сидя, до педали прялки она не доставала и потому пряла стоя. Вязала варежки, носки для всех членов семьи и кофты для сестрёнки Маши и для себя, причём узоры выдумывала сама, ни у кого не перенимая.

В моей памяти сохранились мамины рассказы о детских годах. ...Время тогда было лихое, трудное, шла гражданская война. В 1920-1921 годах, в двенадцатилетнем возрасте, она оставалась за домохозяйку, когда родители уезжали на полевые работы. Под её присмотром оставалось ещё четверо малолетних детей. В эти годы на Тамбовщине бушевало восстание крестьян, недовольных продразвёрсткой, под предводительством А.С. Антонова. Из нашей Николаевки «сел в банду», как о нём говорили в деревне, т.е. сел на коня и уехал воевать против красных, а иногда и мародёрствовать, только один семнадцатилетний подросток – Ванька Марков. Примечательно то, что впоследствии, в 1921 году он сдался красным, сложил оружие и был амнистирован. В конце 20-х годов он вступил в ВКП(б) и стал активным сторонником коллективизации.

Мама вспоминала, как однажды в Николаевку нагрянул отряд антоновцев. При подворном обходе они забрали у крестьян сёдла и подушки (чтобы мягче было ездить на лошадах), нескоропортящиеся продукты: хлеб, сало, масло и т.д.. В табуне обменяли своих лошадей (одну кривую, другую хромую) на понравившихся им. Подростки-одпаски вечером сообщили хозяевам о подмене их лошадей. Да что тут было делать?

Антоновцы зашли и в избу, где находилась в то время моя будущая мама Ольга с малолетними братьями и сёстрами, и, выяснив, что особо поживиться в доме нечем, заставили её вынуть из куриных гнёзд последние «подкладни», т.е. те яйца, которые оставляли для привлечения кур, чтобы они неслись именно там, где нужно, и сварить их. Но в этот момент раздалась команда вестового: «По коням!», т.к. на высоком холме саратовской стороны, за Князевкой показался эскадрон красных-«тухачевцев». И антоновцы галопом поскакали в сторону Ломовки...

А ещё один из таких повстанцев – «защитников» крестьян – узнал, что у Корнея Майорова есть гармонь, подъехал к нему, когда тот стоял у крыльца, опершись на вилы, и спросил:

- Дай гармонь поиграть.

- Ня дам!

- Это почему же?

- Потому, что как у попа не *бывает* сдачи, так и у вас не *бывает* отдачи.

- Ты что же это, хулишь новую власть?! *Щас* вот *грохну* тебе из ружья и гармонь возьму без разговоров.

- Ха-ха! Кобель *мордастай*, она ж у *тябе* не *заряжанная*! Ты поспедай у Антонова патронами запасться, а то у *тябе* тухачевцы шапку *снимут* вместе с головой!

На том «любезная» беседа двух крестьян на этом оборвалась...

...Моя мама в подростковом возрасте была голубоглазой русоволосой симпатичной девушкой. Многие парни заглядывались на неё. В том числе и мой отец стал за ней ухаживать. Но она от него убежала и пряталась, считая его «стариком» (разница в возрасте у них была четыре года). В 1928 году отец посватался к ней, но получил отказ, так как не преподнёс «кладки» (подарок – ботинки с галошами) и не согласился на венчание из-за атеистических и «антимещанских» взглядов. И только в 1930 году, когда все условия невесты были соблюдены, состоялась свадьба.

Мама ни библии, ни других религиозных книг не читала, но веровала в Христа, как в высшую силу доброты и справедливости. Вера эта была впитана ею от матери и от всей окружающей общественной среды. Церковь из-за отдалённости она не посещала, но все основные религиозные праздники чтит и соблюдала. Когда мы, дети, будучи пионерами и комсомольцами, подшучивали над её религиозными верованиями, то она говорила: «Вы ещё глупые и ничего не понимаете, поэтому не говорите о том, чего не знаете».

...Из-за того, что у мамы часто рождались дети и за ними нужен был материнский уход, она никогда не работала в «постоянниках», т.е. дояркой, телятницей и т.д.. Она участвовала в сезонных работах, на покосе, уборке хлебов, подработке зерна на току. В послевоенные годы возила на корове, запряжённой в двуколку, в райцентр Инжавино колхозное зерно на элеватор в счёт госпоставки. А однажды, в ещё 40-е годы, когда в колхозе не было семенного материала, её, наряду с другими женщинами, председатель посылал в Инжавино (за 35 километров), и они оттуда пешком несли в мешках за спиной «по пуду» (это буквально её слова) зерна для посева.

В 60-е годы с привлечением в помощь нас, детей, выращивала сахарную свёклу на площади до 10 гектаров. В те годы не было одноростковых семян (в которых прорастает только один росток) и не было сеялок точного высева (которые сеют семена через определённое расстояние). Поэтому приходилось не только пропалывать тяпкой сорняки, которых было предостаточно, но и прореживать свёклу вручную, так, чтобы оптимально на одном погонном метре оставалось по шесть растений. Всё это было очень трудоёмко. Не меньшей проблемой была отправка собранного урожая на свеклопункт в Инжавино. Даже присылаемые в помощь автоколонны не успевали оперативно до морозов всё вывезти. Мы отгружали урожай до конца ноября: и в мороз, и даже в снегопад...

За добросовестный труд и правильное воспитание семерых детей мама была награждена орденом «Материнская слава» III степени. Все дети вышли в люди: трое получили высшее образование, а четверо среднее специальное.

Последнюю дочку Зою мама родила в 42 года. При приближении родов она почувствовала себя плохо, и бабушка-повитуха настоятельно порекомендовала везти её в Красивскую больницу. Председатель дал своего рысака, и отец повёз её на бричке в Красивку. Но неприспособленный к длительному бегу рысак на полпути внезапно перешёл на шаг и ни на окрики, ни на кнут не реагировал. Состояние роженицы становилось критическим, когда вдруг, как по «Божьей воле», их догнала райисполкомовская легковая машина «Победа», которая быстро доставила маму в больницу, где благополучно родилась наша певунья Зоя.

Малая родина

Деревня, где прошли мои детство и юность, официально называлась Васильчуковка. При её основании в 1901 году, она относилась к Арбенеvской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии, а позднее вошла в состав Ломовского сельсовета Красивского, а затем Инжавинского района Тамбовской области. В обиходе, в простонародье деревню называли Николаевкой. По рассказам моего отца, царь Николай II сократил срок службы в армии и выделил демобилизованным солдатам Тамбовщины свободные земли для поселения. Отсюда и пошло название деревни, так как основали её «николаевские» солдаты. Место выбрали красивое. Это был участок степи на взгорке, на правом берегу речки **Мокрый** Карай. Напротив Николаевки, на левом берегу располагалась деревня Князевка Турковского района Саратовской области.

Мой дед по отцовской линии, Фёдор Петрович Перевозов, 1863 г.р., переселился из крупного села Покрово-Васильево Пичаевского района в 1901 году. Он был сапожником, так как в его родном селе у всех основным занятием было сапожничество и шорничество (пошив сбруи для лошадей). Я иногда размышляю, что переселиться на новое место способен далеко не каждый человек. Это были люди особого сорта: смелые, решительные, в какой-то мере авантюрные, трудолюбивые, как говорили в деревне «рукомесленные». На новом месте переселенцы, помогая друг другу, построили избы, распахали степную новь и зажили общиной. Часть скотины они привели с собой, часть подкупили в близлежащих деревнях, и, сформировав стадо, наняли пастухом крепкого парня, Андрюху Гурина. Как-то он выгнал скотину в степь и сблизился со стадом и пастухами из деревни Дурновки. Между ними произошла перепалка:

- Заворачивай своё стадо, это наш выпас!
- Нет, наш. Волостной старшина указал границу, колышками обозначил.
- Колышки вы сами понавтыкали! Уходи, а то поколотим!
- Если будете бить, то бейте до смерти, а иначе я вам «красного петуха»

подпущу и переселю всех в Шитнёвку!

Дурновские пастухи переглянулись, пожали плечами и завернули своё стадо назад. Так граница земель, принадлежащих Николаевке, утвердилась и де-юре и де-факто...

В 37 лет мой дед Фёдор Петрович, после неоднократного неудачного сватовства, женился на 17-летней Тахтиной Ксении. Мы, внуки, звали её бабушка Акси́нья. Сохранились сведения, что если Фёдор приходил свататься, Акси́нья пряталась от него на чердаке, говоря, что за старика не пойдёт. Но упорные ухаживания всё же принесли свои плоды. Заработав ремеслом много денег, он преподнёс ей цигейковую шубейку и золотой перстенёк, и она согласилась на венчание. Потом у них родилось пятеро детей. Вторым из них, родившимся 7 августа 1904 года, был мой отец, Николай Фёдорович, затем.

А сапожником дед мой был первоклассным. К нему обращались сельчане с заказами на пошив обуви со всей округи, в том числе и зажиточные. Поэтому он неплохо зарабатывал, хотя цену за работу брал минимальную. Бабушка Акси-

ня за это его упрекала, называла его простаком и добряком и постоянно жаловалась, что денег ни на что не хватает. Он же молча переносил упреки и нытьё и, при получении расчёта за очередной заказ, с презрением веером бросал деньги в горницу. Бабушка подбирала деньги и отправлялась в лавку за необходимыми покупками. Судя по тому, что в доме всегда был сахар и китайский чай, а зимой, когда из деревни снаряжался обоз за севрюгой в Астрахань, одна подвода всегда была от Перезовых, то можно сделать заключение, что жили они небедно.

Дед Фёдор не тяготел к работе на земле, лошади у него не было, а имеющийся от общины надел земли в три десятины, чаще всего сдавал в аренду, за что брал с арендаторов часть урожая, необходимого для семьи. Сам он изредка выходил в поле для проформы. Причём брал с собой самовар и там больше пил чай, чем работал. А односельчане над ним посмеивались: «Да он чаёвный мужик-то. Не может без этого».

Дед Фёдор участвовал в первой мировой войне, демобилизовался без ранений и, поскольку был грамотным и сочувствовал революционным переменам, то в 1918 году был избран председателем Арбеневого волисполкома. В 1919 году дед Фёдор умер от тифа, косившего россиян как на фронтах, так и в тылу. (В тот год и последующие годы в деревне умерло от этой страшной болезни много других мужчин).

Дед по материнской линии Иван Фёдорович Трынкин (1860-1921 г.г.) и бабушка Любовь Степановна (1887-1969 г.г.), по смутным воспоминаниям моей мамы Ольги Ивановны, были выходцами из сёл Алаторка и Ракша (тоже Тамбовской губернии), у них было шестеро детей. Дед Иван также умер от тифа в 1921 году. Он был хлебороб – земледелец. К сожалению, деревня Васильчуковка (Николаевка), основанная нашими дедами, не уцелела в период хрущёвских реформ.

Когда в 1979 году я брал «интервью» у родителей и записывал на магнитолу воспоминания, то спросил маму, помнит ли она, как образовывался колхоз. Она ответила: «А то как же! Отец-то был, как тогда говорили, застрельщиком колхоза, а разве могла я пойти против, хотя и жалко было отдавать свою лошадь, которую мы приобрели всего год назад». Папаня в этот момент вставляет реплику: «Плакала горькими слезами, как Кондрат Майданников из «Поднятой целины» Михаила Шолохова, когда вёл своих быков на колхозный баз». Маманя добавляет: «Лошадь-то была очень хороша. Звали её Звонкая. Она и резвая была, и в сохе хорошо ходила. Всего один год на ней мы и обрабатывали свою делянку земли, а до этого или нанимали у кого-то лошадь или отдавали землю в аренду. Хоть и жалко было отдавать и лошадь и землю в общий котёл, но большинство в деревне вступили в колхоз, и нам неудобно было оставаться в стороне».

Я задаю вопрос: «А были ли те, кто не хотел вступать в колхоз?» Были ли какие-то драмы, курьёзы?» Отвечают наперебой: «Конечно! Бабка Ганя выхватила у своих молодых заявления о вступлении в колхоз и бросила их в печку. Бумага с шипением скручиваясь, стала гореть. Бабка злорадно вскрикнула: «Вот, смотрите, бес-то какой в этой бумаге сидел, как корчится! Нехристь вас в колхоз тащить!»

А затюканный и суеверный Кузьма, веривший в колдунов, ведьм, домово-

го, лешего и всякую нечистую силу, тоже не хотел вступать в колхоз. Однажды, купаясь в пруду, он услышал: «Кузьма, в колхоз! Кузьма, в колхоз!» Это подростки, спрятавшиеся в ивняке, подсмеивались над ним. А он подумал: «О-о-о, если водяной за колхоз, значит надо вступать».

Принципиально отказывался вступать в колхоз зажиточный середняк Костюха Попов (иногда на массовые работы нанимавший батраков). Активисты сельсовета его раскулачили и сослали на принудительные работы. В большом доме его организовали начальную школу. В этой школе впоследствии учился и автор этих воспоминаний. После публикации в газете «Правда» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», Костюху освободили, но дом ему не возвратили. Он с помощью родственников построил небольшую избу, вступил в колхоз и трудился вместе со всеми. Я помню, как мы вместе с другими ребятами и пожилыми мужиками ездили в поля за кормами для колхозной скотины, и если мне приходилось иногда идти на покосе за Костюхой, то я невольно любовался его образцово скошенным рядком.

Врезался мне в память и рассказ моего дяди, Александра Фёдоровича Перезова о том, как комсомольцы «вовлекли» в колхоз сапожника. Об этом я написал рассказ под названием «Подарок», который привожу здесь полностью.

Подарок

(Быль 1930 год)

В деревне редко кто из ребят не получал прозвище. Рябой, Вислоух, Толстопят и тому подобное – это за какие-либо внешние приметы. А Гришка – из-за того, что говорил много, часто и с нажимом на букву «Р» – был прозван Тарура. С годами он не только не утратил это прозвище, а наоборот оно закрепилось за ним вместо фамилии, которую многие или не знали или забыли.

Повзрослев, Григорий перенял от деда мастерство и стал известным сапожником. Однажды за отлично сшитые хромовые сапоги зажиточный крестьянин из заречного села Князевка подарил ему жеребенка полукровной рысистой породы, которого он назвал Подарок. К четырем годам это был уже красавец – жеребчик, масти – серый в яблоках, с кудрявой гривой и пышным хвостом, спускавшимся почти до земли. Когда Тарура вихрем пролетал на нем по деревне, многие с восхищением и завистью смотрели ему вслед.

Григорий и его молодая жена Полина слыли гостеприимными, имели просторную избу, двери которой всегда были открыты, и потому у них часто собиралась молодежь на посиделки. Бренчала балалайка, перебрасывались частушками, иногда пускались в пляс.

Девушки вязали, вышивали, парни балагурили и пробовали курить. Хозяин щедро угощал всех самосадом, предварительно открыв отдушину у печки. Во время посиделок велись разговоры и на злобу дня. Однажды комсомолец Степка сообщил, что все бедняки и часть середняков подали уполномоченному из района заявления о вступлении в колхоз и согласились сдать туда своих лошадей.

Потом добавил: «А что ж ты, дядя Гриша, не вступаешь в колхоз? Ведь там жизнь будет лучше».

Таруре как будто наступил на больную мозоль и он прокричал: «Ты, Степка, еще пушок не отрастил над губой, а уж хочешь править *обчеством*. В колхоз не пойду и жеребца не токмо за так не отдам, а и не за какие деньги! И с такими речами ко мне больше не ходи!»

Несколько дней Степка не появлялся на посиделках, все размышлял, как повернуть Таруру к новой жизни, и, наконец, с двумя единомышленниками решился на дерзкий поступок. Пройдя через сенцы в заднюю, смежную с *катухом* дверь, взялся за уздечку жеребца, попятил его к стене, где было окошко для выброса навоза. Через то окошко Пашка и Темка поймали роскошный хвост жеребца и овечьими ножницами обрезали его волосы по самую сурепку, да и те, что были выше, тоже обкорнали.

Весь следующий день Григорий со слезами на глазах охал, чертыхался, слал проклятья предполагаемым безобразникам, а вечером, когда совсем стемнело, отвел жеребца в колхозную конюшню, которая еще недавно была собственностью раскулаченного теперь Егора Маслова. Бригадира он попросил жеребца закрыть в клеть, никому его не показывать на позор (пока не отрастет хвост) и добавил, что он дарит его колхозу, а за это просит оставить его «одиноличником».

Все это тут же стало известно председателю колхоза и уполномоченному. На утро Григория вызвали в правление и вестовой доложил, что товарищ Тарура доставлен.

Уполномоченный без обиняков ошарашил его: «Что ж это ты, товарищ Тарура, хочешь нам сорвать коллективизацию? Ты подаришь жеребца, сосед – телку, а некая старуха по скудости ума вздумает какой-нибудь сундук прислать. И все останутся в одиноличной бедности? Товарищ Сталин зовет нас к счастливой жизни, к *социализму*, понимаешь, а потом и к *коммунизму*, а ты сопротивляешься. Нет, так дело не пойдет. Вступай в колхоз по всем правилам, по Уставу и не разлагай крестьян. А не то, видно, придется заняться изучением твоего прошлого».

Григорий испуганно, скороговоркой выпалил: «Тут несуразица вышла. Тарура – это мое ребяческое прозвище, а фамилия моя – Гречушкин. Я сапожник, работать на земле не привык и в колхозе буду не нужен. Посему отдаю жеребца и прошу оставить меня одиноличником».

Но председатель ему возразил: «Ты с кожей умеешь обращаться, будешь колхозным лошадям сбрую справлять. Не упрямясь, Гриша. Все ведь вступают». И пододвинул к нему листок бумаги и химический карандаш. Поразмыслив, сапожник написал под диктовку: «Прошу принять меня в колхоз по всем правилам». Впоследствии комсомолец Стёпка вступил в партию, его стали именовать по имени-отчеству, и избрали председателем колхоза.

Ураган. Первые воспоминания детства

В первый год Великой Отечественной войны мой отец, Николай Фёдорович, работал в нашей деревне председателем колхоза и потому был на брони. А когда весной 1942 года в Николаевку возвратился демобилизованный после ранения, но подходящий для этой должности мужчина, то провели пере выборы председателя и отца призвали в Красную Арию.

В последние дни перед отправкой отец в спешке докрыл обветшавшую крышу избы соломой из нового урожая, но посыпать самый «конёк» глиной и полить глиняным раствором для её укрепления не успел. Да и сама солома ещё не успела «облежаться», как на третьи сутки в ночь налетел с юго-восточной стороны ураган и всю солому с крыши снёс в овражек. Мне тогда исполнился один год и десять месяцев.

И этот эпизод я, на удивление, хорошо помню. В этом возрасте я уже уверенно ходил. Утром, проснувшись, я увидел, что мама топит печь и плачет, постоянно утирая фартуком слёзы. Я толкнул дверь и в сенцах вместо крыши увидел небо. Удивился, не понимая в чём дело. Мама сказала: «Вот, детки, крышу у нас снесло ураганом. Кто теперь будет её снова крыть, не знаю. Отец ваш на фронте...». Но я тогда ещё многого не понимал: куда делся папа, что такое война, фронт, и какой страшный ураган надвигается на нас с запада.

В это время фронт был уже недалеко от Тамбовщины и я помню как в небе часто пролетали самолёты. Мы различали их по гулу моторов. Наши «ястребки» издавали звук «Т-р-р-р», а немецкие «бомбовозы» – «ву-у, ву-у». Один такой «бомбовоз» то ли по ошибке, то ли для устрашения сбросил бомбу на пустыре, недалеко от деревни Васильевка. Позже мы ходили смотреть на образовавшуюся воронку. Потом в ней вырос ивняк, залечив уродливую язву войны.

В детстве мне, а также младшему брату и сёстрам мама пела колыбельную: «Баю-баюшки, баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок, тебя схватит за бочок».

Так вот, этот мифический «волчок» в 40-е годы превратился в реального серого волка и расплодился в большом количестве. Серые разбойники нагло стаями нападали на деревенское стадо и уносили по несколько ягнят и даже овец, и подростки-пастухи не могли отпугнуть их. Собак не было (их нечем было кормить), а ружья в первый год войны у всех конфисковали, все мужчины ушли на фронт, так что отстреливать хищников было некому и нечем.

Внесоразмерном количестве расплодились лисы и зайцы. Зимы тогда были снежные. Сугробы наметало до крыш, и лисы, забираясь по сугробам, без труда прокапывали в ветхих соломенных кровлях сараев отверстия и утаскивали кур. А зайцы безжалостно обгрызали кору и нижние ветки яблонь и других плодовых деревьев и кустарников. Помню, как лежащий у нас под окном огромный сучок яблони, отломленный бурей, привлекал зайцев. Бывало, сделаешь дыханием проталинку – «глазок» в замороженном окне и видишь, как они штук по 10-12 «похрустывают» веточками. Постучишь по стеклу – они отбегут немного,

постоят на задних лапах, осмотрятся, убедятся, что никакой опасности нет, и опять подбегают лакомиться.

Когда объявили День Победы, на колхозном дворе зазвонили в лемех, подвешенный на проволоке. Так звонили всегда для сбора людей около правления колхоза. На полуторке подъехала женщина-инструктор райкома партии, взобралась в кузов и объявила о победе над Германией. Все радовались, кричали, женщины плакали и, когда расходились по домам, то слышны были их разговоры: «Живы что ли там наши-то?». Возвратились с войны семь фронтовиков, в том числе мой отец Николай Перевозов, а уходили из Николаевки на войну сорок мужчин.

Голод

Уже в 1942 году начала сказываться нехватка продовольствия, а в 1943 году наступил голод. Довоенные запасы были исчерпаны, а пополнение было очень скудное. Небольшие площади на огороде ржи, проса, картошки и других овощей давали скудный урожай, ухаживать за ними было некому. Отец был на фронте, мама от зари до зари работала в колхозе, а пожилая бабушка со слабым здоровьем и четверо малолетних детей, из которых самому старшему – Толе было 12 лет, еще не могли смотреть за огородом как следует. На трудодни, заработанные мамой, как и другими колхозницами, не выдавали ничего. Согласно статистике, приведённой в газете «Тамбовский курьер» № 1213 от 13 августа 2019 года, 2541 колхоз в области выдавал на трудодень до 1 кг зерна, 455 – побольше, а 62 хозяйства не выдавали ничего. В число этих 62-х и входил наш колхоз. Денежной оплаты у нас тоже не было. А налоги надо было заплатить, как в натуральном, так и в денежном выражении: за землю, за каждую голову скота и птицы. Кроме того, убеждали всех подписываться на покупку облигаций государственного займа. Нередко председатель и уполномоченный из райцентра убеждали несчастных женщин в правлении колхоза подписаться на заём и не отпускали их до полночи, пока не поставят подпись. Потом специальный «агент» приходил и «выколачивал» налоги и деньги за облигации займа. Приходил он и к нам. Мама со слезами объясняла, что денег нет, но он убеждал её, что надо что-то продать, но рассчитаться с государством. Боже мой, как я ненавидел этого «агента» за то, что он доводил маму до слёз. Мне хотелось его чем-нибудь ударить, и я кричал: «Дядя, уходи от нас!» Мама успокаивала меня, объясняла, что дядя ни в чём не виноват, а виновата война, и выпроваживала меня на улицу. Я никак не мог понять, как выглядит война. Это что – чудовище, злая ведьма или огромная волчица, которая поедает наш хлеб, мясо, масло и даже деньги, а нам ничего не остаётся, и мы голодаем. Конечно, и наши колхозницы и большинство советских людей с пониманием относились к трудностям и стойчески их переносили. Знали, что для достижения победы надо обеспечить армию и рабочий класс всем необходимым. Но поборы были настолько непосильны и обременительны, что приходилось продавать последние запасы картошки, зерна, оставшуюся

живность и всё другое, что только можно было продать. А у самих ничего не оставалось и приходилось голодать.

Чтобы как-то пополнить запас продовольствия, мама в зимнюю оттепель с санками ходила в более зажиточное село староверов и за своё подвенечное платье и цигейковый полушубок выменяла два ведра свёклы и два ведра картошки. Мы все радовались и приплясывали вокруг неё, а она по очереди нас обнимала, плакала от радости и говорила, что теперь на целый месяц или больше хватит еды. Я тут же стал клянчить у мамы кусочек сырой свёклы: «Мам, дай *сёколку*, дай *сёколку*». Вкус этой сладкой свёклы остался в моей памяти на всю мою жизнь. Главной спасительницей от голода тогда была, конечно, корова. Молоко мы употребляли, как правило, снятое, а из сливок сбивали масло и сдавали его в счёт натурального налога или продавали его и расплачивались за облигации займа. Всё же и снятое молоко было большим подспорьем, а без него мы бы, наверно, не выжили. Когда мама большой деревянной ложкой снимала с горшка сливки, мы с вожделием смотрели и предварительно «конались» на палке, кому облизывать ложку, а кому края горшка.

Корову нашу звали необычным и красивым именем – Наведа. Это была необыкновенная умница. Если по забывчивости никто из нас не встречал её из стада, то она сама приходила к крыльцу и мычала. Дескать, я пришла, встречайте. Кто-то из нас, детей, выходил на зов, гладил её, за рога вёл в загон и привязывал. Поздно вечером мама приходила с работы, доила её и всех нас баловала парным молоком. Летом на разнотравье Наведа давала до 24-х литров молока. Вот бы поставить ей памятник как символу всех коров – спасительниц большей части народа нашей страны в войну!

Другим подспорьем в питании были съедобные травы: прежде всего лебеда, а также крапива, щавель, лопухи, сныть, клевер, мурава и другие. Травы употребляли в сыром и варёном виде. А если маме удавалось принести в кармане с работы немного зерна, то его размалывали на самодельной мельнице – крутушке, и в этой «дроблёнке» или в отрубях обваливали смесь трав и картофельных очистков или каких-то овощей и запекали в форме пышек. После такой съеденной пышки насыщение не наступало и через некоторое время снова нестерпимо хотелось есть. Но мама говорила: «Больше, детки, ничего нет. Теперь до завтра, что бог даст».

От постоянного недоедания и суррогатной пищи у меня в детстве часто болел живот. Мама, как могла, облегчала мои страдания: нагревала воду, обмакивала туда льняное полотенце, отжимала, прикладывала на живот и накрывала шерстяным платком. На удивление это помогало, боль утихала, я обычно засыпал, а проснувшись, чувствовал себя лучше.

Полуголодное детство не прошло бесследно, гастрит и колит сопровождали меня всю жизнь, в марте 1953 года обострился аппендицит. Боль и воспаление усиливались, и фельдшер дала направление в Карай-Салтыковскую участковую больницу. Отец на быке вёз меня эти 60 километров 19 часов с остановкой в райцентре, чтобы дать отдохнуть быку, покормить и попоить его и нам согреться.

Вот такая была «скорая помощь». Я стонал, корчился от боли, но всё же мы доехали до цели. Хирург Полионов быстро направил меня в операционную и после местной анестезии для разреза брюшины, начал «работать» внутри. У меня было ощущение, что он оперирует без обезболивающего. То ли действительно его не было, то ли его было недостаточно, но я всё ощущал, как он «возится» внутри живота. Я то стонал или орал от боли, то был в бреду, то ругался, а хирург «увещевал» меня: «Ты чего стонешь и кряхтишь? Воз дров, что ли везёшь? И не ругайся тут, не хулигань, а то в милицию тебя отправим». Операция длилась полчаса, а мне она показалась вечностью. После я ещё сутки был в бреду из-за высокой температуры.

Из-за отсутствия мест в детском отделении, меня положили в палату со взрослыми, где было 12 человек. Когда через оговорённые ранее 9 дней отец приехал за мной на том же красавце Бунелке и обратился в детское отделение, то дежурная медсестра сказала: «А у нас такой не значится». Отец был в шоке, подумал, что я уже в морге. Но потом меня разыскали.

Кормили нас в больнице какой-то баландой, пакетированными киселями и жидким, бледным, несладким чаем. А когда мы заехали в Инжавино на колхозную квартиру и отец сварил картофельное пюре с луком и сливочным маслом, то мне показалось, что такой вкусной еды я не ел никогда.

Мало того, что мы голодали, так не было ещё самых необходимых вещей: спичек, мыла, соли, керосина, дров, иголок, ниток, вёдер, гвоздей, а об одежде и обуви и говорить нечего. Всё чинилось, латалось, штопалось, перешивалось. Народ применял различные ухищрения, в проржавевшие вёдра вставляли другие днища из жести и лудильщики их припаивали; огонь добывали с помощью кремня, кресала и трута; вместо мыла применяли щёлок (вытяжку из золы). Нередко брали друг у друга взаймы глоток (!) керосина, несли его домой во рту, выливали в пузырёк и «сооружали» фитилёк – коптилку, служившую светильником. Для растопки печки ходили к соседкам, которые уже затопили и брали у них уголёк для разведения огня. О том, как наши матери и сёстры, полуголодные работали в колхозе, чем питались, как общались, о чём мечтали, даёт некоторое представление мой рассказ (быль) «Дунькина радость».

Отец – «дядя»

После призыва отец, пройдя подготовку в военном лагере, освоил пулемёт и миномёт и был направлен на фронт в Подмосковье. Его часть долго стояла в боевом охранении, затем участвовала в позиционных боях. Он рассказывал, что зимой подолгу приходилось находиться в окопах и траншеях под бомбёжками, артиллерийскими и миномётными обстрелами. Обмундирование промокало от дождя и снега, но простудными заболеваниями почти никто не страдал, велика была мобилизующая сила организма. Отец вспоминал, что порой приходилось отдираТЬ примёрзшую к земле шинель после ночёвки в окопе. Когда в феврале 1943 года началось наступление Красной Армии на смоленском направлении, его тяжело ранило осколком мины в живот. Волоком, за шинель, по насту его

вытянул к медпункту ефрейтор-грузин. Затем он 11 месяцев лечился в московском госпитале у профессора Цветаева. Этот же профессор лечил знаменитого лётчика Алексея Маресьева. После выписки отец был признан нестроевым и отправлен на работу в город Сарапул в Удмуртию на военный завод. В сентябре 1945 года он прибыл домой в отпуск. Мне тогда исполнилось пять лет. Мама сказала: «Детки, это ваш папа». Отец поочерёдно обнял нас, прижимая к небритым с дороги щекам. Мне это как-то не понравилось, и я тут же убежал в сад.

Я был любопытным и непоседливым. Лазил на чердак, в погреб, на скирды. Отец боялся, что я упаду, ушибусь, отговаривал меня, а у меня это вызывало детский протест, и я как-то маме шепнул: «Мама, а когда этот дядя-папа от нас уедет?» Этот «дядя» скоро уехал, а демобилизовался только в феврале 1946 года. Постепенно мы, дети, привыкли, что у нас в семье есть папа, хотя в большинстве семей нашей деревни отцы погибли на фронтах войны.

В марте 1946 года отец начал работать в колхозе кладовщиком. В апреле начались полевые работы. Из МТС прислал два трактора марки ХТЗ. Для трактористов пекли чистый (без примесей!) хлеб, забивали колхозных барашков и варили щи и борщи с мясом. В общем, кормили как следует, так как работали они напряжённо, от зари до зари. Продукты для них хранились, естественно, на складе у отца. Помню, когда я заболел и сильно ослаб, то мама попросила отца принести для меня немного хлеба и мяса. Он вскричал: «Ты что? Заставляешь меня воровать?! Чтоб больше я таких слов не слышал!»

Тогда мама втихаря обратилась к самим механизаторам, и Миша Иванов отрезал ей краюху хлеба и отдал свой кусок мяса из борща. Так я в засушливом, неурожайном, голодном 1946 году ощутил вкус натурального чистого ржаного хлеба и узнал три разных подхода к одной проблеме. Много позже я осмыслил, что каждый из троих по своему поступил правильно, по совести.

Отец никогда специально не занимался со мной и другими детьми воспитанием, не наставлял, как надо себя вести, к чему стремиться и т.д. А его личный пример, разговоры с мамой, весь уклад семьи, споры с Семёном Майоровым (единоличником), мы впитывали, и это формировало наши взгляды на жизнь.

Он окончил церковно-приходскую школу, но всегда относился к религии как к «опиуму для народа», а в 1930 году стал активным «застрельщиком» коллективизации, советского образа жизни, и с первых дней образования колхоза был назначен бригадиром. В партию не вступил, как в 30-е годы, так и на фронте, хотя его неоднократно уговаривали. Очевидно, у него было какое-то внутреннее чутьё, и наши вожди не являлись для него нравственным примером. В раскулачивании участия не принимал и считал, что репрессировать надо только злостных эксплуататоров. А если зажиточный крестьянин нанимает на период массовых сельхозработ 2-х или 3-х работников и достойно оплачивает их труд, то преследовать его за это глупо.

В послевоенные годы отец работал кладовщиком, завхозом, зав. фермой и даже председателем ревизионной комиссии объединённого колхоза им. Карла Маркса, в который входило десять деревень. Ему было присвоено звание

«Почётный колхозник» и вручена медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». А за участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов он награждён медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и юбилейными медалями, которыми награждались все ветераны войны. Не стало отца в 1981 году. Но я до сих пор преклоняюсь перед его высокой нравственностью и не показным, а настоящим патриотизмом.

Игры и игрушки

Недавно пятилетний правнук Тимур спросил меня: «Деда Юра, а какие тебе в детстве дарили игрушки?» Я ответил честно: «Ни-ка-ки-е».

– А почему?

– Потому, что была война. Заводы и фабрики делали только то, что необходимо было для армии: винтовки, автоматы, пулемёты, танки, пушки, самолёты, снаряды и так далее. Не до игрушек было. А те игрушки, что продавались на рынке, не на что было купить. Денег у нас на это не было.

Но дети – народ смекалистый. Мы ходили на колхозный двор, находили там обоймы от подшипников и катали их под горку. Какая укатится дальше всех – это маршал Жуков, занявшая второе место – Рокоссовский, далее – Конев, Василевский, Говоров, Толобухин, Малиновский... Об этих полководцах мы узнавали от фронтовиков, вернувшихся с войны.

Сами мы изготавливали луки со стрелами, свистульки, трещётки. Немного повзрослев, играли в выбивалы, в чижика, в лапту, в котёл. Все приспособления для игр мы делали сами из подручных подручных материалов: лук – из ветлы, тетиву – из конопляных ниток, стрелы – из тростника, мячи – из тряпок, рожок – из коровьих рогов и катушек. Позже, когда мне исполнилось 13 лет, а пятнадцатилетний брат Лёша приехал на летние каникулы после окончания 1-го курса Егорьевского станкостроительного техникума и привёз волейбольный мяч, то мы стали его использовать как футбольный. Началась эпоха футбольных сражений с ребятами из соседнего колхоза с символическим названием «Красный пахарь». Из-за этих баталий нередко оставались невыполненными задания родителей: прополка картошки, полив овощей, заготовка трав для скотины и другие. За это нам попадало. А тётя Дуня Дементьева, ругая своего сына Кольку, грозила, что если ей попадётся в руки этот чёртов большой «мечик», то она его изрубит топором.

Проказы, глупости и нарушение заповедей

Редко, кто в детстве и даже в подростковом возрасте не проказничал и не совершал глупые поступки, хотя абсолютное большинство родителей предостерегают детей от этого. У нас, например, был свой сад и, спрашивается, зачем мне надо было вместе с другими ребятами в 10-12 летнем возрасте ночью забираться в чужой сад, зная, к тому же, что сорта яблок у всех одинаковые?

Но это казалось интересным, и раза два я участвовал в таких похождениях, а украденные яблоки отдавал другим ребятам, у которых не было сада...

Дед Костюха, единственный в деревне выращивал репу, которую мы называли «бухня». С другом Васяней мы ползком из-за ветловых зарослей забирались к нему на огород, выдёргивали по 2-3 штуки, уходили на речку, отмывали репку там, очищали и с наслаждением съедали, а кожуцу прятали в густой осоке (заметали следы!)...

Когда отец в конце 40-х годов работал кладовщиком, то уходя на обед, вместе со всеми колхозниками, поручал нам с братом Лёшей караулить зерно на току от птиц, животных и расхитителей. Мы пользовались этим моментом. Один из нас караулил, а другой, зачерпнув две фуражки зерна, бежал по оврагу в соседнее село Образцовку и там выменивал его на сливы (баш – на баш). У бабки Кати-«Заики» были шикарные жёлтые и синие сливы, которых ни у нас, ни у кого в округе не было. Эти сливы мы постепенно поедали сами. Поделиться с младшими братьями и сёстрами было нельзя, это надо было сохранять в тайне. Если бы об этом узнал бы отец, то нам была бы взбучка, и он бы эту нашу «лавочку» прикрыл. Мама, скорее всего, отнеслась бы к этим нашим «промыслам» снисходительно, хотя говорила, что самые первые христианские заповеди: «не убий» и «не укради».

Из вышеперечисленных примеров видно, что вторую заповедь я нарушал – голод заставлял. Да и первую нарушать тоже приходилось, главным образом из-за голода. Но были и другие причины. Во-первых, мы, будучи октябрятами и пионерами, откликались на призыв: «Все на борьбу с грызунами!» В то время малопродуктивные поля и пастбища были заброшены, потому что женщины и подростки без техники, без лошадей (их забрали для фронта) просто физически не могли их обработать. На заброшенных угодьях в огромном количестве расплодилось суслики. Нам объясняли, что каждый из них потребляет до пуда зерна в год, и их надо уничтожать, сохраняя тем самым зерно для Родины. Мы ставили силки и «выливали» их водой из норок. Сами ошкуривали примитивными самодельными «ножами» и обрабатывали тушки. Их мясо, похожее на зайчатину и крольчатину, служило подспорьем для семьи в голодные годы. Это и являлось главной причиной нарушения второй заповеди «не убий». А шкурки мы сдавали татарину Асанову, который в Князевке занимался сбором кож от скота. Если он, «расщедрившись», давал нам за пять шкурок настоящий рыболовный крючок, то мы были счастливы и гордились перед теми ребятами, у которых крючки были самодельные...

Лет в 12-13, когда я научился хорошо плавать и нырять, мы со Славкой Коноваловым, который тоже этим хорошо овладел, пугали девочек – своих ровесниц на речке. Мы тихо, скрываясь за камышами, подплывали близко к девичьей купальне, ныряли и выныривали перед ними с водорослями на голове и плечах. От испуга, в сумятице, они выбегали на берег, сверкая мокрыми выпуклостями своих юных, красивых тел. И когда они, подозревая нас в этих проказах, ругали нас за испуг, то мы, естественно, отказывались, утверждая, что это был водяной в двух ипостасях.

Тяга к знаниям

Когда мой старший брат Алексей учился в 1-м классе, я параллельно с ним научился читать, писать, считать и вычислять до 20-ти. А мой друг детства Лёнька Иванов овладевал знаниями от сестры Зины. По документам мы оба рождены в октябре 1940 года и поэтому к 1 сентября 1947 года нас в 1-ый класс не записали, как не достигших 7-летнего возраста. Родители наши тоже идти в первый класс не советовали, так как у нас не было подходящей для этого одежды и обуви, особенно на период распутицы осенью и весной. Но мы с другом сговорились и 1 сентября по низам, по лугам убежали из дому в школу. Учительница выкликнула всех первоклассников, и, увидев, что мы не поднялись, спросила: «А вы кто?» Мы назвали и сказали, что хотим учиться. Она вызвала родителей, поговорила, нас записали в журнал и мы стали ходить в школу. Учились мы оба с другом на отлично. В распутицу, когда была грязь и хлябь, я дожидался брата Лёшу из школы и в его кирзовых сапогах и одежонке, перешитой из старой шинели, шёл в поход за знаниями. Когда было сухо – ходил в сандалиях, а зимой в валенках. Мы, как и большинство сельчан, *водили* овец, мастера-валяльщики были всегда, и с зимней обувью затруднений не было. В нашей начальной школе было одно помещение и каждый класс занимал свои два ряда. В первую смену ходили 2-ой и 4-ый класс, а во вторую смену 1-ый и 3-ий. Учительница попеременно давала задания и проверяла то одних, то других. Помню её смутно. Звали её Нина Терентьевна, она была молодая, являлась депутатом сельского совета. Нередко, во время уроков давала нам задания, запирала дверь на засов коромыслом, чтобы мы не разбежались, и уходила по своим депутатским и другим делам. К концу учебного года она вышла замуж и перешла работать в другое село.

К нам прислали новую учительницу Татьяну Яковлевну (на 1-ый и 3-ий классы) и ещё одного учителя с семьёй – Иосифа Казимировича Громыко. Одни говорили, что он из числа беженцев из западной Белоруссии, его деревню сожгли немцы и возвращаться ему некуда. Другие говорили, что он репрессированный и выслан на поселение. Он себя велел называть Иван Семёнович для упрощения произношения. Ему поручили вести 2-ой и 4-ый классы, и я попал во втором классе к нему. Человек он был необыкновенно добропорядочный. В учебный и воспитательный процесс вкладывал всю душу. Если кто-то из учеников плохо учился или нарушал дисциплину, то он никогда не вызывал родителей в школу, а сам шёл к ним домой, беседовал и выяснял причины, вырабатывая с ними единую линию воспитания. За грубые ошибки оставлял учеников после уроков, давал задания правильно переписывать слова по 50 или 100 раз или учить правила и решать задачки, за которые были получены двойки.

Однажды, в 4-ом классе, мы проходили правописание так называемых непроверяемых словарных слов. В частности учитель говорил о слове «кафтан». У меня это пролетело мимо ушей, так как я в это время сочинял частушку-эпиграмму на ленивую Катю Семёнову из соседней деревни Ильичёвки. Катя была старше одноклассников на 4 года. Во время войны она не ходила в школу из-за

отсутствия одежды и обуви. Когда я ей подсунул листок со словами: «Катя, Катя, Катерина, дома ждёт её перина. Как придёт – заляжет спать. На уроки – наплевать!» В ответ получил подзатыльник. А в тетради я вместо «кафтан» написал неправильно – «ковтан». После уроков учитель заставил меня переписывать это слово 50 раз. Вместе со мной был оставлен Витька по прозвищу Фома. Он писал слово «чаща» 100 раз за то, что написал «чящя». Вечером того же дня Громько пришёл к нам домой и после внушительной беседы я получил словесную *взбучку*. Конечно, такие беседы приносили пользу. Именно в начальной школе учитель сумел привить мне интерес и любовь к русскому языку, в результате чего в семилетке мои сочинения и изложения всегда были в числе лучших. А позже у меня появилась тяга к написанию стихов и рассказов, и в 2015 году вышел мой сборник «Добро по кругу». Низкий поклон за это моему первому наставнику Громько Иосифу Казимировичу.

Уже в начальной школе мы стали октябрятами и пионерами и привлекались к посильному общественно-полезному труду. Собирали макулатуру и металлолом. Во время летних каникул пропалывали сорняки на колхозных полях, обрывали пасынки на махорке и сортовых участках подсолнечника. Позже, в 5-7 классах мы ухаживали за пришкольным садом и огородом, закладывали новый колхозный сад, работали на току, перелопачивая для просушки зерно и вращали веялку для подработки семенного материала. Нам тоже начисляли трудодни и выдавали на них зерно и небольшие деньги, и мы, конечно, этим гордились. И когда сейчас привлечение школьников к труду преподносится как нарушение прав детей, я воспринимаю это как глупость и даже вредительство.

Когда спустя много лет я в качестве инструктора Инжавинского райкома КПСС прибыл по заданию в Ломовку, то бывший когда-то комсорг, а теперь парторг колхоза, агроном Валентин Иванович Иванов спросил меня: «Ну что, Юрий Николаевич, помнишь, где Юрка Перевозов, ученик 7 класса, сажал Бельфлёр?»

– Конечно, помню, в третьем ряду от края.

– Тогда пойдём дегустировать.

Был август. Красавцы наливные яблоки брызгали медовым соком. Приятно было их отведать. Они мне показались необыкновенно вкусными, гораздо вкуснее, чем в отцовском саду. Очевидно потому, что это были плоды своего труда.

Тяга к знаниям не покидала меня никогда, но продолжить образование очно в средней школе не было возможности по материальным соображениям. Ближайшая школа в селе Красивка находилась за 25 километров. Чтобы там учиться, надо было снимать квартиру, иметь соответствующую одежду, обувь, как-то питаться.

Когда я в 1955 году окончил семилетку, то брат Алексей уже учился в техникуме и, поэтому, требовались средства на его содержание. Кроме того, в семье было ещё трое малолетних детей, поэтому мне, волею судьбы, надо было идти работать, а учиться в средней школе мне пришлось заочно.

Зимой 1957 года я предпринял попытку получить специальность механизатора в Мучкапском училище. Мой друг, Вася Васильев, который уже учился в

этом училище, сказал, что идёт очередной набор курсантов. Я подумал, что надо приобретать хоть какую-то специальность, и мы пошли с ним пешком в Мучкап (до которого 42 километра) в надежде, что кто-нибудь по дороге нас подвезёт. Но никто нас не подобрал и к вечеру мы всё же дошли до цели. На другой день я прошёл медкомиссию, и мне сказали, чтобы я ждал вызова. После ночлега я пошёл домой один. Опять никто меня не подвёз, и, после Арбеньки, когда до дома оставалось всего-то 7 километров, силы мои иссякли. Я дважды садился на снег отдохнуть минут 15-20 минут с тревожной мыслью «не заснуть», иначе – конец. Домой добрался с потёртостями и мозолями и лечил их целую неделю. А вскоре мне пришло сообщение из училища, что принять меня не могут, к моменту окончания курсов мне не исполнится 18 лет, а права несовершеннолетним не выдаются... Но всё же спустя два года я закончил шестимесячные курсы механизаторов, причём питание, обмундирование и жильё оплачивало училище.

Трудовые ступени

После окончания семилетки я сразу же, наряду с деревенскими мужиками, начал работать в колхозе. Что нас бригадир заставлял, то и делали. Очищали, например, овцеферму от навоза. За зиму овцы так утрамбовывали его, что взять его вилами было невозможно, не поддевался. Приходилось с помощью квадратных металлических лопат вырубать его пластами и затем вывозить на поля. Потом начался покос. И здесь рядом с опытными косарями я тоже должен был выкашивать свою норму. Боже мой, как же к вечеру болели все мышцы и даже кости. За ночь кое-как приходил в себя, а на другой день – то же самое. И только к концу покоса я втянулся и мышцы уже не так болели, а просто наступала усталость. Но, зато какие божественные запахи витали над скошенным лугом, какую вкусную кашу-сливуху готовила нам тётя Маруся-повариха. Девушки и женщины, все в белых блузах и в платках, поворошив сено, в обеденный перерыв собирались в круг, и тут начинались перегляды, шутки, а потом запевали песню. От наслаждения и усталости я засыпал на сене, и чудились мне огромные стога и вокруг девушки, водящие хороводы и поющие «Катюшу»...

Зимой я с ребятами и мужиками ездил на дровнях, запряжённых лошадьми, в поле за кормами для скота. Главной неприятностью тогда были холода, ветры и снегопады, особенно сырые. Одежка у нас была плохая: старая солдатская шапка-ушанка, двое холщёвых штанов, надеваемых одни на другие, фуфайка и брезентовый плащ. На возу всё это продувалось насквозь, и я часто болел. При высокой температуре меня всегда тошнило, и я не мог ничего съесть. Когда ко мне привозили из Ломовки фельдшерницу Антонину Павловну, одно её появление приносило облегчение, я знал, что поправлюсь. У неё были такие добрые глаза, мягкий тембр голоса и нежные руки, что помню её до сих пор.

Некоторое время я работал учётчиком на молочно-товарной ферме и отвозил молоко на пункт переработки в посёлок Головский. Фляги с молоком, весом больше 40 килограммов, мы погружали с дежурной дояркой на дощатую

повозку, а в пункте приёма снимали их с каким-либо другим возчиком, помогая друг другу. Лошадь была тихоходная, ленивая. Чтобы заставить её бежать трусцой, я однажды, когда возвращались с пустыми бидонами, встал во весь рост, раскрутил вожжи и хлестнул её по спине. От неожиданности она резко остановилась и я, потеряв равновесие, по инерции упал вперёд, ей на круп. От испуга она *порскнула* и понеслась в галоп. Я упал между лошадью и передком повозки и чудом уцепился за оглобли. В галопе лошадь методично лупила меня копытами, так что на оглоблях держаться было очень трудно. Я мгновенно сообразил, что если она собьёт меня с оглоблей под телегу, то торчащим внизу *шкворнем* меня изломает. Единственным выходом из создавшегося положения было выброситься как можно дальше в сторону от телеги. Собрав все силы, я так и сделал, но далеко мне упасть не удалось и оба окованных железом колеса проехали по моим ногам. Вожжи заплелись в колесе и лошадь остановилась. Стараясь не замечать страшную боль, я подполз к ней, распутал вожжи, кое-как залез на повозку и приехал домой. Отец с матерью взяли меня под мышки и занесли в избу на постель. Мама начала делать примочки из бодяги, и через неделю, преодолевая боль, я начал ходить. По-видимому, перелома и трещин в костях не было, а были лишь повреждения надкостницы и мягких тканей...

Когда мой двоюродный брат Костя Кобзев, отслужив в армии и окончив курсы комбайнёров, позвал меня работать штурвальным на комбайн С-6, я без раздумий согласился. До этого кроме тачки и сохи, я ни с какой техникой не сталкивался. Даже технические термины были мне незнакомы. Что такое кронштейн, радиатор, карбюратор, магнето, шнек, чем отличается звёздочка от шестерни? Всё приходилось изучать, постигать походу работы, уборочную мы провели неплохо. Вставал в 3-4 часа утра, а работали, как правило, до ночи. Комбайн С-6 был старый, нередко в нём ломались узлы и детали, а запчастей в достатке не было. Их заказывали ремонтировать или вытачивать в мастерской, то приходилось чем-то обмениваться с другими колхозами.

Однажды со мной произошёл неприятный случай. Я, прилаживая деревянную рейку к подающему полотну, занозил себе указательный палец правой руки. Образовался нарыв, перешедший в панариций, который в деревне называли волосень-костоед. Палец болел и дёргал нестерпимо. На помощь пришла знахарка – бабка Марина Ковалёва. Она посоветовала сжечь гречишную солому, сквозь её золу пролить горячую воду и в образовавшемся щёлке полоскать палец. Действительно, помогло. После нескольких таких процедур палец начал заживать. Но кость первой фаланги была почти съедена костоедом, и палец не сгибался в кулак, из-за чего медкомиссия в военкомате признала меня годным только к нестроевой службе, и в армию я не был призван.

Потом с Ковалёвым Иваном я работал на самоходном комбайне СК-3. Агроном поручил нам убрать 200 гектаров сортовой пшеницы «Мироновская – 808». Она дала на круг по 36 центнеров с гектара. Тогда это была фантастика. Поле было под неё отведено после пара. В пшенице никаких сорняков, сплошное золотистое море. Восторг был необыкновенный – глядеть на эту красоту!

В 1959 году я окончил курсы механизаторов в Мичуринске. Набравшись опыта за предшествующие годы и получив теоретическую подготовку, на следующий год я по комсомольской путёвке ездил на целину на уборку урожая в совхоз им. Тимирязева Павлодарской области. С Тамбовщины набрался целый эшелон. По дороге, особенно за Уралом, я поражался нашим просторам. Иногда мы ехали по несколько часов, не видя ни одного селения, ни кустика, ни деревца. Одна голая степь. Кое-где виднелись стада овец и диких сайгаков, больше ничего. В пути знакомились, общались, пели песни под гармонь, обменивались адресами, некоторые даже успевали влюбиться. Ехали-то четверо суток.

Быт и питание были организованы хорошо. На станциях и полустанках нас уже ждали длинные дощатые лавки и столы с дымящимися мясными борщами, вторыми и третьими блюдами. Поселили нас в вагончиках по десять человек в каждом с двухъярусными дощатыми лежанками. Холодные ночи там начинались рано, и для поддержания тепла мы топили «буржуйку», для чего по очереди назначался дежурный, который должен был подкладывать дрова. А когда попадала очередь парня из Чувашии, то он спал без просыпа до утра и под утро мы замерзали. После подъёма все давали ему в лоб по щелбану, но это не помогало, и при очередном его дежурстве повторялось то же самое. Мы его исключили из дежурных. А вообще жили дружно. Среди нас были: чуваш, татарин, украинец, удмурт, мариец и пятеро русских. Никаких насмешек не было и в помине, жили как одна команда, как одна семья.

Я работал на прицепном комбайне «С-6», убрал 410 гектаров пшеницы, которая дала по 16 центнеров с гектара. Так что получение стопудового урожая, о котором мечталось в песне известной советской певицы, было осуществлено.

После окончания уборки пшеницы, мы пересели на трактора «ДТ-54» и пахали зябь до наступления заморозков. Уже в начале октября температура по ночам стала опускаться до минус пяти-семи градусов, почва стала промерзать, пахать стало невозможно, и мы, получив расчёт и благодарность от директора совхоза и парторга, выехали домой.

Нередко, когда об этом рассказываешь, спрашивают: А что побуждало ехать на целину?» Ответ простой: юношеский комсомольский задор, стремление как-то проявить себя, романтика, желание увидеть другой мир, подзаработать денег и хлеба, – всё вместе.

Вскоре, после возвращения с целины, меня вместе с напарником Василием направили от колхоза в Тамбов на курсы радистов. По окончании курсов мы вместе с опытным мастером из Тамбова смонтировали оборудование радиоузла, провели радиоточки в каждый дом и весной 1963 года включили рубильник, донеся голос Москвы до всех сельчан нашего колхоза.

Радиоузел находился в Ломовке, а жил я тогда в Николаевке за 5 километров. Включать радио надо было в 6 часов утра. Для этого надо было выходить из дома в 4 часа 20 минут, чтобы успеть завести дизель-генератор, разогреть усилитель, настроить «волну» и «врубить» трансляцию. Заканчивалось радиовещание в 12 часов ночи, после гимна. И мне надо было собираться домой. В погожие

дни тёплого сезона я обычно ездил на велосипеде, а в распутицу весной и осенью – пешком в резиновых сапогах. Сложнее всего было зимой. К этому времени ферму в Николаевке уже сломали, деревня вымирала и дороги практически не было. Поэтому я ходил по полю, напрямик и утром и ночью. В те годы снега были обильные, часто бушевали метели, которые начинались неожиданно.

В августе 1964 года почтальон сообщает мне просьбу директора Ломовской семилетней школы Четвертаковой Тамары Ивановны прийти к ней на беседу. Я – в недоумении. Зачем это? Директор объяснила мне: «У нас вакансия учителя по труду. Ты, я слышала, владеешь долотом и топором, думаю, сможешь преподавать столярное дело. Верстаки и минимум инструментов у нас есть». Я – в шоке. Говорю: «Но я же работаю на радиоузле, мне это нравится, да и колхоз меня не отпустит, меня же выучили для этого». Она: «А ты совмещай эти две работы, мы тебе поставим часы в удобное время». Я говорю: «Но у меня же нет специального образования». Она: «Ничего, ты уже учишься заочно в 10-м классе. Методичками мы тебя снабдим». Я попросил день на обдумывание, посоветовался с родителями и дал согласие. А когда в сентябре начал работать, и ребята приняли меня нормально, то завуч мне «подцепила» и уроки физкультуры.

В октябре произошёл смешной случай. Прихожу домой, мама мне говорит, что сегодня напротив нашего дома на дороге останавливается бортовая машина с торфом, и шофёр спрашивает: «Тут что ли живёт учитель?» А мама в ответ: «Какой учитель? Не знаю, у нас в деревне вроде нет учителей». Шофёр вынул записку, прочитал: «Перевозов». Мама: «А-а-а, да, это мой сынок. Правда, он начал работать в школе, а я и из ума вон». Мы и не знали тогда, что учителям в сельской местности полагалось топливо от райисполкома.

Сейчас, с высоты прожитых лет и жизненного опыта, я удивляюсь, как могла Тамара Ивановна взять на себя ответственность: принять на должность учителя человека без специального образования. Тем более, что обе дисциплины, порученные мне, были травмоопасные. Конечно, я проводил вводные инструктажи по технике безопасности, но ведь всякое могло случиться. И тогда наказали бы и меня, и её, и кого-то из РОНО. Но, слава богу, всё обошлось благополучно и ушло в историю.

В октябре меня ожидало ещё одно испытание на прочность. Пригласил меня парторг колхоза Пимкин В.А. и говорит: «Партбюро решило рекомендовать тебя для избрания секретарём комсомольской организации колхоза. Более подходящей кандидатуры мы не видим». Отвечаю ему: «Я работаю на двух должностях. У меня совершенно нет свободного времени». Он: «Ничего, молодой, справишься. Павке Корчагину было не легче. И советую тебе готовиться к вступлению в партию».

Избрали меня комсоргом единогласно. И начал я свою общественную деятельность с нарушения Устава ВЛКСМ. В райкоме по нашему колхозу насчитывалось тогда 120 комсомольцев. 40 из них по несколько месяцев и даже лет не посещали собрания, не выполняли никаких поручений, не уплачивали членских взносов, то есть утратили связь с комсомольской организацией. И даже на отчетно-выборное комсомольское собрание явилось всего 56 человек, что было недо-

статочно для кворума. Представитель райкома ВЛКСМ «закрыв на это глаза» и собрание состоялось. Я предложил в состав общеколхозного комитета ВЛКСМ избрать представителя от каждой из девяти деревень, входящих тогда в наш колхоз имени Карла Маркса, и это было сделано. Затем поручил членам комитета посетить в своей деревне каждого «оторвавшегося» от комсомольской организации и выяснить их дальнейшую позицию. Наиболее интересных парней и девушек я посетил сам. Нам удалось убедить семерых остаться в рядах ВЛКСМ. Остальные написали заявление о выходе из комсомольской организации, и на ближайшем собрании мы их исключили из ВЛКСМ. Это было нарушением, т.к. разбираться надо было с каждым индивидуально. В райкоме комсомола указали на это нарушение, но проглотили эту «пилюлю» и никогда этим меня не попрекали.

В результате такой «реформы» комсомольская организация стала более активной, мобильной и дисциплинированной. Комсомольский «штаб» находился и работал на радиоузле во время моего дежурства. Это было служебное нарушение, потому что посторонних там быть не должно. Парторг мне делал замечания, но я отшучивался: «Коммунизм в белых перчатках и строго по инструкции не построишь». Вскоре партбюро и правление колхоза приняли наше предложение о внедрении соцсоревнования среди комсомольцев и молодёжи до 30 лет на лучшего механизатора, доярку, свекловичницу и т.д.. Мы организовали художественную самодеятельность, «разбили» футбольное поле и проводили игры, а с вводом в строй клуба начались регулярные показы кинофильмов и танцевальные вечера. В общем, жизнь и досуг молодёжи стали намного интереснее и разнообразнее.

А под Новый год организовали праздничный вечер с новогодней ёлкой, музыкой, танцами, конкурсами, викторинами. На праздничный вечер повеселиться, потанцевать и поплясать пришли и люди среднего возраста, а «поглазеть» и пожилые. Веселье длилось до полуночи. Все поздравляли друг друга с Новым годом. А заведующий клубом к этому времени то ли от усталости и множества хлопот в течение дня, то ли от спиртного, уснул в кинобудке, и киномеханик, считая себя его «правой рукой», вышел и объявил подвыпившим голосом: «Так, *робяты*, на *этим* заканчиваем». И все с улыбками стали расходиться. В общем, в деревне, как правило, никакое действие без хохмы не бывает.

Это ответ на второй вопрос правнука Тимура о том, какую вы ёлку наряжали дома, натуральную или искусственную и как встречали Новый год? Вот так и встречали.

В 1965 году у меня произошли крутые перемены. В апреле я вступил в КПСС. В июне сдал экзамены за 11-й класс в Инжавинской средней школе и получил аттестат. В июле к нам в колхоз приехали второй секретарь райкома партии Свиридов и первый секретарь райкома ВЛКСМ Фёдоров и сказали, что есть мнение направить меня на учёбу в Совпартшколу. Для меня это было неожиданно. Я мечтал поступить на заочное отделение исторического факультета пединститута и поэтому попросил трое суток на размышление. Поговорил с родителями, директором школы, они посоветовали согласиться, так как путь к получению дипломиро-

ванной специальности будет короче, легче. Стипендию мне пообещали сносную – 90 рублей в месяц при минимальной зарплате тогда 70 рублей. То есть на эти деньги можно будет прожить и не тянуть с родителей.

В совпартшколу принимали слушателей, проявивших себя на руководящей, хозяйственной и общественной работе, членов партии с хорошей характеристикой в возрасте от до 35 лет. Директором совпартшколы тогда являлся Золотухин Александр Сергеевич, фронтовик, полковник в отставке. Обратив внимание на мои узкие и короткие брюки, он спросил: «Не являюсь ли я приверженцем стиляж?» Я сказал: «Нет. Если Вы судите по моим зауженным брюкам, то это брюки моего брата, он уже бросил их носить. Я их надел, поскольку в своих ехать в город постеснялся». Члены комиссии переглянулись и сказали, чтобы наряду с другими я ждал решения в коридоре. Меня приняли. Учиться было сложно, нагрузка была колоссальная, но всё же мы находили возможность и для культурного досуга. Кроме общественно-политических и специальных дисциплин, мы изучали всё, что относилось к сельскому хозяйству: агрономию, зоотехнию, ветеринарию, экономику, бухгалтерский учёт, плодоовощеводство, механизацию. Последний предмет был мне знаком и теоретически и практически. Поэтому на нём я расслаблялся и нередко писал стихи, дружеские шаржи и эпиграммы на однокашников. Мои листки ходили по рядам и вызывали смешки и перешёптывания. Преподаватель Анна Алексеевна спрашивала: «Товарищ Перевозов, почему на Вас посматривают и смеются, в чём дело?» Я отвечал: «Не знаю. Помыт, побрит, при галстукке; что они нашли во мне смешного, не могу понять». Лишь немногие сохранившиеся дружеские шаржи я поместил в сборник «Добро по кругу», а большинство осели у адресатов или забылись, или потерялись при сменах места жительства.

Совпартшколу я окончил с отличием и был направлен в Инжавинский райком партии, где начал работать с 1 сентября 1967 года инструктором отдела пропаганды и агитации. Эта работа предполагалась как временная и называлась «передержка». В ноябре проходили отчётно-выборные партийные собрания в колхозах, совхозах и на предприятиях, и при ротации партторгов туда направляли обычно подобных выпускников совпартшколы. Зав. идеологическим отделом Балашова Лариса Ивановна долго не хотела меня отпускать, так как ей понравилась моя теоретическая подготовка и грамотно, с партийных позиций подготовленные справки и проекты постановлений для бюро райкома. Но в мае 1968 года первый секретарь райкома Ромашов В.Ф. сказал: «Хоть он и грамотный товарищ, но надо ему поработать в низах, а то он останется верхоглядом, а это для здоровой карьеры плохо». И это было правильно. Меня рекомендовали в колхоз им. Дмитрова для избрания партторгом. Собравшиеся коммунисты выслушали мою биографию, ответы на вопросы и в конце старейшая женщина, член партии сказала: «Биография у него вроде хорошая, но голос для парторга очень тихий. Я просто не знаю, как он сможет работать». Я ответил: «У вашего теперешнего председателя тоже голос не громкий, и он, насколько я знаю, никогда не ругается, а дела в колхозе идут неплохо, гораздо лучше, чем у его предшественников, которые кричали и размахивали руками».

Это был в какой-то степени дерзкий ответ, потому что все предшествующие председатели были из местных, а последний – присланный райкомом. Я знал, что в предыдущие годы каждый клан родственников выдвигал свою кандидатуру на должность председателя и выборы затягивались до 2-х – 3-х часов ночи, переносились на последующий день, и так продолжалось до пяти суток. Потом всё же находили компромисс, а на следующем отчётно-выборном собрании происходило то же самое, и уже председателя избирали из другого клана. А новый председатель, естественно, руководителей среднего звена менял и подбирал из своего клана по принципу *свойства* и кумовства, а не по деловым качествам. Поэтому и дела в колхозе обстояли неважно. Мой ответ вызвал оживление в зале и старушка неожиданно для меня сказала: «Ладно, снимаю свой вопрос, пойдёт, давайте голосовать!»

Мои родители были в шоке, когда узнали, где я буду работать. Отец говорил: «Это же бандитское село. Они целый взвод всадников поставили в банду Антонова. Причём, одни из этого взвода воевали против частей Красной Армии, а другие грабили крестьян из других деревень, якобы для нужд повстанческой армии Антонова, а на самом деле для личного обогащения. Потом убили двух председателей колхоза». Я позже установил, что действительно в 1937 году Один Прокофий Филиппович, 1906 года рождения, был облит керосином и сожжён заживо у своего дома, а в 1944 году Пискунов Григорий Никанорович, 1898 года рождения, застрелен в своём доме через окно. Родителей я старался успокоить, говоря, что времена изменились и люди тоже. Меня больше беспокоило пьянство и самогоноварение. Самое неприятное то, что в запой на два-три дня уходили руководящие работники: бригадиры, механик, заведующие фермами и другие, а также механизаторы во время сева и уборки. Совместно с председателем мы решили повести последовательную борьбу с этим злом. «Пропесочивали» на партбюро и заседаниях правления колхоза, объявляли выговоры и лишали премий, смещали с должностей и т.д.. Естественно, это принесло некоторые положительные результаты.

Хочется привести здесь наиболее интересный случай. Опытный комбайнёр Василий имел «традицию»: в первые дни уборки зерновых с полным бункером зерна уезжать на самоходном комбайне «СК-3» в другое село, ссыпать его кому-то за самогон и хорошую закуску и «бурить» там 2-3 дня. Принимаемые к нему ранее увещевания ничего не меняли. Посоветовавшись с председателем, мы решили наказать его и положить конец этим пирушкам. Вызвали его на заседание правления, назвали ему приличную сумму убытка, которую он причинил колхозу и предложили её возместить. Он, как и ранее, отказался, пригрозив, что бросит работать на комбайне (а такие специалисты были редкостью). Председатель тогда сказал: «Ну, вот что, последнее слово за партторгом». Я сказал: «Если до 10 часов завтрашнего дня он не внесёт в кассу колхоза названную сумму, то дело о хищении зерна передадим в суд. Снисхождений и отсрочек не будет». На следующий день сумма была внесена, и Василий приступил к работе на комбайне.

Осенью, когда закончились все полевые работы, мы в клубе устроили

праздник урожая с приглашением всех механизаторов. И так получилось, что на скамейке рядом со мной сел Василий. Краткую речь и тост сначала сказал председатель, потом я. После двух-трёх рюмок вдруг встаёт Василий и говорит: «Я предлагаю выпить за моего соседа слева, за парторга, потому что у нас такого парторга ещё не было. Честный, справедливый, работает, старается для колхоза, для себя никакой выгоды от колхоза не берёт». Все одобрительно загудели и выпили. Я был растроган до слёз. Честно говоря, я перед этим думал: «Вот сейчас Василий поднаберётся, как двинет мне наотмашь в отместку за то, что я его наказал». Но... бывают чудеса на свете...

Совместные усилия партийной организации и правления колхоза в 1968-1969 годах принесли результаты. Урожайность зерновых поднялась до 21 центнера с гектара против 17-18 центнеров в предыдущие годы. Колхоз успешно выполнил все обязательства перед государством по сдаче зерна, сахарной свёклы и продуктов животноводства.

В конце 1969 года я переехал в Тамбов и стал работать секретарём комитета ВЛКСМ профтехучилища № 16. С учащимися было работать по-своему интересно. Многих из них помню до сих пор. Это: Катя Кочергина, Тая Максимова, Люба Суворина, Володя Радкевич и другие. Интересным событием, которое мне запомнилось во время работы в ПТУ, была встреча с известной поэтессой Майей Румянцевой. В те годы её стихотворение «Баллада о седых» напечатали все ведущие центральные газеты Советского Союза. Администрация по своей линии, а я по своей, с комсомольским активом, провели работу, чтобы обеспечить наполняемость актового зала и чтобы ребята вели себя достойно. Зал был переполнен. Майя Александровна так сумела увлечь слушателей своим эмоциональным выступлением, так блестяще декламировала свои стихи, что ребята буквально сидели заворожённые. После окончания её выступления учащиеся, преподаватели и мастера окружили поэтессу и ещё около часа общались, задавали вопросы, просили повторить особо понравившиеся стихи. Вот каким обаянием обладала эта замечательная женщина.

В 1973-1975 годах я работал в орготделе Ленинского райкома КПСС. Так случилось однажды, что заболели одновременно второй инструктор и зав. отделом, и я остался в отделе один. В этот период проходили две ответственные и объёмные кампании: отчётно-выборные собрания в партгруппах и цеховых организациях и подготовка к выборам в Советы – от местных до Верховного. Помимо этого была текущая работа. Я доложил секретарю райкома Поповичу Николаю Яковлевичу о сложившейся обстановке и сказал: «Я просто физически не могу перелопатить всю эту работу. Что делать?» Он сказал простую и мудрую фразу: «Делай главное. Второстепенное отложи. Даже можешь не отвечать на телефонные звонки. Выйдут на меня. Я объясню». В результате, обе кампании проведены были хорошо. А фразу Поповича «Делай главное» я запомнил на всю жизнь. Вот так от общения с умными людьми накапливались мои знания и жизненный опыт.

Аппаратная работа в райкоме меня не очень удовлетворяла, и когда я пе-

решил на работу в завод технологического оборудования, где вначале исполнял обязанности председателя профкома, а затем – секретаря партбюро, то реальнее стал ощущать плоды своего труда. Коллектив завода систематически выполнял плановые задания и соцобязательства, занимал призовые места в соцсоревновании по своей отрасли – Всесоюзного Объединения «Союзсельхозтехника» с вручением переходящих знамён и премий. Средняя зарплата работников завода была одной из самых высоких в городе и области. Завод участвовал в долевым строительстве жилья и ежегодно 10-15 семей бесплатно получали квартиры и улучшали свои жилищные условия. Ещё в 1980-х годах все ветераны войны получили благоустроенное жильё. В 1989 году в коллективе была разработана реальная программа, предусматривающая в течении 3-х лет ликвидацию очереди на получение жилья. Но «демократический переворот», развал СССР и разрыв хозяйственных связей нарушил эти планы.

В 1970 – 1980-х годах на заводе работали 630-650 человек. Предприятие выпускало продукцию высокого качества, не имело рекламаций со стороны потребителей, экспортировало гидропрессы в 18 зарубежных стран. В коллективе работали спортивные секции, художественная самодеятельность, в заводском клубе регулярно проводились вечера отдыха. Организовывались вылазки в лес за грибами и ягодами, в выходные все желающие обеспечивались путёвками на заводскую базу отдыха и в Тамбовский дом отдыха. Все нуждающиеся в санаторном лечении раз в 2-3 года получали путёвки, а в дома отдыха и на турбазы – ежегодно почти все желающие. Все путёвки на отдых выдавались бесплатно, за счёт средств профсоюза и фонда социально-культурных мероприятий. На этом заводе я проработал 23 года. Его коллектив для меня стал поистине большой семьёй, многие заводчане отличались высоким профессионализмом и добросовестным отношением к работе.

И вот этот золотой фонд рабочих и служащих нашего завода, как и многих других предприятий страны в 1990-е годы, оказался ненужным. Из-за разрыва хозяйственных связей завод обанкротился и прекратил своё существование. Аналогичная судьба постигла и ряд других предприятий г. Тамбова и области, а многие сократили численность работающих и объёмы производства в 5-10 раз. Примерно такая же картина наблюдалась по всей России. Страна превратилась в «международный базар». Из США стали поступать куриные «ножки Буша», из Израиля и Египта – лук, картошка и морковь, из Испании и Польши – яблоки и груши и т.д.. А в России развалили колхозы, не создав нормальных условий для работы фермеров. Были выведены из хозяйственного оборота миллионы гектаров плодородных полей, и это преподносилось как вписывание, вхождение (!) в глобальную экономическую систему. Многие работники (золотые руки) стали «челноками», покупали товары в Турции, Польше и др. странах (сплавляя туда нашу валюту и укрепляя чужую экономику), а затем продавали в России уже по спекулятивным ценам.

Увлечения

Как и большинство детей и подростков, в свободное время я увлекался рыбалкой. Конечно, снасть у нас была примитивная. Удилище из ветлы, леска – из конского волоса или простой нитки, поплавков – из камышинки или гусиного пера, крючок – самодельный из проволоки. Но рыба, тем не менее, на такую снасть ловилась, наверно потому, что её было много. Некоторые сельчане ловили бреднем или сетью, и это не считалось браконьерством. И количество рыбы не уменьшалось. Однажды, в середине 50-х годов, когда я рыбачил на своём любимом месте, у «Круглова родника», то увидел, как примерно в полуметре от поверхности воды медленно, лениво шевеля плавниками, проплыла огромная щука, длиной около полутора метров. Я застыл в изумлении! Потом долго фантазировал, как и на какую снасть её можно поймать? А сейчас, как говорят земляки, в реке осталась одна мелочь. Всю крупную рыбу выловили сетями, электрошоками, гибнет она от ядохимикатов, приносимых сточными дождевыми и полыми водами.

Зимой мы, дети, увлекались катанием с горок. Конечно, никаких санок, а тем более снегокатов и в помине тогда у нас не было. Катались мы на ледянках. Из чего же они были сделаны? Ледянки я делал из коровяка в смеси с соломой (для связки), промораживал, затем на днище накладывал снег, пропитанный водой, разглаживал и многократно поливал водой, добиваясь гладкой поверхности. На такой ледянке по пустому огороду можно было катиться до двухсот метров.

Лыжи мы делали из расщеплённой пополам ветлы. Обстругивали сначала топором, затем рубанком, запаривали в горячей печке, прибавляли ремни, и в валенках (не в ботинках!) катались на них до упоения. Такие лыжи были очень гибкие и никогда не ломались. Многие ребята, которые не умели их делать, стояли в очередь и просили дать прокатиться. Уже во времена работы на заводе мы всей семьёй часто выезжали на лыжах в лес. Заводчане целыми семьями (в том числе с женой и я дочерью) участвовали в сдаче норм ГТО, в профсоюзных спартакиадах, в различных спортивных мероприятиях.

После выхода на пенсию в моей голове, освободившейся от работы, стали рождаться стихи и рассказы о жизни моей и моих знакомых. Они печатались в альманахах литературного объединения «Радуга», в газетах и журналах, вошли в собственный сборник. Основателем «Радуги» был поэт Семён Милосердов. Затем руководители менялись, а последние пятнадцать лет её возглавляет член Союза писателей России, поэтесса Татьяна Львовна Курбатова. Благодаря посещению «Радуги», я узнал много замечательных творческих людей.

С прибавлением свободного времени возвратилась моя тяга к земле. О дачной жизни, о своём отношении к земле и природе, я написал рассказ «Не зря переполошился».

Не зря переполошился

(дачно-экологические зарисовки)

На дымном дребезжащем автобусе я подъезжаю к селу Большая Криуша, где есть ветхая избушка и при ней огородик в семь соток. Это как бы моя дача. В деревне в слово *дачник* нередко вкладывается негативный, неприязненный или насмешливый смысл. В понимании одних – это чужак, других – чудак, выращивающий травки и цветочки, для третьих – праздно проводящий время, для четвертых – субъект, которого можно легко и безнаказанно «грабануть». Но есть и те, что считают его трудягой. Я же называю дачников, особенно пенсионеров, *робинзонами*, а их участки – островками спасения. Ведь их владельцы, благодаря нелегкому труду, получают возможность для выживания и, что очень важно, пытаются сохранить связь человека с землей.

Мой сосед Аркадий – тоже дачник. Он – и «трудяга», и – праздно проводящий время. То он трудится в поте лица, то блаженствует, глядя на результаты своего труда, то впадает в запой, и тогда всё на огороде зарастает сорняками, чахнет, а в результате – урожай он собирает неказистый. Аркадий – бывший инженер, попавший под сокращение, теперь безработный, и потому кошелек его всегда тощий. Его собака, по кличке Корсар, часто бывает голодной, всегда поджидает меня на остановке в надежде чем-нибудь поживиться. Я – почти вегетарианец, но собираю у соседей косточки и другие собачьи лакомства и с удовольствием угощаю Корсара. Насытившись, Корсар благодарно сопровождает меня к дому.

По дороге я встретил Аркадия и его собутыльника из местных жителей – вечно пьяного Алёху. По весне этот Алёха, как и все, со своей непутёвой семьей сажает картошку и другие овощи. Но всё это из-за пьянки и лени остаётся без ухода, зарастает вездесущим бурьяном, а по осени земля обкладывается бранными словами за плохой урожай (?)... Алёха спрашивает Аркадия, показывая на собаку: «И чо это ты так чудно его назвал?» Аркадий хитро улыбается, зная, что тот не только не читал «Остров сокровищ», но и вряд ли вообще держал в руках хотя бы одну книжку, говорит: «А видишь, он сам рыжий, а на глазу у него как бы чёрная повязка? – Потому и Корсар». Алёха ничего не понимает и, чтобы не казаться полным идиотом, переводит разговор на более понятную тему – о самогоне...

Я «сворачиваю» от этих «интересных» собеседников в переулок Новый и разыскиваю молодых переселенцев из Средней Азии, к которым обещал зайти. Чтобы растить и воспитывать троих детей, они обзавелись хозяйством, заложили сад, но толком не знают, как за ним ухаживать. Делюсь с ними опытом, который я получил от потомственного садовода и огородника, Анатолия Константиновича, который, из-за болезни с каждым годом все меньше и меньше уделяет внимание любимому делу. К великому неудовольствию этого чудодея, сын его на свой лад подхватил эстафету отца: стал ученым-химиком, разрабатывает технологию производства ядохимикатов и таким образом «продвигает цивилизацию», то есть отравляет Природу.

Сам чудодей никогда не применял никаких химикатов. На яблонях у него

было до двенадцати различных сортов яблок, они не были червивыми или паршивыми. Помидоры никогда не чернели, а на разломе всегда *искрились*, а огурцы не поражались мучнистой росой и не были горькими.

Он мне говорил: «Запомни, друг мой: слово *земля* имеет триединое значение. Земля – это наша прекрасная планета, лучше которой пока во всей вселенной не открыли; земля – это территория, политая кровью наших предков, то есть наша Родина; и земля – это почва, которая, если её поливаешь *потом*, дает нам хлеб насущный. Разве можно поливать её ядами и заваливать вредными отходами? Природа дала нам всё необходимое для жизни. В природе есть баланс как внутри живого и неживого, так и между ними. Человек должен изучать этот баланс, пользоваться им, не нарушая равновесия. И только при таком условии он может быть счастлив».

Я прошу молодых помнить эти слова ветерана, рассказываю им, как надо ухаживать за садом, и мы с Корсаром уходим...

Когда я, наконец, подойдя к своему домику, открываю дверь в сенцы, то слышу, как жужжит заплутавшая пчела и бьется о стекло окошка, а рядом с ней вижу красивую бабочку бордовой расцветки с чёрными крапинками, которая почти бесшумно машет крылышками. Стараюсь направить их в распахнутую дверь, но они упорно пытаются улететь кратчайшим путём, не понимая, что человек придумал прозрачное препятствие, которого раньше в природе не было. Поочередно заблудших и непонятливых накрываю раскрытым полиэтиленовым пакетом и с его помощью эвакуирую их на волю.

* * *

А в чулане слышен лёгкий гул и шорох. Это сбежавший от кого-то рой пчёл нашёл здесь пристанище, слепил себе гнездо из воска величиной с большую кастрюлю, искусно приладив его к накрывному бревну и электропроводу. Несколько лет они со мной мирно сосуществуют, ни одна меня не ужалила. Да и за что? Я же их не трогаю... Зато, какое блаженство я получаю, когда весной зацветает лещина, потом – тёрн, слива, вишня, айва, и, наконец, – царица наших садов – яблоня. Тогда вокруг стоит сплошной гул, пчёлы упиваются нектаром и одновременно, сами того не зная, способствуют священному действию – зарождению новой жизни. Подмечая в этот период состояние моей души, самый близкий мне человек уверяет, что в моих глазах в такие моменты появляется синевы больше, чем обычно...

Однако, весна – это и период напряжённой работы. Вначале надо закрыть драгоценную для земли влагу, освободить от укрытия виноград, подзимний чеснок. Потом надвигается посев и посадка различных культур, и всё идет своим чередом: прополка, полив, рыхление, подкормка, борьба с вредителями и болезнями. Поработаешь, устанешь, сядешь на лавочке отдохнуть и любишься чудесами природы. Это в суете мы их не замечаем, а их так много: у каждого вида растений своя форма листьев, цветов, плодов, каждый вид насекомых отличается от других строением и образом жизни, все птицы поют по-разному. И много ещё

других чудес. Вот, к примеру, ползёт дождевой червь, – вроде бы примитивное создание, а с другой стороны – настоящая фабрика гумуса, основы плодородия почвы. Выходит, что наша жизнь зависит от дождевых червей... Вспоминаю, как однажды взял с собой на рыбалку пятилетнюю дочь. На виду у нее расчленил червяка и насадил его на крючок. Забросил удочку, слежу за поплавком и слышу какие-то странные звуки. Оборачиваюсь и вижу: дочка сидит на корточках и всхлипывает. Спрашиваю: «Что случилось?» А она мне: «Зачем ты так червяка?»... С тех пор я никогда не ловил рыбу на червя...

Переключаю своё внимание на растения. Если бы люди могли видеть стволы и стебли насквозь, то перед ними предстала бы картина, как, преодолевая гравитацию, из земли поднимаются живительные соки – водный раствор всей таблицы Менделеева и, встречаясь в листьях с солнечными лучами, образуют чудо из чудес, – белок, источник жизни.

Вот сижу я так, отдыхаю, наслаждаюсь всей этой красотой и гармонией природы, размышляю и всему удивляюсь... А перед выездом из города я видел, как в душной «кафешке» сидит праздная, пресыщенная молодежь, пьёт пиво, жуёт чипсы и ржавую воблу, курит, оглушается музыкальной какофонией, не видя и не зная всей этой красоты. Несчастные! Идите сюда! На это моё виртуальное предложение – предвижу виртуальный хохот...

А в реальности, наблюдаю, как по тропинке крадутся два кота, воровски на меня поглядывая. Знаю, идут «балдеть» от валерианы. Вначале, когда она была еще маленькой, – я их прогонял. Теперь она окрепла, и я дал им негласное разрешение. Они раскапывают корни, едят их и как бы впадают в эйфорию. Катаются блаженно на спине с боку на бок, при этом периодически хитро на меня поглядывая. Но я от такого зрелища тоже «балдею».

Довольные коты возвращаются к себе на чердак. Их внимание привлекает писк птенцов. Это на угловом выступе сарая под прикрытием виноградных лоз не очень осторожная птичка свила гнездо и вывела птенцов. Когда один из котов начал потихоньку по бревну подбираться к гнезду, – пришлось взять хворостину и хлестнуть незадачливого охотника. А к бревну я приладил лист жести, чтобы добраться до гнезда было невозможно. Не всё котам Масленица!..

* * *

Лето в разгаре! Пошли первые огурцы. Но странное дело: у меня и у соседей – огородников большинство зеленцов кем-то надкусаны. Периодически забираюсь на сарай, наблюдаю. Никого обнаружить не удаётся. Некоторые обвиняют кошек, другие – ласок, хорьков, еще каких-то зверьков, но точно никто никого не видал. И вот как-то вечером слышу шорох в траве. Раздвигаю – ёжик! Подумал: «Не он ли проказничает в огурцах?» Но, не пойман – не вор! Принёс ёжика в избушку, налил молоко в сковороду. Он долго лежал свёрнутым клубочком. Потом развернулся, принялся, немного помодничал и начал лакать молоко. После трапезы был отпущен восвояси. Вскоре покушения на огурцы прекратились. Наверно, зверьки насытились нужными витаминами и перешли на обыч-

ную, присущую им пищу. А куда же делся мой колючий гость? Выяснилось, что ёжики обитают под старыми брёвнами на территории соседнего двора. Когда-то жившая здесь в одиночестве сухощавая симпатичная старушка Анна Андреевна, восьмидесяти пяти лет, водила из живности пятерых кур, кота и козу-доёнку, а ёжики хозяйничали сами по себе. Помню, что эта соседка любила огородничать, и если случался хороший урожай, то излишки сдавала по дешёвке перекупщикам. Но однажды расхрабрилась и поехала на рынок продавать чеснок сама. Приехала довольная, что выручила почти в два раза больше.

Года четыре назад в сентябрьскую сырость от обострения ревматизма у старушки стали отказывать ноги, и её взял к себе в город сын. Он инженер-механик, но к земле тягу не потерял, и хотел бы переехать с семьей к матери, в деревню. Но жена у него горожанка, работает в ядерной лаборатории, а дочь – эстрадная певица. Они привыкли к цивилильным условиям, и жизнь в деревне их не прельщает...

Старушкину избу сломали и продали на дрова. Старые брёвна тоже увезли. Под ними Корсар раскопал гнездо ежей, которые уже впали в зимнюю спячку. Той осенью я соорудил им в своём палисаднике убежище, где они и перезимовали. Иногда в вечерней тишине я и сейчас слышу, как они, путешествуя, шуршат сухими веточками.

* * *

Но не всякая живность – мои друзья, и за урожай приходится бороться: настоями табака и полыни – от бабочки-капустницы; чеснока и чистотела – от помидорных болезней; разведением пахучих трав – от тли и моли. Тем не менее, закрадывается мысль, что даже такими методами я нарушаю естественные процессы в природе. Меньше насекомых – меньше корма для птиц. Меньше корма – меньше птиц. Меньше птиц – больше вероятности для размножения каких-то других вредителей. Дисгармония!.. Может, я и перехлестываю. Не знаю...

А уж во вреде химических средств я не сомневаюсь. Не с того ли третий год в этом селе в скворечниках не селятся скворцы. Предполагают, что все выводки погибли, поедая отравленных гусениц. В отличие от «нежных» скворцов, многие «вредные» насекомые, встречаясь с ядохимикатами, мутируют и выживают. Тогда человек увеличивает дозы или применяет более сильнодействующий яд. Насекомые или снова мутируют, или вымирают. А они тоже были каким-то звеном в природе. Звено выпадает, цепь разрывается. Снова дисгармония! Путь к Апокалипсису...

А в естестве жизнь идёт по-другому. Помню, как ранней весной бились соседские петухи: белый и перламутровый. Белый был повержен и с окровавленным гребешком забился под смородину. Перламутровый торжествующе кукарекал и собирал вокруг себя кур. Месяца через два появилась наседка с выводком, в котором двенадцать перламутровых цыплят и только один белый, и то какой-то хилый. Выживает и даёт более жизнеспособное потомство сильнейший, а слабые постепенно сходят с арены жизни...

В пользе лесных муравьёв, кажется, никто не сомневается. А вот садо-

вых муравьёв некоторые люди отравляют сознательно, считая их вредителями. Да, они способствуют размножению прожорливой тли, чтобы потом питаться её выделениями – медвяной росой. Но они, наряду с этим, уничтожают и много вредных личинок и гусениц, аэрируют и рыхлят землю, служат кормом для других животных. То есть они – звено в природной цепи. И если мы хотим сберечь смородину или крыжовник, то, видимо, надо отпугивающими средствами отгонять от них муравьёв. И пусть они живут!..

* * *

В сентябре завершается уборка урожая. Часть его опущена в погреб, часть отправлена на чердак, а картошка пока выдерживается в сенцах. Поэтому живу безвыездно в избушке, караулю. Местные воры и алкаши могут украсть.

И вот однажды в полночь просыпаюсь от «громовени». Ну, думаю, – лезут: или в сенцы, или на чердак. Открываю дверь в сенцы и кричу: «Что вам тут надо?» В ответ – тишина... На душе переполох и недоумение... Снова лёг, но не спится. Через некоторое время – те же глухие звуки. Думаю: «Может, это коты дерутся? Но – нет, они бы орала противным *мявом*». Снова окликаю, стучу палкой по двери. Опять всё смолкло. Выхожу наружу, присматриваюсь, прислушиваюсь... Никого и ничего. Так было несколько раз. Потом часа через два всё стихло. Больше звуки не повторялись. Заснуть я уже не смог. И страшно – встреча с ворами не сулит ничего хорошего, и есть опасения, что кто-то перехитрит меня и украдёт урожай, и досадно, что не могу понять, от чего переполох. И, в то же время, что-то ещё меня тревожит. Никак не могу понять – что, но тяготит меня какое-то нехорошее предчувствие...

На рассвете обошел вокруг избы, осмотрел крышу, чердак. Никаких следов не обнаружил. Потом заглянул в чулан, а там – катастрофа! Пчелиное гнездо всё разрушено. На полу валяются измельчённые обсосанные соты, а по бревну ползают жалкие остатки пчёл. Я остолбенел. По щекам непроизвольно поползли слёзы. Ведь целая рать моих друзей погибла в жестокой схватке с коварным неизвестным врагом... Опытные пчеловоды потом сказали мне, что, скорее всего, это куницы сделали набег – маленькие зверьки, фанатично любящие мёд и пчелиный расплод. Была борьба, но пчёлы отбиться не смогли...

Много дней нахожусь не в себе. Постепенно прихожу к мысли, что мог бы предотвратить трагедию, если бы заделал все щели и оставил только узенький леток для пчёл. Вина невольная, но она осталась.

* * *

Третью весну живу без моих друзей – пчёл. Кипенью цветут плодовые деревья. Но прежнего гула нет. По странному совпадению в селе исчезли пасеки. Один ветеран-пчеловод умер, другой перестал водить пчёл по старости, а у третьего, молодого, воры украли рамки с сотами, пчёл утопили в воде, а мёд проглотили, не поперхнулись. По ночам чувствую и слышу, как тоскуют без пчёл вишни и от порывов беспокойного ветра тревожно стучат в окно пустоцветами, как бы прося о помощи.

Поутру делюсь своими горестями с Аркадием. А он мне: «Ты о своей-то

вине не переживай. Разве ты мог предвидеть такое? Другие, вон, понимают, что вредят природе, а делают, как им выгоднее. К примеру, морковь поливают ядом, чтобы уничтожить сорняки. Наверняка вредят и полезным насекомым и земле, да и морковь впитывает в себя яд. Говорю им об этом. А молодые рыночники мне в ответ: мол, это же на продажу. А с ручной прополкой много не вырастишь.

Для продажи выращивают и некоторые пенсионеры. Те объясняют, что «вручную полоть сил нет, поясница болит».

Я поддакиваю Аркадию:

– А кто-то в тайге незаконно вырубает лес с целью наживы. А потом поджигает эту территорию, чтобы скрыть следы преступления, и в огне сгорает вся живность. И я не сомневаюсь, что эти варвары сами будут гореть в геенне огненной.

После таких разговоров долго не спится. Смотрю в передний угол на образа. Что же святые угодники не вразумят человечество?.. Вдруг вижу: перед образами появились какие-то люди. Один падает на колени и произносит:

– Господи, прости меня, и люди добрые, простите. Я ведь не предполагал, что при выходе на ракетах в космос мы будем прожигать озон и причиним вред людям и природе.

Бого мой! Узнаю! Это же Циолковский!

Его успокаивает Главный Конструктор:

– Не переживай, отец. Я-то знал об этом, но готовил и запускал ракеты. Деваться было некуда. Так было надо.

– «Кому это надо-то?» – вступает в разговор ветеран войны, почётный колхозник Фёдор Оберегов – «Мне, например, это не нужно. И многие мои земляки так же думают. Но нас никто не спрашивает. Вот вы, мужики умные, учёные, а головы свои занимаете пустотой. Раз ваша голова способна к изобретательству, так вы помогите нам. Сделайте, к примеру, соху поспособней, полегче, чтобы и лошади и мне хватило сил за полдня огород взметать. Годы-то мои уж не те, чтобы резво за сохой бегать, да на руках её пестовать. Вон, на неделе прошёл пять борозд – так в голове зашумело от фронтовой контузии, а в ноге осколок завозился проклятый. Сын-то у меня в Москве на заработках. Внука попросил подменить, а он говорит, что за такой угробилкой ходить не будет. Я, мол, на тракторе заеду и вспашу. Ан – не получилось! Сломался трактор, а запчастей нет. Я – к другому внуку. А он мне:

– Де – е – еда, ты что? В век космоса за сохой ходить? Не – е – е т.

А сам по какому-то «дивизиону» на экране голых баб смотрит. Говорю:

– Чего ты их рассматриваешь? Женись и в натуре любуйся.

– Жениться – это отстой. А смотреть – прикольно.

– Вот так. Волей-неволей придётся самому допахивать. Нельзя же землю бросать. И без дела я сидеть не привык. Да и внукам хочется помочь, вырастишь урожай картошки да других овощей – им поддержка. А там, глядишь, может, они и за ум возьмутся. Начнут сами на земле работать. Женятся. Правнуков, может, увижу ещё».

– Хорошо, дед, – говорит Главный, – вот будем запускать ракету на Луну,

привезём тебе облегчённый металл для сохи и ещё гелий – газ такой на топливо. Одного баллончика с напёрсток хватит на всю зиму печку топить.

– Нет, гелий не нужен, – говорит Федор, – мы не знаем, как им пользоваться. Вон, кум упустил в плите газ и он взорвался. Вы нам лучше пособиите, чтоб председатель дал машину, дровец побольше привезти. И вот чего ещё забыл: жук нам колорадский больно досажает. Никакой управы на него нет. Моя-то, Евдокея, чтобы, по её разумению, наверняка его порешить – по две порции яда сыпала на ведро. А брызгала веником (распылитель-то у нас из сарая украли), посему больше досталось верхушкам картошки. В итоге: верхние листы почернели, а жук всё равно уцелел и теперь доедает нижнюю часть.

– Может, ты и прав, дед, – говорит Главный, – но жук – это не по нашей части.

Тут я вступаю в разговор:

– Дядя Федя, а, может, это нам Провидение подсказывает, что не надо столько много картофеля выращивать и поглощать. Ведь мы все *закрахмалились*, и это одна из причин нашего нездоровья. В древние времена-то россияне не ели картошку, а больше репу, да тюрю, иногда – дичь, и хилыми не были. Пересвет и Ослябя без картошки росли, а какие богатыри были! Поменьше будем картошки сажать, – и ухаживать за ней будет легче. И с жуком можно будет бороться практически безвредными методами: зола, вода да мыло, а где-то и вручную соберем. И картошка без ядов будет вкуснее.

Федор смотрит на меня раздумчиво...

Разговор прерывает Главный:

– Приближается время запуска ракеты к Луне на новом топливе, на фотонах. Теперь уже озоновый слой не прожигается, а запускать ее можно с любой асфальтированной дороги.

– А вы её не погубите, Луну-то? А то взорвётся что-нибудь, как в Чернобыле. И потом не увидим больше полнолуния, – говорит Федор.

– Нет, дед, в Чернобыле не сработал человеческий фактор, а здесь одна автоматика.

– Э-э-э, нет, мил человек, не говорите. Вот мой зять работает в Подмосковье на закрытом заводе как раз по сборке автоматике. А я знаю, что он «прикладывается». Он может с бодуна такое сварганить, что вы своей учёной головушкой не разберётесь.

– Всё будет нормально, дед. Мы на стендах всё проверили, испытали, – говорит Главный и нажимает кнопку.

За окном раздаётся хлопок и гул: «У-у-у». Я бегу к окну посмотреть, интересно же... Вижу... По дороге идёт стадо. Пастух хлопает бичом. А бык трубит о своей любви к очередной избраннице – трёхлетней красавице-симменталке. Голова у меня чумная от недосыпа. Ворчу в адрес ракет, бессонницы и жука. Но постепенно, глядя на стадо, прихожу в себя. Ведь коровы – это одно из чудес природы. Туда идут есть зелёную траву, оттуда – принесут белое молоко! Фабрики чудес молочных!..

* * *

Выхожу в огород. Росы нет. Ночь была сухая, тёплая. Значит, надо поливать капусту... Вижу, по проулку идут парень и девушка, целуются. Догадываюсь – это учащиеся средней школы после выпускного вечера прогуляли всю ночь до утра. Счастья вам, дети мои...

А я погружаюсь в будничные хлопоты и заботы. В них бывают удачи и неудачи. Всё чаще стали бессонные ночи, или ночи с тяжёлыми сновидениями. То снятся толстые директора заводов, сливающие из больших труб ядовитые отходы прямо в реку, и я никак не могу перекрыть у них краны... То внуки мои идут по выжженной земле, то они пробираются по горам из пластиковых бутылок, и нет конца этой неприглядной картине. То как будто вьются вокруг меня души погибших пчёл и, жужжа, вопрошают: «Что же ты нас не защитил-то? Кто теперь тебя по весне порадует гулом и опылит цветочки в саду?» А вокруг прыгают хищные куницы и пытаются схватить пчёл...

Каждый раз просыпаюсь с тяжёлым чувством и думаю, что кто-то по недомыслию, кто-то по неосторожности, кто-то по безалаберности, кто-то из-за лени, кто-то из-за алчности, а кто-то по принуждению, но все вместе мы методично и последовательно губим природу. Хотя есть оптимисты, которые надеются, что объявится гений, новый *Эйнштейн*, и совершит открытие по спасению экологии. Я полагаю, что это наивно. Это у каждого из нас в башке должен появиться этот гений. Тогда, может, что-то изменится...

После таких ночей иду к детям и внукам. Делюсь с ними тревогой. Может, она отложится у них в голове, да и мне полегче станет, когда поделишься. Дети меня понимают.

Деревня – радость моя и боль

Из предыдущих страниц видно, что жизнь моя и моего поколения была нелёгкой. Но память человеческая устроена так, что помнит она и хорошее, даже, пожалуй, больше помнит хорошее, радостное, светлое, чем плохое. Разве можно забыть купанье в реке до мурашек, как научился плавать, потом нырять. В деревне нас было трое, кто нырял под водой до князевского берега на расстояние 25-30 метров и мог достать ил со дна, с глубины 4 метра: это Лёнька Рогонов, Славка Коновалов и я...

адовало созревание первых огурцов – зеленцов, *искрящихся* помидоров, ранних яблок – аниса, затем бельфлёра. Антоновку в сентябре осторожно снимали, раскладывали отлежаться на сене, на чердаке. Тогда и в сенцах стоял божественный неповторимый аромат. Недели через две мочили эти яблоки в бочке, в речной воде, с солодом и смородиновыми листьями. В ноябре, на Михайлов день дегустировали сами и угощали родных чудесными мочёными яблоками.

А катанье на коньках по первому льду, затем, когда выпадет снег – на лыжах и ледянках (всё самодельное) – сколько доставляло удовольствия!

А в 1949-1952 годах мы с братом Лёшей разводили кроликов. Вырыли им

землянку, регулярно приносили им корм (молочай, лопухи, клевер, капустные листья и т.д.) и воду. Самое интересное наблюдать, как маленькие крольчата, эти пушистые комочки, впервые выходят из нор. До чего же они были пугливые и осторожные! Чуть шевельнёшься – тут же порскают в нору... Мы гордились, что тоже водим живность.

Примерно в эти же годы конюх Фёдор Никонов доверял нам купать лошадей. К реке и обратно мы ехали верхом. После купанья можно было лошадей пускать в галоп. Это было сравнимо с полётом!..

И много ещё было других радостных моментов, связанных с детством, с деревней. Конечно, со времени её основания и до 1967 года в ней, как и во многих других деревнях, не было электричества, радио, телефона и т.д.. В 1967 году, согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР (к 50-летию советской власти), была завершена электрификация всех населённых пунктов страны. У нас появилась возможность пользоваться телевизором, холодильником, радиоприёмником, электроплиткой. А после переселения в Ломовку в 1973 году мы стали пользоваться колхозной баней. До этого летом купались в речке, а в холодный период – дома в корыте. На печке-буржуйке нагревался ведёрный чугун воды, а рядом ставилось ведро с холодной водой, и начинался блаженный процесс омовения. В те годы отсутствие элементов бытовой цивилизации не ощущалось как какая-то ущербность. Люди приспособивались и жили нормальной жизнью. Печка и буржуйка обогревали и способствовали приготовлению пищи. Семилинейная керосиновая лампа давала освещение. С далеко живущими родственниками и друзьями общались с помощью писем и телеграмм. Получение писем было большим событием. Читали всей семьёй. Растилковывали каждую фразу, домысливая, что написано «между строк».

Осенью, после завершения сельхозработ, ездили или ходили друг к другу в гости. На Покров (14 октября) мы посещали родных в Князевке и Ольгино, а на Михайлов день (21 ноября) они приезжали к нам. Обменивались новостями, неизменно пели песни: «Катюша», «Тонкая рябина», «Шумел камыш», «Раскинулось море широко» и другие. А в середине 50-х годов, когда колхоз немного окреп, то по осени собирались десятидворками и гуляли, пели песни, танцевали и плясали под гармонь или под балалайку. Это позволяло сельчанам расслабиться после трудового сезона, вместе с тем сплачивало людей, позволяло лучше узнать друг друга. Парни и девушки вызывали друг друга на пляску, устраивали частушечные дуэты и юмористические перепалки. Это нередко помогало завязывать тесные знакомства, иногда переходящие в дружбу и влюблённость.

Словом, деревня жила своей многогранной жизнью. Труд в ней, конечно, был тяжёлым и менее механизированным, чем сейчас, жили беднее, но духовная и нравственная сторона жизни была намного крепче. А главное – была уверенность, что с каждым годом жизнь будет улучшаться и впереди нашу страну ждёт светлое будущее.

В 1950–е годы новое руководство страны во главе с Н.С. Хрущёвым, обуваемое страстью ко всевозможным реформам, провело укрупнение колхозов,

разделение деревень на «перспективные» и «неперспективные». Наша Васильчуковка попала в число «неперспективных», в ней исчезли: школа, фермы, кузница; работать стало негде и люди стали переселяться в другие места. В итоге деревня исчезла. Такая же участь постигла и сотни других деревень. Смысл хрущёвской кампании состоял в том, чтобы создать крупные базовые хозяйства, оснащённые в достаточном количестве техникой. Предполагалось начать в них строительство жилья, домов культуры, больниц, спортивных комплексов, подвести газ, водопровод, электричество, канализацию. Но эти намерения не были подкреплены ни финансово, ни материально, ни организационно.

В книге краеведа Н.В. Муравьёва «Трагедия тамбовской деревни», изданной в 2004 году, отмечается, что в 1940 году в Тамбовской области насчитывался 4301 населённый пункт, а в 1992 году осталось 1746. По последним данным, в области значится 1676 населённых пунктов. Это свидетельствует о непонимании или нежелании понять «большими и малыми властями», что деревня – это не просто «фабрика» по производству «хлеба насущного», а образ, уклад жизни, укоренённый в данную природно-культурную среду. При сохранении перспективных деревень, создании в них нормальных условий жизни (при государственной поддержке), можно решить вопросы продовольственной безопасности страны, независимо ни от каких зарубежных санкций, эффективнее регулировать вопросы демографии, экологии, нравственности и т.д..

От автора

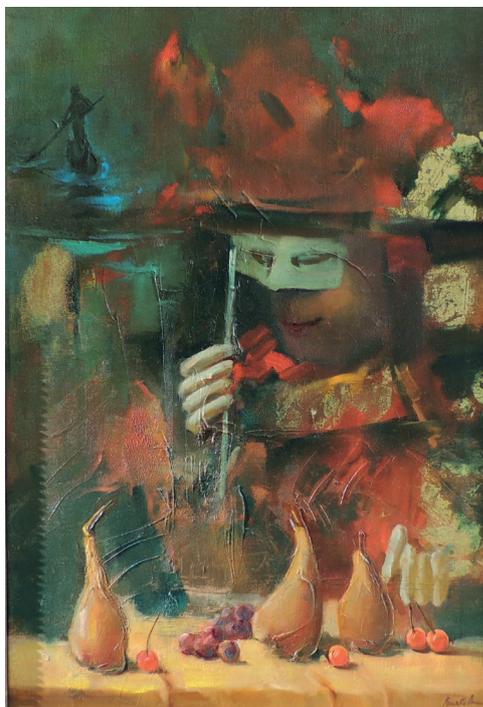
К написанию этих воспоминаний меня сподвигли родственники и друзья, которым моя жизнь, моя биография, моя жизненная позиция показались в какой-то мере типичными для поколения «детей войны». Специальных дневников в течение жизни я не вёл. Но сохранившиеся рабочие блокноты, магнитофонная запись интервью с родителями, беседы с земляками, с сотрудниками по совместной работе позволили мне оживить свою память и описать наиболее знаковые вехи моей жизни. Я старался изложить их максимально беспристрастно и правдиво.

Живопись Ольги Красковой,
члена Союза художников России

«На карнавал». 2009 г.

«Венецианский сюжет». 2021 г.

«Венеция. Гранд-Канал». 2022г.

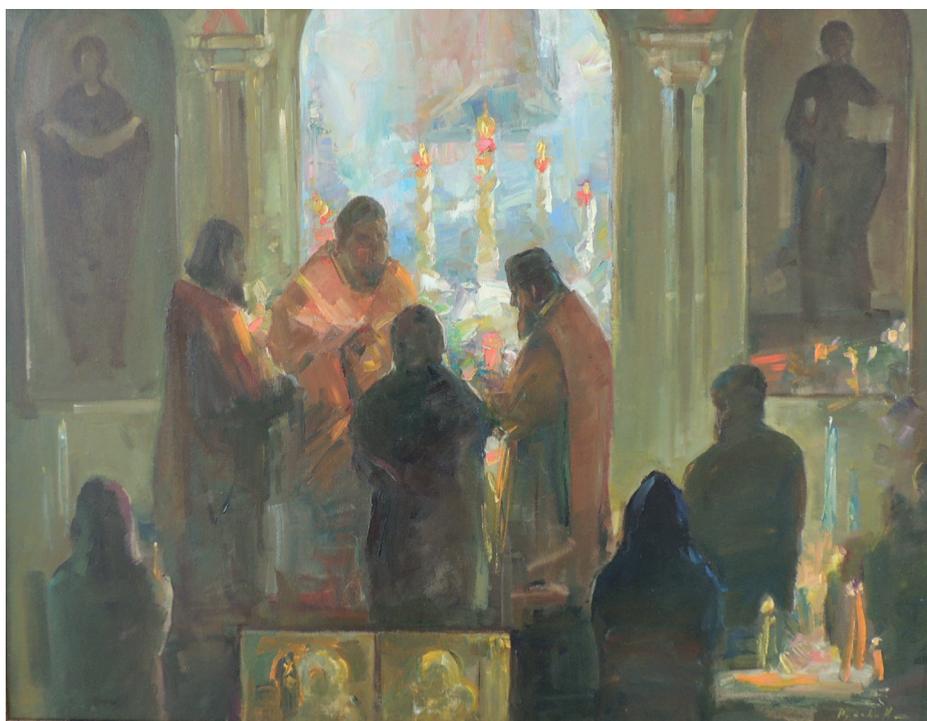
«Букет с чашкой». 2018г.

«Чай с Иван-чаем». 2022 г.

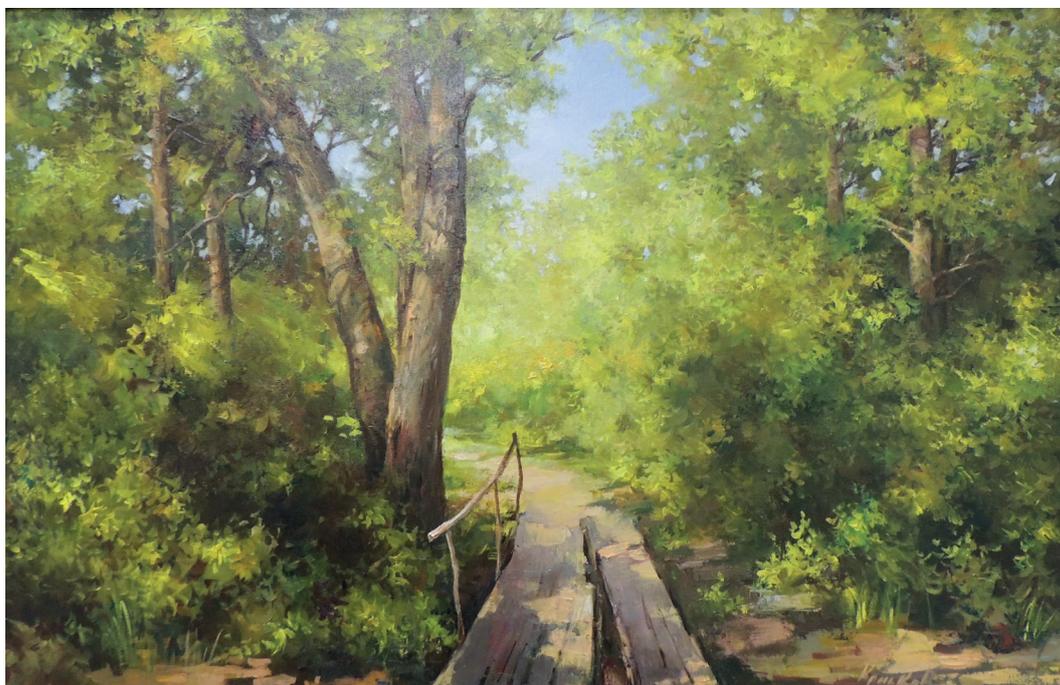
«Стожки. Осень». 2015 г.

«Воскресенье». 2019 г.

«Тамбовские дали. Село Перкино». 2021г.

«Мостик в парке». 2022г.

Он таков, Кочуков!

Впечатление от посещения литературных встреч под Лысой Горой.

Подвижник из Лысых Гор

Человек, принявший на себя тяжёлый труд или лишения ради достижения высокой цели, – так иногда характеризуют подвижника. В любом случае это человек, который увлекает своей идеей других, вершит новое дело – и оставляет после себя яркий след. Мне не раз приходилось встречать на своём жизненном пути таких людей. Одним из них, на мой взгляд, является и тамбовский литератор Сергей Константинович Кочуков.

Познакомился я с Сергеем Кочуковым в 2020 году, когда ему вручали премию литературного журнала «Петровский мост» за роман «Я завещаю вам рассвет», посвящённый событиям крестьянского восстания на Тамбовщине в годы Советской власти. Узнав, что награждённый – офицер в отставке, я, будучи руководителем писательской организации «Воинское содружество», поздравил коллегу и предложил сотрудничество на литературной ниве. Тогда же Кочуков подарил мне книгу о солдатах Великой Отечественной под названием «Когда мы были на войне». Прочитав её, я был приятно удивлён.

Не считаю, что сегодня достойных произведений о войне мало, однако по прошествии семидесяти пяти лет восприятие даже грандиозных сражений меняется, обрастая мифами и всякого рода домыслами, затмевающими правду. А что уж говорить о рядовых событиях, не отмеченных в военных сводках Советского информбюро, – они попросту выветриваются из памяти. В книге же Сергея Кочукова нет ляпов, которыми изобилует большинство современных военных фильмов и сочинений литераторов. Взгляд автора на прошедшую войну – взвешенный и правдивый, ведь Кочуков – офицер, для которого завлекать читателей придуманными подвигами неприемлемо, тем более выставять противников, покоривших почти всю Европу, дураками и неумехами – это унижать великий подвиг миллионов солдат и офицеров Красной Армии, одолевших страшную коричневую чуму. Автор намеренно уходит от эффектных красот и громких лозунгов. Рассказывая о повседневном быте и подвигах простых солдат, он старается не отходить от окопной правды.

Я посчитал необходимым познакомить с этой книгой и липецких читателей. Написал рецензию, которая была опубликована в журналах «Петровский

*Писатель
Сергей КОЧУКОВ*

мост» и «Тамбовский альманах», и провёл презентацию произведения в Липецкой областной научной библиотеке.

Знакомство с вехами биографии Кочукова позволило мне лучше узнать этого человека. Оказалось, что Сергей Константинович – выпускник Высшей школы КГБ СССР имени Дзержинского. В течение семнадцати лет служил в органах государственной безопасности. После службы серьёзно увлёкся краеведением, стал интересоваться историей родного края. Большим подспорьем в его исследовательской работе стало изучение ранее закрытых материалов в архивах ФСБ.

На счету у Сергея Константиновича несколько краеведческих книг-изысканий и литературных произведений. Земляки отмечают основательный подход Кочукова ко всему, что он делает, касается ли это его общественной деятельности, написания книг, создания краеведческого музея или проведения бардовского и литературного фестивалей.

Краевед

В этом я убедился, когда Сергей Кочуков в 2021 году пригласил меня в составе липецкой делегации писателей посетить Литературные встречи под Лысой Горой, инициатором которых и являлся. В родное село Кочукова приехали также литераторы из Тамбовской и Белгородской писательских организаций.

Первым делом Сергей Константинович повёл гостей на экскурсию в школьный музей села Лысые Горы. Видя, с какой гордостью писатель рассказывает

об односельчанах, я мысленно сравнил его с приехавшим со мной из Тербунов Александром Колесником. Как и Кочуков, тот не только литератор. Он является организатором и руководителем Тербунского районного краеведческого музея. Тамбовского и липецкого писателей роднит одно желание: помочь землякам лучше узнать свой край, свои родовые истоки. Касается ли это устных бесед, экскурсий, краеведческих материалов или литературных произведений – родному селу всегда отдаётся предпочтение. Где существуют такие подвижники, там многое удаётся сделать!

Сергей Кочуков считает, что большое дело можно осилить только с командой единомышленников, и такая команда у него есть – в лице районной и сельской администраций. По мнению Кочукова, инициативным людям нужно учиться работать с властью так, чтобы та поняла: их идея является самой нужной и самой перспективной – и под неё можно выделить средства.

В новом музее Притамбовья Кочуков планирует воссоздать образцы крестьянского и купеческого быта, для чего превратить прилегающую к зданию музея территорию в экспозицию под открытым небом. Там, например, дети смогут познакомиться с персонажами русских народных сказок, а взрослые – посетить трапезную воеводы Бабарыкина середины XVII века или каретный сарай, что позволит семье совместить приятное с полезным: хорошо отдохнуть и узнать что-то новое. Этими идеями Кочуков смог увлечь не только представителей власти, выделивших на реализацию проекта определённые средства, но и просто неравнодушных людей. Кто-то уже подарил музею бричку XIX века, кто-то изъявил желание сплести короба для санок, кто-то готов провести необходимую реставрацию экспонатов. Любовь к родному селу объединяет людей.

Сергей Кочуков, будучи верующим человеком, считает место, где располагается село Лысые Горы, намолненным. Название местности пошло от преувеличенного названия возвышенного правого берега реки Челновой, похожего на небольшую гору. Само же село было основано в 1647 году и заселено казаками, переселившимися из Шацка по указу царя для охраны южных рубежей Руси.

В писцовой книге 1683 года отмечено: «...сведены из Шацка в Тамбовской уезд на Лысые горы ...сто человеком Шацкого города переведенцов беломестных казаков, которые сведены из Шацка в Тамбов на вечное жильё». Как говорят, был среди них и атаман Борис Кочуков, потомки которого укрепляли славные традиции лысогогорцев, основными занятиями которых стали земледелие и защита Отечества. Вот и Сергей Константинович видит свою главную жизненную цель в служении родной земле, а свои слова старается подтверждать делами.

Литератор

Своё служение России Сергей Кочуков подтверждает и плодотворным литературным трудом, истоки которого также связаны с историей родного села.

Жителям Лысых Гор пришлось преодолеть много тяжёлых испытаний, и это не могло не найти отражения в творчестве Сергея Кочукова. Как литератор, он

не мог пройти мимо исторических событий, будь то революция или гражданская война, породившая крестьянское восстание на Тамбовщине, жестоко подавленное большевиками; насильственное раскулачивание и последующие репрессии, в том числе десяти лысогорских священнослужителей храма Архангела Михаила, взорванного в 1942 году; Великая Отечественная война, унёсшая жизни каждого третьего жителя Лысых Гор и Козьмодемьяновки; неурожай и последовавший за ним массовый голод 1946-1947 годов.

В своих произведениях Сергей Кочуков пытается разобраться, как и почему произошло то или иное событие. Его чувства и мысли находят живой отклик не только в душах читателей-земляков, они близки и коллегам-литераторам. Неудивительно, что, когда Сергей Константинович предложил проводить в Лысых Горах литературные встречи на межрегиональном уровне, его поддержала Тамбовская писательская организация во главе с председателем правления Юрием Мещеряковым. Первая встреча состоялась в 2021 году и прошла довольно успешно.

Встречи на Лысых Горах

Таких встреч хотелось давно. О подобном творческом содружестве мечтают многие литераторы: собраться вместе, познакомиться, почувствовать энергетику каждого автора, читающего свои произведения. Тем более что общение проходит в дружеской обстановке, без претензий на личную гениальность, что нередко вредит писательской братии. Организовалось некое братство, основанное на литературе и творчестве, расширилась литературная география написанных произведений – во многом этому способствовала личность инициатора встреч Сергея Константиновича Кочукова. Доброжелательность – вот чем он всех увлёк и заразил.

В своё время был такой писательский анекдот, который, к сожалению, до сих пор не теряет актуальности. Подходит как-то один писатель к двум другим, которые о чём-то активно спорят. «Друзья, – заинтересованно спрашивает он коллег, – против кого дружите?» Такого на встречах под Лысой Горой точно не было. Поэтому в 2022 году мероприятие активно поддержали коллеги из четырёх областей: Тамбовской, Липецкой, Воронежской и Белгородской. Литераторы читали собственные произведения, дарили друг другу книги. Московские авторы – семейный дуэт Маргарита Шилова и Михаил Малкин исполнили песню, которую писатели решили сделать гимном литературных встреч. В ней были и такие строки:

*Воронеж и Липецк, Котовск и Тамбов,
Вы стали мне ближе Москвы.
Я в Лысые Горы приехать готов!
Чему удивляетесь вы?*

Супруги Марина и Сергей Кочуковы угостили литераторов «пушкинским» тортом – с изображением великого поэта и его стихами. Дружеское общение продолжилось вечером у костра.

Полагаю, есть все предпосылки, чтобы данное мероприятие стало традиционным, а литературное содружество благодаря ему, несомненно, будет только расширяться.

Вместо эпилога

В дополнение к портрету незаурядного человека и талантливого писателя Сергея Кочукова приведу несколько красноречивых фактов. В 2018 году решением Тамбовского районного Совета народных депутатов за активное участие в общественной жизни Тамбовского района, многолетнюю плодотворную краеведческую и литературную деятельность, большой личный вклад в работу по сохранению исторического наследия родного края и патриотическому воспитанию молодёжи и населения Притамбовья Сергею Константиновичу присвоено звание «Почётный гражданин Тамбовского района». А в 2021 году прозаик Сергей Кочуков стал лауреатом Премии Тамбовской области имени Евгения Боратынского.

Валентин БАЮКАНСКИЙ,
*член Международной академии русской словесности,
лауреат премии имени Е. И. Замятина*

Валерий АРШАНСКИЙ

Кайра, Айна, Виолетта

Рассказ

Без разрешения Мурата приглушив звучный голос певицы, настойчиво выясняющей у мужа, какой прогноз у них сегодня в доме, я киваю на датчик температуры воздуха – смотри, дружище, в ноябрьской Москве глубокий минус, а у вас здесь и зимой – вечный плюс? Водитель Мурат, привыкший к таким телячьим восторгам курортников, слегка пожимает плечами, чему, мол, удивляться, вы ведь на Кавказе! Только... почему все гости говорят с таксистами лишь о погоде и плохих дорогах? Хотя, – поразмыслив, заключает Мурат, – не о своих же банковских вкладах им откровенничать. Молчать целый день для общительного человека – мука мученическая, тем более, если ты, как все кавказцы, философ в душе...

– Для кого-то Чукотка родина, для кого-то Сахалин, а я считаю, что Эдем – рай земной – здесь! Вон, видите, за тем меловым взлобком уступами идёт холм? За ним – левее – зелёная гряда? Так вот, на тех горах Творец создавал всё сущее на Земле. Мой дедушка так говорил, и я готов с любым вашим московским или там петербургским профессором на что угодно спорить...

– Да что спорить? Медицинский факт!

Невозмутимо вильнув рулём, объезжая собрата таксиста, бегущего из бистро с банкой горячего кофе к своей машине, Мурат одобрительно щёлкает языком: классно барин сказал про медицинский факт, надо запомнить...

Симпатичный он парень, этот Мурат. Не повышающий голоса, даже когда объясняется с беспардонными водителями «маршруток», норовящими загорочить своими жёлтыми букашками выезд к центру города. Учтиво, в отличие от ретивых лихачей, пропускает пешеходов на полосатых перекрёстках. И никогда не занимает более выгодное, но чужое место парковки близ ворот «моего» пансионата «Журавли». Мурат сразу же, при первой встрече, стал для меня надёжным лоцманом, гидом, экскурсоводом на всём из равнинного аэропорта Минеральных Вод. И теперь, когда рождается желание обозреть окрестности, вплоть до пе-

сенного Домбая – а коллективные экскурсии я терпеть не могу – набираю номер его мобильного телефона и слышу в ответ неизменное: «Джигит не спрашивает куда, джигит спрашивает – когда?» И мы оба хохочем, зная, что это – наш и только наш – секретный пароль.

Мурат и внешне отличается от горских абреков – усатых, патлатых, бородатых, заросших рыжей, сивой, смоляной растительностью до безобразия и наряженных, все, как один, сверху – в бесцветные ковбойки, снизу – в полинялые спортивные шаровары с блёклыми лампасами. Моему чичероне при официальных выездах достаёт брутальности белоснежная сорочка с воротничком стоечкой, а на прогулках рельефно подчёркивает его борцовский торс кремовая маечка модной фирмы с привлекательным девичьим личиком на груди и, под ним – озорной надписью на английском языке. Мурат, как исправный строевой офицер, всегда до синевы гладко выбрит, аккуратно подстрижен. И, как только что сорванный с грядки молодой огурец, пупырчат, весел, чуточку колюч и свеж. В салоне его такси постоянно витает слегка горчащий аромат мужского парфюма, наверняка, импортного. «Откуда флакончик, Муратик? Рим? Париж? Таиланд?»

Мурат лукаво поводит кустистыми бровями и вновь пожимает широкими плечами, только в этот раз чуток смущённо: «Не знаю. Презент одной мурманской женщины. Она всегда отдыхает в «Нарзане». Та-а-кая лапочка... Санитарный врач! – уважительно поднимает палец мой чичероне. – Кстати, времени сколько? Ох, ох, ох! Ах, я ишак... Обещал же ей позвонить. Можно на три минутки при-торможу?»

Мурманск... Представляю, какие только и откуда только не заходят в этот могучий северный порт корабли с колониальными товарами... Франция, Швеция, Норвегия, Исландия, Финляндия, Британия... Я с охотой прикупил бы себе в каком-нибудь тамошнем бутике солидный флакон точно такого, как у Мурата, пиратского мужского одеколona. А ещё пузырёк дамских духов. Так, на всякий случай. Мало ли... Тоже на презент суженой-ряженой. Не век же целый ходить мне теперь в холостяках...

– Кислородск, вы говорите ? Да, точно, можно и так наш край называть, – опускает мобильник в подлокотник водительского сиденья Мурат. И – верный себе – таинственно подмигивает фигуристой блондиночке на автобусной остановке, до-о-лго провожающей наш экипаж томным взглядом. Вот же артист этот Мурат! Вот же курортный кобелизм непоколебимый...

– Воздух у нас, я вам сразу говорил, просто целебный. Я в апреле спортсменов, тренеров, массажистов, врачей ваших возил вон туда, за перевал, в горы, да, где Машук. Там шикарный спортивный лагерь раскинули... Приехали человек сто, чтобы к летней Олимпиаде акклиматизироваться, кислородом насытиться, дыхание укрепить. Кроссы по утрам бегали, горных коз пугали, марафон устроили. Я десяточку пробежал, понял: дышалка с армейской поры сохранилась, при мне. Хотя и курю. А начальник мой сдох на третьем километре. Нет, ничуть он не толстый, наоборот, бурдюк висячий. Просто ... не боец. А ребята ваши – пахари настоящие, я видел, как они на Олимпиаде всех своих противников побуцкали – и Аргентину, и Кубу, и Ямайку – всех под ноль вынесли. Виталик Яровой наш,

знаете? Нет? У-уу... Классный боксёр, тяжеловес. Во втором раунде как засветил джеб американцу прямо в табло – я думал, у того тыква отскочит. Нокдаун. Чистый! Как кувалдой! Виталику – золотая медаль!

Минуя крепостные стены дорогущих особняков («У этого бизнес в Греции, шубами торгует, родичи в Парфеноне ...»), «Этот на Кипре держит отель, а начинал с наркоты. Срок отбыл, вернулся, поквитался кое с кем, и свалил туда, слышали, может, город Пафос? Да, тоже курортный. Но наш лучше в сто раз! «Этот? По молодости золотишко в Сибири мыл. Под пенсию купил вот этот дом, бывший купеческий».

Вот так, виртуально, знакомит меня с владельцами вычурных особняков мой добрый друг Мурат. Жиголо, конечно, как все холостяки его возраста, желанный подарок бальзаковским дамочкам, искательницам приключений, послушный и отзывчивый на их сладкие напевы. Зеркальный отблеск Дон Жуана.

Мурат, мурлыча себе под нос одну песню за другой, искоса поглядывает на мою сторону – когда же последует команда «Стоп!»? Уже и окраинные кукурузные поля проехали... Дальше, дальше, джигит мой дорогой, туда, за перевал, в горную долину. Там сегодня праздник молодого вина, и я намерен всласть погулять, забиться, отдохнуть от наплыва чёрной полосы, всего того семейного удущья, что клещами цепко держало меня за горло последний год, если не больше...

Пой, славное дитя Кавказа. Таинственны, опасны, как лезвие в руках сумасшедшего, извилистые тропы твоего родного края. Кого-то ведут они к могуществу и непомерной славе, как тех богачей из пышных палат, успевших на ходу вскочить каждый в свою золотую карету. Кого-то безжалостно низвергают в каменное ущелье, в пропасть; мы же видим с тобой, сколько несчастных попрошайек ютится близ хлебных мест – около вокзала, центрального рынка, бесчисленных кафешек – все с потаённой надеждой на подаяние. Что будет с ними дальше? Трудно сказать. Как-то выживут. Но для этого надо родиться, жить здесь, впитывать в себя денно и ночью наследие предыдущих поколений... А выносить суждения о горских народах сразу после первой встречи с кавказскими тостами, начального знакомства со здешней необычной природой с её густыми малорослыми ельничками на склонах да пёстрыми цветочными полянами в низинах, под которыми всегда скрыты коварные осыпи, всё равно что позволить машинисту дизельного поезда командовать дизель – электрической подводной лодкой. И сам, глупец, потонет, и субмарину загубит.

Впрочем...Зачем они мне, все эти нувориши и мысли о них? Ни удивления, ни восхищения, ни зависти, ни, тем более, ревности и на гран нет у меня к их закромам. Как нет и сочувствия к их судьбам. Ну, наворовали прохиндеи при вечно пьяном отце Борисе, кто сколько смог, а дальше что? Продолжать сечку капусты? Сутками напролёт слышать стук в своей голове торгашеского калькулятора: где бы дешёвое сырьё закупить? Кому залежалый товар впарить? Кому следует подмазать, а кого отмазать? С кем вести себя мышка – мышкой, а с кем подухариться, с кем чай пить, а кого придавить... Не забудь: ждёт свой куш алчущая управа – и ты будь мудрым, как Соломон...

Ой! Гори они огнём, все эти пряники. Счастье – когда тебе не угрожа-

ют ни ножом, ни пистолетом, когда спишь спокойно, от шума на лестничной площадке не вздрагиваешь, и по улицам ходишь, не оглядываешься, разве что на стройные ножки – красавицам вслед... Держи, Мурат, аванс! Ослепительно улыбайся встречным барышням, а я – по твоему же совету – прогуляюсь после дегустации местного «божоле» в вашем парке, о котором ты мне столько наговорил. Загляну и в усадьбу, как, напомни, фамилия художника? Ага, Ярошенко... Гуд бай, бэби, до вечера...

– За вами сюда же и заехать, Георгий Андреевич ?

– Я позвоню, Мурат. Пока свободен.

– Понял. Как скажете...

– ...Ваше благородие!

– Как скажете, ваше высокоблагородие! Ихь бин хойте орднер!

* * *

Бурливая, кипящая, по-птичьи гомонящая на двенадцати языках народов мира толпа всасывает меня в своё чрево мгновенно, с головой, ручками и ножками, ровно так, как втягивает в себя могучий кит планктон, мелкие рыбёшки. Могучий массив поработает, в процессе переваривания он ещё и по-нуждает тебя безмолвно и безнадежно подчиниться законам хаотичного Броуновского движения. Всё! С концами. Ты пленник толпы. И теперь, подобно тому, как несёт в неоглядную светлую даль исполинский водный поток лимонные, багряные, зелёные листочки, опавшие с клёнов, берёз и тополей, так и людская стремнина увлекает уральских сталеваров, курских хлеборобов, уфимских пчеловодов, тамбовских пенсионеров, меня, грешного, ведающего строительным производством в предместьях Москвы, всё дальше и дальше, и дальше... Во-о-н туда, к развилке, где в зарослях пыльной бузины, горделивого папоротника и песенной черёмухи установлены три фанерные таблички, три самодельных указателя с кривыми стрелками, которые предлагают всяк сюда дошедшему выбор: либо шагом марш ещё дальше и выше, по спирали, в Долину роз; либо скакать на конкур – влево, по пути устраивая свидание с какой-то загадочной Стеклой струёй, или же, простите, принять гран батман вправо, чтобы познакомиться с помпезной Императорской беседкой ... Чувствуешь себя, как витязь на распутье, куда пойти, куда податься?

А немного поодаль переминается в модных кроссовках некий граф Монте Кристо; не бедный – судя по массивным золотым часам, дорожным итальянским очкам, стильному французскому пиджачку – и не молодой курортник из разряда остряков-самоучек. Этаким красавец с «впуклой» грудью и согбенными плечами, анфас – действительно граф, а в профиль чем-то отдалённо напоминающий предводителя команчей Ясира Арафата, осматривающего в своей знаменитой конфедератке Голанские высоты. С некой «кагтавинкой» в голосе, Ясир воркует как бы на ушко, но так, чтобы слышали все присутствующие, по – светфорному разодетой спутнице: «В Тетяжковской галегее говорит евгей евгею: сгеди тгёх богатыгей посгедине – наш, евгей!» И напомаженная мадам Фрикасе, в

ушах серёжки – колёса, припадает к узкому плечу своего плешивого кавалера, заходясь в пароксизмах неестественного смеха...

Так обычно хохочут приглашённые на дешёвые телевизионные передачи малоизвестные актрисы с нескрываемыми и косметическими средствами следами былого безобразия на лице. Опытные вышивальщицы подковёрных узоров в оставленных ими театрах, нигде и никогда не признающие, что в графе «умственные способности» у них прочерк, зато умеющие как бы невзначай явить режиссёру передачи, не взыскательным ассистентам, безотчётно аплодирующей публике свои накачанные ботоксом ланиты, перси, губы. И разбавить пару вымученных банальных фраз залиvistым гоготом. А чё? «А я иду такая вся, Дольче Габбана»...

Простонародью, всеядному пиплу как не любить круглосуточно веселящую его богему! А я так хотел бы увидеть эскадрон этих шутов и шутих, прочно прописавшихся на всех каналах несчастного нашего телевидения, хотя бы однажды у себя на стройке. Пусть просто постоят где-нибудь под козырьком подъезда, покурят, посплетничают, но всё же, хотя бы издали посмотрят на своих сверстников – каменщиков, плотников, маляров, штукатуров, не вылезавших из резиновых чёботов бетонщиков. Тихих тружеников, без пафоса и лживых интервью у микрофона творящих блага земные. Тех, для кого безродная попса и её кормчий – Верка Сердючка, завывают на зависть всем буржуям «Мне уже восемнадцать, в паспорт страшно смотреть»... И вокалу под бокалом этой звезды, млея от удовольствия, закатывая глаза, подпевала моя бывшая супруга. «А что я, по-твоему, музыку Вивальди должна слушать? Слушай её сам. Архитектор!». Конечно, ей лучше и понятнее Верка Сердючка: «Я иду такая вся, на сердце рана». И думать ни о чём не надо. О любви не говори, о ней всё сказано...

Ворожея – ветерок треплет нежную листву осинки да рябинок, а, когда меняет направление, доносит терпкие запахи кавказской кухни из близрасположенного кафе «Барашка». Зайти, что ли, посидеть там с шашлычком за стаканчиком холодного винца? Но, как же тогда быть с музеем художника Ярошенко, куда настойчиво советовал сходить друг мой, Мурат? «И я иду такая вся...» М-да. Если уж привяжется пошленький мотивчик, то надолго... Но я, в самом деле, иду. Пусть далеко, в самый конец парка, зато на свидание с настоящим искусством, а не той мазнёй, которую предлагают со всех стендов в парковых аллеях «искусствоведы» из подворотен.

Никакие, по моему убеждению, они не художники, а простые копии-сты, сбытчики краденого. Равнодушные реализаторы договорной продукции, которым всё равно, чем торговать, абы торговать – будь то квашеная капуста с подпольной овощной базы или канцелярские товары из частной типографии «Шрифт унд Ватман». Важен для скупщиков – перекупщиков сам процесс кажущейся деловитости, причастности к ней, наслаждение битвой жизни и сладостный дурман наживы, будоражающий воображение. И потому в ходу виртуозный обман доверчивых покупателей, на их сленге – «лохов», например, вон тех жительниц дальнего захолустья, с учёным видом знатока пытающихся судить о жи-

вописи легко и просто, по сути разбираясь в ней, как некто в апельсинах.

Слышу внятный обмен мнениями мамыши и дочки – гостей «вернисажа»: «Шураньк, поди сюда, гля, натюрморта какая – с кошечками, скажи, зашибон! Как будто наших котяточек нарисовал. Спроси, за сколько отдаст? А мы с тобой на кухне эту пейзаж повесим, точняк?».

Отвлечь от груза сомнений и тягостных раздумий (наверняка, знал это Тургенев) может только река. Любимица детворы и граждан преклонного возраста вертлявая речушка без названия, глубокой осенью, как сейчас, откровенно обнажающая дно вплоть до вековых наслоений ила, мшистых камней, созвездий ракушек и запёкшихся, как базальт, бесформенных плит, а по весне наполняющаяся тальми водами по горло, взхлёб, жадно облизывая берега и норovia подпрыгнуть до парапета Набережной, а то и превысить уровень ординара.

Впрочем, своенравная горянка не такая уж всеильная. Есть и на неё укротители. Вот высоченный светловолосый малый в матросской тельняшке и рыбацких резиновых сапогах со шлейками – этакий шведский викинг – стоя посреди обмелевшей «горянки», ловко выстраивает из подручного материала – малых и больших речных камней – невероятно причудливые человеческие фигуры, а то и целые композиции. Вот кто удивляет, так удивляет своим мастерством! Пять минут и – пожалуйста: родилась под его руками барынька в кокетливой шляпке, да ещё и с зонтиком. Пять – десять минут – и напротив неё круто подбоченился крепкий мужик с картузом набекрень. Хоп – и вот заскочил на сложенный из крупной гальки высокий плетень чижик-пыжик, на которого снизу плятятся глупыми глазами сказочные персонажи: коза – дереза, дворовая собачка Жучка, кот – воркот с лихо задранным хвостиком...

Надо же, какое мастерство! Глашатай никогда не пустующих телевизионных студий, уроженец маленького посёлка Асбест (или Апатиты?) – горластый парень Андрюха, выпучивая глаза, вопит в таких случаях «Я в шоке!» (Хорошо хоть не в шопе!). Думаю, и ему, прижимистому, не жаль было бы кинуть сейчас заслуженные премиальные в картонную коробочку, предусмотрительно укреплённую скульптором многофигурных изваяний на парапете Набережной.

«А я иду такая вся...» Господи, чтоб ты пропала...

Кислородский парк полон соблазнов. Хочешь – подсядь вон к тем любителям нарда, покидаешь вместе с ними кубик над истёртой доской. Не просто так, за деньги! Хочешь – пойдешь, сыграй в шахматы, вон с тем хитрым Митрием. Ровесник векового платана, старый хрыч расположился на домашней табуреточке со всем своим незатейливым скарбом – термос, шахматные часы, телогрейка... Разок я с ним уже сыграл. После первых же ходов понял, что партнёр мой – крепенький середнячок – второразрядник, ловящий на кукан («Сыграем по стольничку?») более слабых, чем он, шахматистов-курортников. В случае проигрыша никакой «стольничек» не состоявшийся гроссмейстер никогда не отдаст. У него, как в генштабе, всё продумано. Если продует – перевернёт доску, предлагая продолжить матч – реванш фигурами иного цвета. И так будет крутить до тех пор, пока, окончательно разгромленный, не признается: «Ах ты, чёрт, а я ведь дома

деньги забыл. Подождёте? Тут недалеко... Я смотаюсь за полчасака». И смотается. В неведомую сторону, без опознавательных знаков. Только не на «полчасака». Навсегда. Оставив на память табуреточку.

Но какой уважающий себя человек станет ждать эти «полчасака»? Прощай, дед-миroeд, живи и здравствуй дальше под кроной платана. Прячь лицо, натянув до самого подбородка всепогодный капюшон. Вот так! Теперь ты – точная копия паркового пьедестала с бюстом героини гражданской войны – следователя ЧК Ксении Ге, девушки с художнической фамилией, зверски убиенной беляками. Не знаешь, дедуля, за что? Как они могли, ироды, такую молодую, такую красивую дивчину так жестоко казнить? Повесить... Нет? Не знаешь? Не интересовался? А я-то думал, вы были с ней одноклассники. Жаль. Других свидетелей прошлого уже не найти... Очевидцев казни – тем более.

«Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев – во все века сжигали люди на кострах»... «Очевидец» – значит свидетель.

«У нас «на хате», Георгий Андреевич, никогда не произносили это нехорошее, неправильное слово «свидетель». Плохое оно считалось слово. Говорили – «очевидец». Вот это хорошее, правильное слово». Так говаривал одинокий бригадир Филимонов, отдавший крытой «хате» немало лет за преступление, о котором как – то поведал мне в больничной палате, безмерно благодарный за проведение, да ещё с конфетами и сигаретами... По молодости лет группа шалопаев вздумала отобрать пистолет у инкассатора. Всего лишь отобрать и в лесочке пострелять. « А я на шухере стоял, Андреевич. Чисто на атаке. И – копец. У нас же как, сами знаете, юстиция неподкупная; на суде пацаны из семей с кошельком, на меня одного пальцем указали, так им папы с мамами велели. Они – ягнята, я – бандит. Коль бандит – приговор в зубы и этап на зону. Привет сидельцам от прокурора!».

Как могла не вспомниться судьба Филимонова в музее Ярошенко, у самой главной, наверное, самой удачной его картины.

Зарешёченное окно столыпинского вагона, замершего под парами на безвестной станции. Арестанты – женщины, старики, дети – смотрящие из глубины тюремного окошка, забранного решёткой, на стайку голубей, мирно клюющих на перроне какие-то зёрна, семечки... За окошком – там, где птахи – воздух, простор, свобода, воля. А внутри мрачного вагона – полутьма, смрад, безнадёга, неволя...

И без пояснительной таблички на старинной раме название понятно: «Всюду жизнь!». Смотришь – глаз не оторвать.

Но, что это? Матка-боска! Вновь рядом со мной предстала та же сладкая парочка, где Ясир Арафат, как ведущий, то и дело подталкивает на выход недовольную его шпильками спутницу, то бишь, ведомую, всё так же в голос умничая: «Хватит, Виолетта, ингибировать, пойдём дальше брендить». И снова это характерное грассирование, и опять это победное оглядывание окружающих после каждой фразы, смотрите на меня, любуйтесь мной, вашим гегемом, я один здесь такой умный. Один на миллион!

Почему-то подумалось, будь сейчас рядом та сельская мама с дочкой Шуранькой, что покупали на развале литографию лупоглазых кошечек сиамской породы, и те сказали бы: «Вроде не иностранец дядька, а сам-то хоть понимает, о чём чирикает?». «Ингибиговать»... Надо же так отксерить!

А Ярафат не унимается, подёргивая рукавчик жёлтой кофты Виолетты (на голове сероглазой красотки красный капор, под бежевой кофтой – зелёная юбка – красный, жёлтый, зелёный, ну чем не светофор?). «Радость моя!» (звучит, как «Гадость моя!») кончай ламбрекеном прикидываться, натюрморты разглядывать, Мусик хочет кушаньки!»

Моисей, что ли? Ну-ну... «И я иду такая вся...» Нет, положительно, чумовой какой-то выдался день...

– Не Эрмитаж, конечно, но, ничего, есть чем полюбоваться, правда? – смотрят на меня не такие уж и наглые, не такие уж и пошлые, как привиделось сначала, глаза Виолетты, приотставшей от своего ... ламбрекена. И следом, совсем уж доверительный её шёпот: «А я вас ещё там, на развилке сфоткала, подумала, ух, какой импозантный мужчина. И, наверное, холостяк? Или в разводе? Мы ведь с вами ровесники, разменяли уже сороковники, верно?». «Радость его» сочувственно ласкала меня лучиками фиалковых зарниц... И сразу стала мне близкой эта прелестница – незнакомка. Но, пока я невразумительно помывкивал, не находя умного ответа на вопросы пикантной дамы, Ясир Арафат, одарив меня колючим взглядом, чуть ли не потащил к дверям свою принцессу, вполголоса матеясь на доходчивом русском языке.

Вот это Моисей! Вот это «пгофессог»! Чтоб ты здоров был и не кашлял, гусар ты наш бессмертный!

* * *

– Обратите внимание, как под волшебной кистью художника разливаются заревой свет – и вот здесь, над горной кручей, и в этом уголке, где каменистая тропа, – ведёт стайку пожилых экскурсантов, преимущественно женщин, – ладная, статная дивчина – экскурсовод. Из тех самой природой наделённых красотой чаровниц, которым не надо выступать ни на каких «Мисс», чтобы без подкупов и обольщений, гордо и независимо утвердить себя на первом месте в любом зрелищном зале, от камерного, как здесь, в провинциальном музее, до огромного, предположим, как Кремлёвский дворец. Позавидуешь, блин, её избраннику!

– А вот скалистый откос. Что это – внезапный обрыв, глухая падь, срез холма или отроги дальних гор, за которыми не увидишь горизонта? Решать зрителю. Но мастер не скрывает одного: свой экзистенциализм, проще говоря, своё одиночество... Смотрите: голая вершина, как выжженная душа, здесь ни травинки, ни деревца, грустью пронизан гранитный утёс. И лишь распростёр свои ветви у подножия вершины старый мудрый дуб, словно готовится укрыть под развесистой кроной всех, терпящих бедствие путников.

Слушал бы и слушал эту умницу, знающую свой предмет на пять с плюсом, слушал – хоть до вечера. И, представляю, сколько дней и вечеров проси-

дела учёная барышня в разных библиотеках, собирая по крупницам сведения о художниках-передвижниках, друзьях военного инженера Николая Ярошенко. А кто она сам, девочка – гид? Откуда? Отсюда? Жаль, разница у нас с ней в добрых двадцать лет... А то бы... А то бы что, Гоша? Закрутил с ней роман? Топай, давай на выход, экскурсант – одиночка!

* * *

Умный в гору, может, и не пойдёт, а вот в музеи ходят всё же преимущественно умные. А те, кто не очень, те топают в пивнушку или в кабак. Умные идут себе, переполненные впечатлениями после выставки, интересно что-то обсуждают, занято о чём-то рассуждают на ходу. И я жадно ловлю обрывки их фраз, потому что самому поговорить-то не с кем, а так хотелось бы... Да при чём здесь душу излить? Просто поговорить, потолковать о том – о сём, о разном. Посудачить. Мало ли о чём?

* * *

– А ты обратила внимание, как у Ярошенко выписан самшит? Тёмный лиственный лес, кустарниковые заросли, каменистая опушка и вдруг... флейта!

* * *

– Нет, вы скажите, как можно было ставить завлабом человека, не знающего, что союз азота с водородом – аммиак? Нонсенс. А у нас – пожалуйста!

* * *

– Что за эсэмэска такая пришла, идёшь, заливаешься, как кисель?
– Да, Юрка, брат мой, пишет, ночью Дворцовый, Литейный и Троицкий мосты под классическую музыку разводили...
– Ух и!
– Ага. А он этот проект готовил. Теперь премия перепадёт братику... Жесть!

* * *

– Я вам вот что скажу: за ЕГЭ умирать никто не будет. А вот за свою малую родину, за три берёзки под окном и за мальвы в палисаднике – будут! И вы меня не переубедите...

– Не собираюсь переубеждать. Я не глупый, вижу: нет в стране приглашений – кто хочет стать космонавтом? У нас есть призыв, кто хочет стать миллионером? Потому на отбор в космонавты идут единицы, а миллионером хочет стать каждый второй... Если не первый.

* * *

– За пятнадцать лет уже третья Дума обсуждает закон о культуре, а его всё нет, и нет, никак принять не могут... Это нормально?

– Конечно, не нормально. Потому столько не открытых талантов, пусть и

третьей волны. Вот мы говорим о Ярошенко. А возьмите художника Хаима Сутина, которого Модильяни первым назвал гением. Кто о нём знает?

– О Модильяни?

– О Сутине!

* * *

И я мысленно вклиниваюсь в споры, я подхватываю разговоры с теми, кто обтекает меня слева, справа, с теми, кто не торопится обогнать, шагая за моей спиной сзади... До чего же ты причудлив и дьявольски интересен, род людской, со своими умными идеями, ссорами, пустыми тараторами! Вот только что здесь делаю я? Здесь, сейчас, в многолюдном парке, среди множества людей один на всей планете? Нет, положительно где-то надо выпить, отогнать докучливые мысли. Вновь Филимонов вспомнился, хрипло спорящий с въедливым моим нормировщиком за каждый рубль в расценках: «Хватит нас уже пугать, мы уже пуга-тые»... Конечно. После инкассаторского – то пистолета. Это тебе не Ясир Арафат в крылатке – конфедератке со своим ингибированием! Пистолет – штука похле-ще «Фауста» Гёте будет... Согласна, Виолетта?

* * *

Тостующий пьёт до дна, с премудрым режиссёром Данелия, царствие ему небесное, в этом деле не поспоришь. А тоскующий? Тот, у которого в самом расцвете сил, при высшем специальном образовании и собственном строительном бизнесе вдруг враз лопнула семья. Осталась на прощание только записка: «Гошенька, не помни меня, я была плохая жена». И запоздалые откровения сослуживцев: «Да видели мы твою царицу с этим опарышем, и не раз, подумать только не могли, что у них так далеко зашло... Ну что она в нём нашла?»

Значит, нашла. И рвущий сердце на части дочкин телефонный звонок (украдкой, с дачи, от той бабушки): «Папуля, мама заставляет меня называть этого дядю папой. А он вонючий. И лезет то в носик, то в лобик целовать...».

Эх! Замыслил я побег подальше от территории семейного краха, а дракон воспоминаний меня и здесь достаёт, в горной долине, на высоте 5642 метра над уровнем моря... Не даёт отдышаться. Может, три по три дозы коньячка местной выработки отодвинут наваждение, принесут хотя бы временное облегчение?

Расчудесный фонтан – музыкальный, с цветовой подсветкой – вычерчивает водными струями вначале танец маленьких лебедей, затем что-то такое из «Баядерки», следом – «Кармен»... Супружница, как ни говори, была хореограф с приличным стажем, научила понимать балет... Сидеть бы с ней сейчас в этом гостеприимном павильоне, огромном, как самолётный ангар, ей – потягивать из широкого бокала любимое полусладкое, откусывая маленькими кусочками дольки от пирога с ягодой малиной, мне – под Петра Ильича Чайковского довольствоваться вискарём, если только он не поддельный, а лучше – вот таким же коньячком, пусть и с ванильным привкусом...

За тебя, Азнаур Сапарович, за твоё здоровье и семейное благополучие со всеми твоими чадами и домочадцами, старый мой с солдатского времени

дружище, владелец хреновенького балагана «Журавли», бесплатно приютивший меня на две отпускные недели. Харчи у тебя в столовке отвратительные, честно говоря, потому по утрам – лишь бы глотнуть чайку и скорее звонить Мурату, чтобы погнать с ним подальше от всяких процедур, микстур, прогорклой кухни и, главное, от обряженных в серые дурдомовские халаты обитателей, для которых нет ничего слаще морковки, а интереснее – обрыдлого экрана телевизора...

Скоро меня опять ждёт стройка, бетон, раствор, кирпичи, брехня с заказчиком и брехня с субподрядчиками – ребятами талантливыми, хитроватыми, вороватыми, хотя и мы не лыком шиты. А пока – чин-чин, поехали!

Но, поднимая ввысь охапку шифера... то бишь, опрокидывая единым махом первую боевую единицу конька, я периферийным взглядом заметил чей – то устремлённый в мою сторону пытливый зрак. Виолетта? Найн. То уставился на меня совершенно незнакомый белобрысый малый с не хилой фотографической оптикой в руках. Кто это? Что это? Просьба по умолчанию подать хотя бы полтинник? Здесь полным – полно всяких – разных попрошаек, побирушек... Знаю и я, по своей голодной юности, что такое обеденный перерыв, а ты не можешь наскрести на столовку мелочи в горсти... Но! У этого мальчишки с цепким взглядом не нищенский посох в руках, а вон какой фотоаппарат. Так чего тебе надобно, старче? И с поклоном малец отвечает:

– Здравствуйте! Вы это, вы, пожалуйста, хотите сфотографироваться прямо тут, у фонтана?

Мне всегда нравится, когда говорят утвердительно «Хотите?», в отличие от неопределённого и неуверенного «Не хотите ли?»

– С какой стати, юноша? Я не киногерой, не лауреат Нобелевской премии, автографы не даю...

Оценив широкой улыбкой мой развёрнутый ответ и, явно осмелев, юнец – страсть как похожий на Витьку Ефименко – приближается ко мне на два шага ближе.

– Да не, я, пожалуйста, не это... У нас ща практика в техникуме, всё бесплатно. Мне просто, чтоб человек согласился, и я это...

Ну, чудик! Точно Витька Ефименко! Был такой кент в моей институтской группе – маленький, щупленький, белобрысенький, вечно что-то грызущий, как мышонок: то сухарик, то орешек, то сушечку, забавно поводя при этом кирпичным носиком и подрагивая верхней губкой. Никогда он, зараза, никому списывать ничего не давал, хотя учился, особенно по сопромату и стальным конструкциям, лучше всех. Но мы повадились как? Кто-то вечером отводил обжору Витьку в кафешечку «Весна», где в поздний час делались скидки для инвалидов, пенсионеров и студентов, а трое нас остальных неучей – заядлых футболистов – быстро – быстро, бегом сдирали решённые трудолюбивым Витькой задачи по математике, срисовывали этюры по сопромату, бережно укладывая затем его конспекты в положенное место. «И чтоб никто не догадался, и чтоб никто не догадался, что эта песня о тебе...»

Я не удержался, спросил Кибальчиша с фотоаппаратом, не Ефименко ли его фамилия? Малый подумал, что это я опять с ним так шучу и деланно рассме-

ялся. Потом сказал «нет», но своей фамилии не назвал. Значит, не так уж прост?

Пока выбирались из павильона на простор речной волны, ближе к фонтану – я сам себя спрашивал – зачем? Наверное, затем, что наивностью своей этот альбинос сумел затронуть мою не такую уж сентиментальную душу.

– Татусь! – окликал в это время то ли по имени, то ли по фамилии пожилую официантку бородатый бармен, похожий на пирата – оттащи, Татусь, за кулисы «Кальвадос», хавчик на подносе и баклагу колки, придут сейчас трое тех же баранов из городской администрации, они в очереди пыхтеть не будут.

«Кулисами» здесь называлась сокрытая от чужих глаз комната для специальных приёмов. Та, возле зашторенных дверей которой заседала пёстрая, как хвост фазана, многоголосая компания со своим привычным московским базаром наперебой (сколько уж я их наслушался!) – о новом столичном мэре, старом пэре – пчеловоде, Сандунах и Ленкоме, квадратных метрах и заторах на дорогах... Уж эти премилейшие со времён Грибоедова московские сплетни – сплетенки... Но куда же без них в любом городе и в деревне любой...

– Мы и в Москве живём, как в Китае, – слышу я до боли знакомый, вроде как захмелевший женский голос.

Даже не оглядываясь, узнаю, кому он принадлежит (все дороги ведут к Фонтану дружбы народов). – Смотри: в школу – дань, чиновнику – сунь, гаишнику – кинь, врачу – вынь, а зарплата – хунь!

Дружный гогот грянул на последнем слове Виолетты (её, чей же ещё!) сидящей в центре стола, за которым правил бал разрумяненный Ясир Арафат. Спутница «гегоя» замахала ручками, даже привстала, подзывая меня к себе «Идите, идите сюда, познакомлю с друзьями!» Я извинительно раскланялся – потом, потом, если можно, после фотосессии...

– Какая фотосессия? Жулики они! – не стесняясь, погрозила враз оробевшему фотографу довольно внушительным для леди кулачком Виолетта. – Смотри, малец, если дядю обдуришь! Сама найду и закрою, понял?

– Слышишь, Витёк, глас народа?, – назидательно постучал я по плечу погрустневшего оператора. – Пипл прав?

– Так, я, честно, бесплатно, пожалуйста, моё дело снять вас получше и я это...

– Ох, ты, Витёк, и килька! Хитёр, как астероид...

Я всё-таки называл его Витьком, как вузовского братана Витю Ефименко. Но зачем ещё приплёл какой-то астероид? Видимо, третий залп «вискаря» начинает в мозгах активно действовать. Нет, не «вискаря», а коньяка. «Вискарь» ещё впереди, за тем столиком, у Виолетты, я видел, а пока местный кизлярский «Хеннеси» срабатывает. Пу-у-мм... Надо сделать царский заказ для этого стола. Пошлю им шампанское в ведёрке, во! Где наша Татуся?

А у фонтана народа в-видимо – не – в-видимо. Целься, Санёк-Витёк п-лучше, пли своей пушкой и отваливай. Фото за тобой. Три снимка, йес? Цветные, как договорились. Подойдёшь, где кулисы, видишь, вон Кащей с козыночкой на шее пойло разливает. Ты, кстати, не знаешь, кто он, этот дядя Моисей? Я тоже не знаю. Думаю, дальний родич Ксении Ге... Её ты тоже не знаешь?

Живёшь в Кислородске и своих героев не знаешь? Потерянное племя... А что ты вообще знаешь в свои 17 лет, как тебя, а, Толик? Толик – нолик. Хочешь стать миллионером? Храни тебя Николай Чудотворец! Станешь!

* * *

Славную компанию сумела сколотить Виолетта, притащив с собой за стол двух сокамерниц (так она шутила) из своего санатория.

– Кайра! – представилась пышногрудая брюнетка, приподнимаясь с кресла в изящном книксене.

– Айна! – последовала её примеру блондиночка,, поправляя солнцезащитные очки в изящной оправе.

– Виолетта! – к явному неудовольствию сира Ясира, скривившегося, как от горчицы, подставила мне щёчку хозяйка стола. – Ну и пусть, – говорил её взгляд, – ничего, переживёт. А не переживёт – не велика беда, жизнь продолжается!

– Да, леди энд джентльмены, жизнь продолжается, – по космическому наитию уловил я сакральные мысли Виолетты. – Но, пока не подали мой пудинг, вы мне расскажите, плиз, что у вас за имена такие прекрасные, ни у кого подобные не встречал.

– Нет, нет, – мы сначала посмотрим, что за пудинг вы нам приготовили, – расстреливала меня в упор большими сливовыми глазами Кайра, – а потом решим – рассказывать вам о себе, или воздержаться. Верно, девочки?

– Да что «мы»? Вот вы – такой мачо... Лучше вы нам о себе расскажите, только всё чтобы откровенно, по чесноку, как на самом деле, – усаживала меня между собой и Кайрой Айна.

– Мы обожаем пикантные истории, – обняла блондинку брюнетка... А вы – такой Хэмингуэй, вам так идёт борода... Ну, точно, сознайтесь, охотились ведь вы в сафари ?, – накручивала локон на пальчик Кайра, улыбаясь мило и приветливо. – М-м? Колитесь, какую дикарку в джунглях повстречали, с кем у вас возник лямур...

– ... Не считайте нас за дур!, – заключила стихоплётство подруг Виолетта. И тут же взвизгнула, как от укуса осы: Эй, э-эй! Хватит меня по ляжкам гладить, гладиатор. Ты куда лапки запустил, а? – ухватила она за ушко вконец сконфуженного Арафата. – Опозорил? Или завтра же идём в ЗАГС, как обещал, или... уйду вон, к Георгию Победоносцу! Вас же Георгий звать, правильно? Возьмёте меня в жёны?.

Выпили за будущий загс. За женщин. Потом за меня, Георгия, а следом – почему – то за славу русского воинства (видимо, правда, приняли меня в новой компашке за какого – то конструктора стрелкового оружия) и за благословенный здешний край. Не на шутку встревоженного угрозой Виолетты «жениха» время от времени сотрясал нервный тик. Он, не поднимая глаз на «невесту», то подолгу разглядывал хорошо отполированные свои ногти, то не к месту вытаскивал из сумочки – беретки маленькую пластмассовую расчёску, но, не прикоснувшись к волосам, вставлял её обратно в футляр, вздыхая часто и прерывисто...

– Будет тебе мучиться, любимый, – наконец снизошла к его страданиям Виолетта. – Шутка это была, просто шутка, ты что, шуток не понимаешь? – нежно, успокоительно гладила она подрагивающую ручонку своего ламбрекена, ингибированная его волнением. При этом явно желая отвязно повеселиться, потанцевать, отчаянно пококотничать с кем угодно из мужчин... Ах, где он, тот младший лейтенант из сладкой песни? А тут... Чуть ли не валерьянкой надо отпаивать потускневшего от переживаний пожилого астероида...

Господи, да что это ко мне сегодня ещё и этот астероид привязался! Где, кстати, тот пацан, Витька, нет, Толька... Где мои фото, хочу показать, хочу подписать, хочу подарить свои портреты этому хорошо уже заведённому бабск..., пардон, поручик Ржевский, дамскому трио – Айне, Кайре, Виолетте! Смуглянка, зеленоглазая улыбочивая Кайра при каждом к ней прикосновении отзывается таким сладостным током. И как же мне нравится её раскатистое «PPPP», как любовное голубиное воркование... «Я возвращаю ваш портрет и о любви вас не молю...» О, Георрргий, какие вы скрываете таланты! Как вы прекрасно поёте! Ещё и на гитаре играете? Орркестрррр здесь есть? Есть оркестр, я спрашиваю? Дайте нам гитару! А-а, чёрт с ней, с гитарой. Мы с вами, Гера, и так споём, а – капелла, давайте, вместе споём, а? Такую, со слезой, цыганскую...»

– Айна! Споём до слезы?

– Споём, Кайра, до слезы. И поквасим до бузы!

А тут и гуся с запечёнными яблоками – фирменный мой подарок, который я понарошку назвал пудингом, официантка на тележке подвезла вместе с шампунем в никелированном вёдрышке. Роскошная такая птица...Была. Упитанная, загорелая. Досталась хорошим людям.

– Татуся. Пожалуйста, от меня – бутыль шампанского шеф-повару в награду! Гвардия, москвичи! Ну-ка, где гвардейцы кардинала? Где мушкетёры короля? А ля гер ком, а ля герро! Вступительный взнос от Георгия-Победоносца. Дамы угощают кавалеров! То есь, наоборт! Пли, артиллерия, шампанским, пли, пробкой в потолок. Урра!

* * *

Это я потом уже, в гостиничном номере, после бурного и долгого припадка страсти, буду рассказывать Кайре о тех разводах на деньги, под которые попадал в былые времена. «Три самолётка» – на криминальной ВДНХ. Там и столичным, и провинциальным лохам вначале предлагаются заведомо выигрышные «лотерейные» билетки с эмблемами звена летательных аппаратов, затем виновников торжества аферюги – «менеджеры» в арендованном для воровских дел павильоне «Животноводство» доят по полной программе, требуя как бы частичную оплату выигрыша, взамен нереальной туристической путёвки на Мальту или в Копакабану...

Чуть ли не бросок под колёса лысого азиата – жулика на крутом повороте воронежской трассы. А когда перепуганный водитель останавливает машину, избегая наезда, на него наезжают внезапно появляющиеся из кустов фигуранты

с монтировками в руках, вежливо упрашивая помочь финансово с закупкой бензина для заглохшего во-о-он там «жигулёнка».

Что уж говорить про телефонные чудеса с банковскими картами изобретательных магистров – мошенников, вольготно себя чувствующих в зонах университетов далеко от Москвы. На тех самых «хатах», о которых вполголоса рассказывал мне в душевной больничной палате бесценный бригадир Филимонов. Кстати, если ему верить – родной дядя некогда знаменитому на всю Россию вратарю... Но всё это будет потом. А пока...

Малорослая, но широкоплечая барышня в рваных – по моде – джинсах, появившись в проёме кулис, игриво поманила меня на выход пальчиком. С чего бы это? Кто такая?

– Вот, пожалуйста, три ваши снимка у фонтана, – по-цыгански пристально сверлила меня острыми глазёнками опекушка бессребреника – фотографа Толяна. – У нас сегодня акция, а вы – первый клиент, потому наполовину дешевле. Если три фото возьмёте – большой, средний и миниатюрный – то в придачу подарим ещё и ваше фото в стеклянной оправе. Это совершенно бесплатно, пожалуйста...

Вот оно откуда – от неё – это к месту и не к месту произносимое студентом неведомого техникума – Толиком – вежливое «пожалуйста»...

– Послушайте, мисс...

– Если вы уж так хотите, то миссис: я девушка замужняя.

– Тем более! Миссис! А ничего, что ваш кгм... практикант заверял меня о бесплатной съёмке?

– Мистер! Уважаемый! Толик правильно вам всё сказал. Снимает он бесплатно, но за фотографии ведь надо платить. Вам же в магазине колбасу за так не дадут? А у нас расходы на фотобумагу, зарплату лаборанту, аренда помещения...

– Убийственная логика! Это вы всех курортников так обуваете?

Наверное, на кончике язычка бандерши из подпольного фотоцеха вертелся язвительный ответ: не всех, мол, а таких раззяв, как ты, красавчик...

Но тут раздался зычный голос атамана: «Георгий, я вам что говорила? Жулик здесь на жулике и жуликом погоняет. Думают, все приезжие – богатые северяне с миллионами в карманах... Зови полицию! Я видела, тут где-то пэпээсник ходит, патрульный постовой...»

Э-э-э, Виолетта, успокойся, милая, нам только полиции не хватало... Заплачу я ей за эти три снимка и пусть делает ноги на Дерибасовскую.

* * *

Растяпа ты, растяпа, Георгий Андреевич... Ну что же ты такой податливый, грозный только на словах, а в душе – мягче воска? Ну почему ты по-боцмански, по-матросски, как некогда на армейской службе в береговой охране, не отправил эту карлицу – жулика туда куда-нибудь, ик...на Оленью губу? Как это сходу сделала бы, ик..., никогда и никому не дающая себя обмануть Виолетта Сергеевна. Гром – баба. Понял, кто она? Вот так вот, зацени: начальник отдела дознания транспортной полиции из какого-то угольного края, то ли Кемерово, то ли

Тулы... («Подполковник, между прочим, чтоб ты знал, страха совсем не ведает, её спецназ на задержание знаешь каких сапсанов брал...») – щекотала мне ушко жаркая, как тропическая ночь, большеглазая соседка. И совсем не противилась тому, что я, как прихватил, так и не выпускал её ладошку из своих рук.

– И ты, Кайра, тоже дознаватель? Что, правда? Нет? Геодезия и картография? И даже кандидат наук? Ну, слушай, какая же ты умница! Прости, родная... Мужчины, тост – за прекрасных дам! Барышни дорогие, вы ик..., пардон, не против, если мы все – на брудерррршафт? Алекс, вашу прекрасную Виолетту отпустите, наконец, потанцевать, да пусть и в кружочке... Вы, Алекс, вообще, кто? Вы за дедушку Мао или против? Я, например, официальный марксист! Вы тоже? Странно! (Так хотелось, чтобы девушки наши угорали от изысканных хохм пирующих интеллектуалов).

А взвод пирующих (подходили ещё какие-то московские гости со своим выпивоном) с наслаждением зарывался в облака картофельного пара, безжалостно обдирая бока (ух – а, как рифмуются «бока – облака»), обдирая бока огромному, ловко запечённому гусю, начинённому кисловатыми антоновскими яблоками. И с упоением слушал виртуозные тосты француза по маме (оттуда и грассирование) Алексея. Алекса, – как он сам попросил себя называть. Алекса, – вам ясно, грубиян, поручик Ржевский! Ныне и присно не было и нет никакого Арафата! Чин-чин? Конечно, дорогой! Будем друзьями!

* * *

– Кайра, солнышко, ты прелесть! Какая же ты прелесть, – сам не знаю, откуда брались у меня такие нежные слова для снежной королевы, свернувшейся калачиком, уютно устроив голову на моей руке и полуприкрыв глаза... – Правда, ты по маме турчанка? Ну, откуда знаю... Оттуда. Виола шепнула, пока ты с Алексом танцевала. Видел я, видел, не слепой, как он тебя прижимал... Небось, ещё и чаечкой называл? Кайра, правда, по-турецки, чайка? Расскажи, хоть чуточку, о себе?

– Попытаюсь. Только зашторь окно, мой хороший. Да, в гостиницах и на третьем этаже подглядывают! Поездила по стране, знаю... А что касается твоих вопросов... Знаешь, в нашем кругу не врут. И тебя я почувствовала сразу, поняла, ты мой... Даже ощущала через ладошку, как твоё сердечко бьётся. С бывшим моим не общаюсь и по телефону, пусть он будет счастлив с новой женой, а в наших с ним отношениях баланс поддерживает только сын, которого он по-прежнему любит. Живое напоминание о прошлом. Два года одна. Только командировки и спасают. А сынуля остаётся эти дни с бабушкой, он всё понимает, ни о чём не спрашивает. Гордится, что мама готовит докторскую диссертацию. А тема у меня знаешь какая?

– Знаю! «Моя любовь на третьем этаже»...

– Ага. Примерно. Только чуть пошире: «Аппаратурный комплекс для первого этапа региональных исследований верхней части разреза луны».

– Слушай, Кайрик! Я сейчас с кровати упаду... Как же ты, такая великая, снизошла до такого...

Кайра не дала ни слова дальше договорить, по-борцовски вывернувшись

из моих объятий и теперь уже сама оказавшись лицом над моим лицом. И снова вовсю разметались каштановые пряди длинных её волос, закрывая лоб, глаза и пухлые, чувственные губы. И снова вырывалось из наших уст только слабое постанывание, и не хватало нам больше дыхания для долгих поцелуев, и руки наши то сплетались в чугунной хватке, то становились совершенно обессиленными, и невозможно было понять, сколько длилась наша слитность... Да пусть бы она длилась так хоть целую вечность!

Но если бы не эта любовная дрожь, не эта самая сладостная импульсивность, как назойливый будильник, напоминающая о разрядке, о том, что и всё хорошее когда-то кончается...

– Георгий, ваше благородие! Приказываю лежать, дама первая в ванную... А вы думайте покамест обо мне...Вам ясно?

* * *

– Академик мой дорогой, послушай! А если я у нашей дознавательницы, Виолы, попрошу на один только вечер табельный её пистолет. Даст? Пусть не заряженный. Нельзя, понимаешь, нельзя, Кайрик, допустить, чтобы этот вонючий магнат лез со своими слюнявыми поцелуями к моей донечке. Пусть лобызает уж ту мою, бывшую... Но он что, думает, легко отделался? Плохо он знает Георгия, чмурь! Будет ему похмелье.

– Ну, чего ты притихла? Думаешь? А что тут думать? Думать тут нечего. Разве что...Как думаешь, Кайрик, Виолетта пойдёт со мной на эту операцию? Рискованно? Для боевого опера? Опер чтобы не пошёл на операцию? Ты же сама говорила, она и на задержание бандюг не побоялась отправиться, хотя у самой двое – да? – вот, двое детей. Ладно. Что-то я раздухарился не по делу... Пойдём на лоджию, подышим? Ну и что, что не одета, а я? Кто нас увидит? А увидят – пусть завидуют...

* * *

Дымный очерк далёких гор быстро заслоняла чернильная темень, напозавшая с запада. Бормотал предгрозовой гром, подтверждая угрозы урагана скупыми россыпями мелкого дождичка. И не было для меня за долгое время прежних тусклых будней большего счастья, чем то, которое неожиданно свалилось в облике Чайки. Пахнувшей морем и простором женщины, реально близкой, желанной, от которой отделяет всего ничего – только один шаг, даже полшажочка и только условное прикрытие сказочных прелестей гостиничным халатом. Как же, на самом деле, точно в имени её воспроизводится выклик морской чайки над волной...

– Кайра, солнце, я что-то не понял, а куда вечером все умотали? Алекс, Виолетта, Айна...

– А вы, сударь, зело оказались поддавши, заснули даже в такси у Мурата, – вполне справедливо съязвила моя чаечка, потуже запахивая лёгкое своё одеяние, в которое она куталась плотно, тщательно, как римский император в тогу...

– Неужели? Не может быть...Чтобы до такой степени? Это, наверное, очищение происходило. Последняя вспышка отпевания прошлого. Нужно, Кайра, нам отметить этот факт, как начало новой эры, йес? Где здесь внутренний телефон, звякну в буфет, всё доставят в номер...

Насчёт безалкогольных напитков Кайра моя, конечно, погорячилась; для прикола я заказал ей сидр, мне – кальвадос, а ещё к столу – президентский ужин: барабульку с артишоками и холодный шербет из шиповника, кизила, розы и лакрицы. «Мандарины не забудь!», – пропела из глубины лоджии Кайра... Логично! Время детское, всего лишь два часа ночи. Почему бы и не попить Адаму и Еве? Придётся, правда, не меньше часа ждать, пока нечто среднее между поздним ужином и ранним завтраком доставят...А-а, блин! Что мы, бедные? Гулять, так гулять, сегодня вся ночь наша, все сутки напролёт!

– А ты так и не понял насчёт Алекса?, – едва отдышавшись после новой нашей любовной схватки, поглаживала бокал с вином, как недавно поглаживала мои плечи, Кайра. Лепная вся, нагая моя богиня, подтянувшая под себя маленькие ступни и укутанная чуть ли не с головой в гостиничное махровое полотенце.

– Нет. А что? Думаю, они с Виолеттой в тесной... кгм духовной связи. Нет?

– Конечно, нет. И куда ты отправил его с Муратом, тоже не помнишь?

– Постой, паровоз, не стучите колёса...Что же – то я так с вечера набрался – то, а? На меня совсем не похоже...Куда я отправлял Мурата? Ну, помню, звонил ему...

– Вот! Он нас сюда в гостиницу и завёз, к брату своему, директору. Иначе бы этот «люкс» кто нам предоставил?

– Так. А потом?

– Потом Мурат откозырял вашему ...как там...благородию, высокородию... Вы же с ним изъясняетесь, как генерал с денщиком в Первую Империалистическую...

– Да это у нас прикол такой, неважно...И дальше что?

– Дальше он повёз Алекса по назначению...

– То есть?, – натужно морщил я лоб, не в силах понять смысл лукавой улыбки, скрытой в уголках полных губ Кайры .

– Тебе открытым текстом? Голубок наш Алекс свалил в постоянное своё мужское гнездовище под названием «Голубые горки». Гей, славяне!

– Ингибировать?

– Наверное... А, может, на литературный диспут. Он же специалист по Фрейду. А голубеобразных, я читала, триста видов, вообще...

Мы ржали так, что не удивились бы, услышав недовольный стук других гостиничных насельников по трубам водяного отопления... Слава богу, обошлось...

– Значит, Виолетта – грозный начальник отдела дознания? Ты у меня – академик. Ладно, ладно, не спорь, будешь академиком. Ни фигя себе, на луну нацелилась! Не хило? Да весь мир вздрогнет от твоих открытий, Кайрик, и не раз! А чем занимается Айна?

По-детски выпятив губки, Кайра с наслаждением потягивает из пластмассовой трубочки ледяной шербет – целительный контраст с пламенной постелью, которую нам ещё осваивать и осваивать...

– Айна? Интересная женщина. Смотри! Знаю её с детских лет, мы же все из одного города, в садик ходили вместе, учились в одной школе, встречаемся почти каждый год то здесь, то в Сочи... А расшифровать, кто она, что она, поверь, не могу. И бывший мой – росли-то в одном дворе – говорил то же самое. Мутная, мол, какая-то Айна...

– Да как же это? Странно... Такие близкие подруги.

– Да. Вот так. Она самая среди нас странная. Виолка открытая, как ветер: всегда прытью носится, ух, где, что, как, почему, сплошной порыв. А эта – нет. Тихоня. Но – так – только с виду. А по сути... Смотри: девчонка с красным дипломом заканчивает в Москве театральный. ГИТИС! Кстати, поступила туда без всякого блага, просто готовилась до посинения. Вуз закончила – снималась потом в трёх или в четырёх фильмах, приглянулась, представляешь, московской режиссуре и брали её даже без проб, в театр к этому, известному армяну...

– Армянину!

– Да, спасибо. Айна – она же и чеченка немножко. В семье сложная у них сложилась история, прямо сюжет для романа. Её папа – горец. В молодости её маму насильно в горы увёз, когда узнал, что она решила выйти замуж за другого, за русского. Удерживал в горах её несколько лет, пока она ему дочь и сына не родила. Жуть... Мама Айны даже зрение там почти полностью потеряла – всё из-за нервов. Айна? По-ихнему значит вроде как зеркальце, или светлый лучик, что-то так... Через суд, через адвокатов маленькую Айну матери всё-таки отдали, а сына папаша так и отсудил себе... Куда было маме Айны податься? Вернулась к родителям, в наш край... У Айны детки – близняшки, теперь взрослые уже мальчишки, муж военный. Живут они в Забайкалье, заведует она там то ли Домом офицеров, то ли каким-то домом народного творчества... что-то такое, точно не скажу. Виолка недавно гостила у неё, рассказывала, всё там прекрасно, дом – полная чаша, дача, машина, муж любит без памяти. Денег немеряно... Да ещё бы: супруг – полковник... Но она всё по Москве скучает. Страдает... Театры, кино, публика...

О чём-то ещё говорила мне Кайра, обнажая для поцелуя то наливные загорелые плечики, то шейку, пока вновь мы не опрокинулись в обжитой своей за короткое время альков, из которого так не хотелось выбираться на свет божий...

* * *

С высоты третьего этажа, если выйти на лоджию, прекрасно просматривались и манящие в путь зубчатые горы, и полный чудес, не до конца изведанный даже местными аборигенами парк, и все подходы к иллюминированной не хуже чем в Париже нескончаемой Набережной. Но подлинным чудом из чудес в не такой уж безмолвной ночи оставался никогда не спящий и ни в какое время суток не дремлющий красавец – фонтан. Сердце города? Пожалуй. Витиевато изгибались в полный рост, потом наполовину, затем совсем чуть-чуть разноцветные струи, красочно подсвеченные прожекторами. В едином ритме с

ними музыкально сопровождали каждый всплеск воды то ария Каварадосси, то лихо атакующий сплин, скуку, тоску огненный «Танец с саблями» Хачатуряна... И увлекательно звучали угадываемые по первым же тактам отрывки из обрывков популярных песен советских композиторов... Идиллия! И – вдруг!

«Вдруг арию Тоски из оперы «Тоска» какой-то чуваш затянул по-эстонски», – вспомнилась мне шутивная эпиграмма, когда я услышал снизу, чуть ли не из-под земли. Это был крик души невидимого Ромео, его слёзная просьба к бодрствующей, видимо, Джульетте, немедленно явить свой лик на балкончике. Немедленно! Ауген блик! Без промедления! Молниеносно!

Ах, юнга! Ты не оригинален... Кому из нас не припекало в такие же, как у тебя, отроческие годы точно так же – посреди ночи, немедленно, страстно, кровь из носа, и пусть погибнет вся Вселенная, и пятнадцать человек на сундук мертвеца! – но увидеть свою мадонну, услышать голос её, увлечь в свои объятия – до хруста, до потери пульса, до изнеможения. Так некогда любил и я...

В глубине люкса, накинув белоснежное махровое полотенце на плечи, высится в лунном сиянии, оценивая меня всё понимающими глазами, прекрасная женщина Кайра. Бриллиант, который я знаю один только вечер и все сто последних лет! Чеховская Нина Заречная? Жаждающая тепла и любви, верная и преданная Чайка. И я, идя навстречу ей, знаю, что сейчас скажу. Что пообещаю – без обмана! Мысли немного путаются. Рождаются не совсем связные слова и фразы. Но я понимаю одно.

Прозренье, как и вдохновенье, накатывает вдруг, без стука и без предупреждения. И ты понимаешь, что это – любовь. А любовь – это хлеб на двоих, который нельзя воровать друг у друга, отщипывая уголки. Вообще без хлеба жить можно, только худо без него жить. И пусть будет сделан в жизни один – только один – глубокий и честный замес общего каравая, но такой, чтобы без фальши и малейшего обмана, чтобы раз – и навсегда.

С первого раза – я в этом не одинок – у меня не получилось. И у Кайры, как я понимаю, не получилось. «На божьем промысле любви бывают выстрелы пустые»... А теперь, – спросил бы я у мудрой – премудрой символистки Зинаиды Гишпиус, родившей эти строки, получится? А?

– АААААААААААА! – согласно отвечает мне такое далёкое и такое близкое горное эхо. И улыбается мне, Кайре, всему человечеству добрая жёлтая коврига – Луна.

И со стороны Фонтана приглушённо доносится узнаваемый голос любимой певицы: «Улыбнулась грустно луна, это были именно он и она!». Что ещё искать?

Евстахий НАЧАС

«Жила и жить веками будет Русь...»!

Стихи

* * *

Какие б ветры в небе не трубили,
какие б птицы не стучали в дверь –
на Западе Россию не любили,
а многие не любят и теперь.

За то, что её дали необъятны,
что счастлива в дворцах и в шалашах,
что до сих пор осталась непонятой
загадочная русская душа.

За то, что строит храмы, верит Богу,
за то, что песни грустные поёт,
за то, что обрела свою дорогу
и никому её не отдаёт.

России Запад снова досаждают
со всех возможных для него сторон:
послушные режимы насаждает,
где русофобия всесильна, как закон.

АнтиРоссия на Днепре возводится,
я не за Волгу, я за Днепр боюсь –
издревле под Покровом Богородицы
жила и жить веками будет Русь!

* * *

Я не смогу поехать в Сан-Марино,
чтоб на людей премудрых поглядеть,
которые с российской вакциной
смогли COVID коварный одолеть.

Они спокойны за себя и близких,
ни улиц не боятся, ни квартир,
издалека я кланяюсь им низко –
на смелых людях держится наш мир.

На честных, и на добрых, и на умных,
что выбрали себе наш «Спутник-V»,
а в наших буднях солнечных и лунных
есть ниша для надежды и любви.

Пандемия, боли и печали,
как и всё – послание небес...
А в США вакцину не признали,
как не признали власти и ЕС!

* * *

Камиле Валиевой

Не плачь, Камила, девочка, не надо –
твои слезинки души наши жгут...
Большие олимпийские награды
тебя четыре года подождут.

Расти, голубка, тренируй и нервы,
а ты умеешь это, видит Бог.
Ещё немало раз ты будешь первой,
жаль, МОК тебе в Пекине не помог.

И ты прости чужих отцов и дедов,
и всех мастей чиновников прости,
которые пытались до победы,
как Золушку на бал, не допустить.

И задавали хитрые вопросы,
чтобы услышать нужный им ответ,
но ты держалась стойко на допросах,
а ведь тебе всего пятнадцать лет.

До четырёх утра ты не смыкала
своих загадочных и добрых глаз,
и оттого ещё роднее стала
для всей страны, для каждого из нас.

Не плачь, не плачь, ты умница, Камила,
тебя такую мама родила,
ведь ты в те дни коварство победила
и никого ничуть не подвела.

Забудь функционерские преграды,
храни сердечко чистое в груди,
а все твои великие награды,
триумфы все и слава – впереди!

* * *

Светлане Степановне Ильчук

Выгорают на солнце полтавские степи,
а в подольских низинах клубится туман,
отражали нас часто и Ворскла, и Стрепа,
гул днепровских порогов звучал, как орган.

Подарили мне годы судьбу, как подкову,
ей с женою, с роднёю и с миром делюсь,
и за это я кланяюсь низко Тамбову,
на кресты его храмов старинных молюсь.

Вы ведь тоже, как я, очарованы Цною,
но крещённые были днепровской водой,
вы искусством своим поделились со мною,
память нас, как всегда, увлекла за собой.

Мама крестиком тоже моя вышивала,
и меня удивлял рушниковый узор,
рукодельниц таких на селе было мало,
а таки же, как вы, не встречал до сих пор.

Подарили Вы мне и не просто картину,
там портрет Кобзаря, и не в профиль – анфас.
Как печально он смотрит на всю Украину
и с какою надеждой смотрит на нас!

* * *

Мы между небом и землёй зависли
на срок, который нам отмерил Бог,
от бурь магнитных многие зависимы,
и все всю жизнь зависим от дорог.

По ним мы ходим в зной и в непогоду,
мы топчем снег, и грязь, и пыль-золу,
они ведут в любое время года
и к городу, и к тихому селу.

Дороги – и пошире, и поуже –
несут нас вдаль на разных скоростях,
и нас они не путают – то души
в погожий день блуждают, как впотьмах.

Блуждаем, заблуждаемся, по сути
в движенье вечном мы всегда живём.
Дороги наши – это наши судьбы,
не просто лишь асфальт иль чернозём.

На этом свете их у Бога много,
и каждый выбирает, где свернуть.
Молюсь ему, чтоб наши две дороги
в заветный час слились в единый путь.

Михаил ПОЗДНЯКОВ

Две сестры – Беларусь и Россия

Стихи

Беларусь и Россия

Есть названия извечно святые,
В каждой буковке – искры любви...
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими – лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах – вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них – непокой.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали годы лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры – Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны – Беларусь и Россия,

Две руки...
Две любви...
Две сестры...

Забродье

Рассвет пичугой синекрылой
Плывёт и будит край родной,
Где золотой небесной силой
Налита тучка надо мной.

Здесь рос алмазная прозрачность,
Садов пьянящий аромат...
Я дома... Я совсем не дачник...
Я новому свиданью рад...

Тропинкой пробегу до луга,
Чтоб окунуться в новый день.
Знакомо все в родной округе –
Калитки... Лавочки... Плетень...

И если в жизни что-то значу –
Лишь потому, что ты со мной.
Стою... И тихо-тихо плачу
Среди деревни неживой.

* * *

Родная хата... Ветер воет...
Упали ставни на траву.
Никто мне двери не откроет...
Кого, кого я здесь зову?

Всё пусто... Тут и по соседству,
Где был весёлый тарарам.
Я в дом вхожу, как будто в детство,
И сам себя встречаю там.

Мальчишка той поры далёкой
Глядит, рубаху теребя,
Не понимая – ненароком
Он встретил взрослого себя.

И всё гляжу довольным взглядом
На непослушные вихры.
Мне хорошо с мальчишкой рядом,
Мы оба – юны и быстры.

И лишь боюсь ему признаться,
Что после пройденных дорог
Вихры, увы, не сохранятся...
И маму я не уберёг.

Отцовский сад

Сад отцовский... Как тихо...
По две яблоньки в ряд...
Но молчит воробьяха,
И деревья молчат.

Приунывшие груши
Без гостинцев своих.
А бывало – за уши
Не оттянешь от них.

Сливы высохли, вишни...
Сад крапивой зарос.
Почему же так вышло? –
Всем вопросам вопрос.

Поспешаем куда-то,
Ищем новых путей.
Нет осеннего злата
Ничего золотей!..

И когда полпланеты
Облететь ты успел.
Просто вспомни, что где-то
Отчий сад опустел...

* * *

На могилу я к маме приехал,
Вновь тропинками детства брожу,
Вспоминаю умолкшее эхо
И в глаза забудок гляжу.

Мне и больно, и горько, и грустно
Знать, что даже в родимом краю
По-чернобыльски всё-таки пусто,
Будто проклял кто землю мою.

Рву ромашку и впрямь золотую,
С клёна падает лист на траву...
Вспоминаю здесь маму живую,
Улыбаюсь я ей – и живу.

3-го июля

Разливается солнечный свет
Миллионами радостных струй.
Шлю тебе свой сердечный привет,
Наш ликующий, светлый Июль.

Беларусь благодарна тебе,
Что победным тем, солнечным днём
Стал спасительным в нашей судьбе
И счастливым овеял теплом.

Вместе с солнцем с востока принёс
Избавленье от дикой чумы,
Мир, желанный народу до слёз,
Подарил после адовой тьмы.

Я любимой страной горжусь,
Как и надобно всем сыновьям.
Расцветай и живи, Беларусь,
Я в обиду тебя не отдам.

Ветераны Великой Отечественной

Вот они, принесшие Победу
В сорок пятом праведном году, –
Гордые, подтянутые деды, –
По проспекту минскому идут.

Вот они шагают легендарно,
Ордена лучатся и звенят.
И встречают люди благодарно
Славою овеянных солдат.

Одолев свинцовые метели,
Возвратив на Родину Весну,
Адовым трудом они успели
Из руин поднять свою страну.

Сколько возвели и сотворили!
Целину освоили, Сибирь...
И дорогу к звёздам проторили,
Счастьем удивляя целый мир.

Только вот, когда уж постарели,
Многих потеряли из рядов,
Уберечь Отчизну не сумели
От иных «заботливых» врагов,

Сохранить народное богатство,
Всё в него вложившие сполна,
И семьи народов вольных братство...
Только разве в этом их вина?

Разве к ним прислушались громилы,
Жалкие политики теперь,
Когда шайкой подлою кроили
На куски живой СССР?..

Вот идут – в глазах за тенью грусти
Всё ж надежды светится печать:
Возродится, может, с Беларуси
Родина Великая опять?..

Вот они в века проходят рядом...
Мало их, и тем уж сколько жить?..
И награды звонче им не надо –
Той, что их Победы не убить.

На государственной границе

Ночь на заставе брестской. Мне не спится...
И пуца Беловежская не спит...
Ах, знали б вы, что на душе творится –
Со мною наша Память говорит.

Встают бойцы, погибшие когда-то,
Проходят молча предо мной в строю...
Они в бою не дрогнули и свято
Любили мир и Родину свою.

Мне боль потерь окутывает сердце,
И гордости тесно в груди моей...
И понимаю я, что нет на свете смерти...
И ничего Отчизны нет родней...

Я благодарно всматриваюсь в лица:
Фомин вот, Кижеватов, Сивачёв...
Как подобает, встретила граница
В том сорок первом огненном врагов.

Идут, идут бессмертные солдаты,
В глазах – отвага, радость, жажда жить...
Да, не имеем права мы, ребята,
О подвиге их праведном забыть.

Да, не имеем права поступиться
Любовью беззаветной их к стране,
И потому сегодня на границе
Не спится этой тихой ночью мне.

Иван АСВАЛЬД

«Записки у блиндажа»

Предисловие от матери

С 2014 года для всех людей Донбасса праздники 23 февраля и 9 мая стали особенными, ожили в личных судьбах. Война, фронт, наступление, победа – теперь не просто слова, а часть жизни и личного опыта. На День Победы в Бессмертном полку идут люди не только с фотографиями дедов, воевавших в Великую Отечественную войну, но и с фотографиями отцов, братьев, сыновей, погибших в Донбассе.

В 2022 году, после 8 лет войны, «ожесточённого перемирия» минских соглашений, непрерывных потерь и отчаяния, «наконец-то нам дали приказ наступать, отнимать наши пяди и крохи»!

За три дня до дня Z, 21 февраля 2022 года, мой сын Иван, студент второго курса факультета изобразительного искусства Академии Матусовского был мобилизован. Поначалу, почти месяц, связи с ним не было. Первую весточку я получила от старлея его полка, который попал в госпиталь в Луганске. Позывной у старлея был знатный – Колыван. Колыван показал мне блокнот, в котором бойцы, служившие в 208 полку, черкнули по несколько строк своим родным. Была там весточка и от моего Ивана.

Вскоре мне удалось передать ему на фронт передачу, и среди прочих вещей также блокнот. Блокнот вернулся ко мне 10 мая 2022 года весь исписанный, с рисунками, и даже с первыми цветами, приклеенными скотчем. Так в моей литературной жизни ожил жанр фронтового дневника. Я старательно набрала ванькины «Записки у блиндажа» и его стихи, которые немного отредактировала. Оставила также милую подпись «Аболтус».

В начале блокнота я написала Ивану стихи, которые уже стали песней.

Фронтовой дневник XXI века

23 марта

Вернусь с победой

Родные, ждите, мы придём с Победой!
Как только мы очистим нашу Русь,
Взовьётся русский флаг над белым светом.
И я вернусь, и я к тебе вернусь!
Со мною мосинка, со мною Бог и Правда,
Твоя молитва, мама, будто щит,
Но крови нашей пролито изрядно,
И враг ещё кусает и шипит!
Ты ждёшь меня! Но мы придем обратно,
Когда он будет полностью разбит!

30 марта 2022

Знаешь, мама, я, наверное, скучаю по дому и мечтаю вернуться к тебе. Во сне я вижу ваши лица: сестру, тебя, дедушку с бабушкой и даже Уголька. Ваши письма согрели меня и вызвали слезу. Но настроение боевое, в свободное время пишу стихи и рисую. Сейчас сижу в лесу под Рубежным. За время службы накопилось много историй. Я знаю, что когда мы будем дома, мы загуляем. Враг отчаянно сопротивляется. Много кто заболел, есть 200-е и 300-е. Но силу духа нашего полка не сломить. С любовью, твой Аболтус.

* * *

Хутор – классный парень. Вчера с ним проговорили до ночи. Я чуток приболел. А он лечит нас периодически :) Обязательно схожу с ним в бар. Дядька он добрый, хотя может скрутить врага в бараний рог. Он рассказывал много о поверьях и языческих обрядах Руси.

Ночью, как и вчера, на укропов падал дождик с градом. Пошло потепление, и появились мошки и жуки.

Первый марш-бросок

Лесом тёмным-тёмным
Шёл наш батальон,
Вдали за терриконом
Родной остался дом.
Отвела молитва

Смерть куда-то в бок...
До сих пор мне снится
Первый марш-бросок.

Война случилась с нами

Мы в снегах лежали,
Мины в небе выли,
Слёзы набежали
На щеках застыли...
Голова покрылась
Седыми волосами.
Что случилось с нами?
Война случилась с нами!

Ангел-хранитель

Ангел-хранитель –
Ты моя броня,
Пусть осколки мимо
Пронесутся, звеня.
Мины разрываясь,
Обойдут ребят,
И снаряды гаубиц
Не тронут, пролетят.
Мощный, будто сушка!
Белое крыло!
Мне с тобой, братушка,
Пожалуй, повезло!

Дракон Донбасса

Не буди дракона –
Стража Террикона!
Если он проснётся,
Степь огнём зальётся.
Тебе к родному дому
Вернуться не придётся.

Не буди дракона –
Стража Террикона!
Только нам покорен,
И нас он защитит.
Кто пришёл с войною,
Кто пришёл с раздором,
Тех огненной волною
Он испепелит!

31 марта 2022

Мама, ваши письма были написаны в мой второй день рождения. В День Святого Патрика, 18 марта, я был на побывке, а наш блиндаж разворотила мина. Вот что значит удача!

В тот же день госпитализировали Эймунда: он простудил троичный нерв. А через пару дней, 20 марта, я принял боевое крещение. Мы выносили раненых после того как нас обстреляли! Боженька бережёт! А теперь наша очередь дарить дождик с градом.

PS. Целую всех.

1 апреля 2022

Сегодня будем покидать наши позиции, двигаться вперёд, опять копать. Говорят, Лисичанск и Север так просто не взять. Враг очень хорошо укрепился. По ночам слышен гул техники и видно зарево. Наши славно работают!

Большую часть стою на посту, рисую, пишу и очень скучаю. В воскресенье поеду в село на побывку в баньку. Леса тут, мам, очень красивые. Эх, если бы не война...

5 апреля 2022

Первые цветы.

На новых позициях уже окопались. Видно лисичанские горы.

Занесли меня в наградные списки.

Укры рядом, но ночью и днём им дарят град и огонь. Постоянно начеку, чтобы встретить гостей.

7 апреля 2022

Времени рисовать и писать стихи всё меньше. Возможно продвижение вперёд. Можно сказать, что сейчас мы блиндажные войска. Чуток подводит здоровье, а так всё хорошо. Только тревожно и зуб болит, но я думаю, прорвёмся. До Северодонецка и Лисичанска рукой подать, но укрупы хорошо окопались и выпускают ДРГ. Но я думаю, им это не поможет.

9 апреля 2022

Ваша посылка дошла, и теперь я ещё тот воин... Связи с вами нет. Симка бракованная.

Лютый, дикий лесоруб, забашил буржуйку. Кофейничаем.

Ночью летают птички и слышны выстрелы. Ходил на дальний рубеж.

В Севере взорвали завод, виден розовый дым. А так дарим укропам дождь с градом.

С любовью, твой Аболтус.

12 апреля 2022

Всё ещё в лесу. Ночью бьём укропов. Времени писать и рисовать мало, постоянно на посту или бегаю по поручениям. Впервые за долгое время связался со своими. На душе легче.

Видел на видео, как укропы издеваются над пленными. Твари!

17 апреля 2022

Болят зубы, а так здоров. Встретился я позавчера с Эймундом. Лес стал родным домом. Пытаюсь писать и рисовать. Моё творчество всем нравится.

Возможно, станем комендачами.

Наши щемят укропов днём и ночью.

19 апреля 2022

Я не жалею, но честно, эта война уже достала. Узнаю про некоторых трусов и уклонистов из ряда моих знакомых, мерзко. А ещё накопилось много дел дома.

Как же война меняет приоритеты.

21 апреля 2022

Вчера мы ушли из леса. Война учит не откладывать времени на потом. Нужно всё делать сразу, потому что можешь не успеть. Сегодня доделывал набросок боевого товарища, которого больше нет. Горько терять камрадов. Но это война, ничего не изменишь.

Сегодня он, а завтра, может быть, мы.

23 апреля 2022

Что может быть приятнее, чем быть среди своих друзей и братьев? После долгой отлучки Лёша сегодня играл на пианино. Живая музыка завораживает.

Многих из нас кинули в 7-ю бригаду. Это мог быть и я.

24 апреля 2022

Поздравляю со святой Пасхой!

Нас переводят в Комендатуру. Казаки-комендачи, звучит забавно. Горестно, что отрывают от родного полка, но Казак подбодрил речью. Честно говоря, мне было спокойнее в лесу. Переводят нас в ДНР на Красный Лиман. Работа комендачом имеет свой шарм и свою специфику.

25 апреля 2022

Ну, родные мои, теперь я в военной полиции. Дедушка, можешь не учить меня технике безопасности, я уже опытен. Моя решимость не сломлена, сердце наполняет ярость и желание отомстить мерзавцам. Обстановка жаркая. Попали под обстрел. Есть 300-е. Но мы держимся, и всё у нас хорошо. Единственно, что печалит, нечем жахнуть по ним. Люблю вас всех и скучаю бескрайне. Благодарен вам за поддержку. Надеюсь, скоро увидимся и отпразднуем победу. С любовью, ваш Аболтус.

26 апреля 2022

Прибыли на месторасположение. Увидел россиян. Приятные ребята. Их очень удивили наши моськи. (моська – винтовка Мосина) :)

Нашёл трофейную словацкую кепку.

Наши давят укропов.

1 мая 2022

Наши под обстрелом опять. От взвода осталось 10 человек. Остальные 300-е. Хочется отомстить этим мразям. Били нас с миномётов и градов. По всей видимости, нас заложили местные... Признались в своих деяниях. Надеюсь, они получают по заслугам.

3 мая 2022

Пишу под звуки прилётов. Вчера ночью били укропы фосфором, ужасающее зрелище.

Прилёты по нам стали обыденностью. Уже почти не страшно, «если суждено, то суждено». А всё благодаря местным проукропам, навели они на нас грады.

Забавный факт: свист чайника теперь заставляет прятаться.

Страниц дневника осталось совсем мало, поэтому шлю его вам, мои родные и дорогие! Жду новый блокнотик, чтобы радовать вас стихами и рисунками.

Ждите с победой.

Ваш мятежник :)

Мы обязательно встретимся!

Юрий КОВАЛЬЧУК

Знает только ковыль

Новелла

Санька проснулся до рассвета и мигом оделся. Потом на цыпочках прокрался к входной двери и, мучительно ожидая предательского скрипа, выскользнул из дома. До восхода солнца было ещё далеко. Пронзительно пискнула птица; звякнула цепью беспородная «Дора» в будке. Санька скользкой тенью метнулся к забору и одним рывком перескочил его. Кроссовки застучали по лунной пыли, оставляя космические следы. Пробежав несколько кварталов, мальчик скатился в овраг и остановился, переводя дух, в условленном месте. Скоро появились его товарищи – Валик и Егор.

Егор, самый старший в компании, коротко поздоровался и кивком головы позвал ребят за собой. Троица молча двинулась сквозь предрассветные сумерки прочь от посёлка в степь. Извилистая тропинка петляла между холмов и терриконов, вела их вглубь бескрайнего дикого поля. Задумчиво кивала жёлтыми головками пижма; струился в холодных струях воздуха ковыль.

Мальчики шли быстро и сосредоточено. Неутомимые, крылатые детские ноги равномерно отмеряли путь, шаг за шагом приближая их к цели. Их преследовало солнце, яростным желтком поднимающееся из недр травяного моря. Вскоре впереди показались утопающие в зелени ряды дачных домиков. Ребята с удвоенной энергией устремились к ним.

Поначалу контуры дачного посёлка ничем не отличались от привычного уюта «фазенд», на которых так любят копаться в земле обыватели советской закалки. Скромные одноэтажные, изредка двухэтажные домики, хозяйственные постройки, раскидистые абрикосы и черешни, заросли смородины и малинники. Однако чем ближе мальчики подходили к дачам и чем ярче освещало посёлок солнце, тем лучше становилось видно, что ветви деревьев бессильно висят, подрезанные осколками и картечью. Окна домов зияли чёрными беззубыми ртами; крыши во многих местах были пробиты снарядами, а кое-где на стенах виднелись

следы плевков артиллерии, как будто кто-то грыз кирпичные стены. Местами сквозь зелень чернели сгоревшие домишки.

Группа клином, с Егором впереди, врезалась в сонный покой дачного посёлка, остановилась, чтобы перевести дух и нарвать вишни, щедро облепившей дерево, расколотое пополам разорвавшимся снарядом.

– Уже светло. Идти будем друг другу в затылок и очень осторожно. Ни влево, ни вправо не отходите. Смотрите под ноги – дядька говорил, что тут полно неразорвавшихся снарядов, а может, даже мин или растяжек. Надо идти осторожно.

Егор сурово шмыгнул носом и присел, чтобы потуже завязать шнурки. Серьёзность его голоса заставила Валика и Саньку собраться. Ребята передохнули, а потом двинулись гуськом по обманчиво мирной улице.

Дачный посёлок был небольшой, и вскоре дети вновь нырнули в разнотравье донбасской степи, мерно выбивая ногами в лёгких кроссовках пыль из забытой тропинки. Степь просыпалась; становилось жарко. Тягучей патокой жужжали в травах насекомые, весело переговаривались птицы. Стремглав ускакал вдаль спугнутый шагами детей заяц; заскрежетал в путанице растений фазан. В степи неясно было, что светит ярче – солнце или безоблачное синее небо.

Чем дальше уходили мальчишки в степь, тем тише становилось. Умолкли птицы, давно не слышно было далёкого гула проснувшихся машин. Только насекомые продолжали жужжать вокруг и ветер едва слышно скользил, волнуя блекло-жёлтые волны ковыля. Тишина угнетала. Егор насупился; его друзья стали торжественно-сосредоточенными.

Вскоре тропинка вывела их на огромную проплешину горелой травы. Мальчишки пошли ещё осторожнее, с ужасом и восторгом осматривая панораму ада, бушевавшего недавно в степи. Неподалёку посреди огромного пятна чернели сгоревшие полевые кухни. Рядом россыпью ржавели банки из-под консервированной тушёнки; среди них желтели потрескавшиеся обгоревшие кости. Ребята их не заметили.

В капонирах дохлой коровой гнил взорванный танк. Рядом размотанными цепями гусениц скончался ещё один – его башня валялась в нескольких метрах в стороне. Пегие от ржавчины остовы армейских грузовиков так и остались стоять там, где они дожидались эвакуации пехоты. Повсюду виднелись воронки, изогнутые куски металла и осколки снарядов.

Дети осторожно пробирались сквозь кладбище сгоревшей техники. Озирались, преисполненные леденящего душу благоговения. Присмотревшись, Санька вдруг осознал, что белеющие в куче горелого хлама камешки – это человеческие кости, и тут же, как это бывает, если долго рассматривать головоломку, всё прояснилось, и он понял, что выгоревшая поляна усеяна останками. С трудом сглотнув подступивший к горлу тошнотворный комок, он стал смотреть в спину Егору.

Пройдя сквозь мемориал уничтоженной техники, мальчишки оказались

перед пригорком, изрытым воронками от снарядов. Его плоть была изъедена старательно выдолбленными в сланце окопами, практически полностью засыпанными артиллерийским обстрелом. Повсюду валялись хвостовики от ракет «Града» и какие-то лохмотья. По всему было видно, что анонимные ракетчики поработали тут на славу, тщательно перекопав каждый метр холма.

Егор поглядел на циферблат наручных часов и удовлетворённо кивнул.

– Мы вовремя. Сейчас должно начаться. Дядька рассказывал, что они с 7 утра обычно начинают. Надо тихо пройти и послушать. Их тут должно быть много. Смотрите внимательно под ноги.

Ребята рассредоточились и принялись бродить по холму, то с трудом выбираясь из полузасыпанных окопов, то взбираясь на холмики измельчённой породы. Санька невнимательно глядел под ноги. Ему уже было тошнотворно от этого места и хотелось лишь одного – как можно скорее оказаться подальше от выгоревшей степи с обугленными, безжизненными стволами растений. Впереди из земли, как гриб, вертикально торчал ботинок. Санька, походя, пнул его, но тот не пошевелился. Машинально он наклонился и подёргал за ботинок рукой, но тот не поддавался. Санька пошёл дальше.

Вдруг его внимание привлёк какой-то гул. Оживившись, мальчик пошёл на звук – он доносился из пригорка неподалёку. Опустившись на колени, Санька стал шарить в пыли руками и вскоре извлёк из комков породы и осколков сланца дешёвенький мобильный с поцарапанным экраном. Как только он достал телефон, тот прекратил звонить, но в этот миг приглушённое жужжание вибровонка стало доноситься из соседнего окопа. Потом ещё откуда-то дальше.

Послышался торжествующий вскрик Егора. Санька сунул пыльный телефон в карман, поднялся с колен и, найдя глазами товарища, подбежал к нему.

Егор был занят. В руках он держал обгорелую человеческую кисть, сжимающую большую и плоскую шайбу смартфона. Егор, что есть сил, пытался вырвать чудом уцелевший – даже не поцарапанный – телефон из мёртвой хватки его владельца, но разжать пальцы не удавалось. За его потугами завороженно следил Валик, успевший уже разжиться трофейным средством связи.

Егор схватил одной рукой телефон, а второй кисть руки и сильно потянул их в разные стороны. Раздался противный и какой-то сырой звук и человеческая плоть отделилась от мобильного, оставив только небольшой кусок кожи на его поверхности. Санька отвернулся. Его стошнило. Где-то рядом из-под земли занял ещё один телефон. За ним ещё один.

Егор ногтем содрал кожу с экрана смартфона и вытер пальцы о штанину.

– Вот это да! Это же дорогущая вещь! У моего дядьки и то дешевле!

Валик и Егор с интересом рассматривали устройство, и даже Санька подошёл поближе. Егор пытался включить телефон, но ему это не удавалось. Вокруг назойливо жужжали похороненные мобильные. Внезапно экран загорелся, и из темноты чёрного зеркала как будто выпрыгнуло гротескное женское лицо, а из динамика заревел гимн Украины.

От неожиданности Санька подпрыгнул, а Егор уронил телефон в пыль,

но тут же поднял его снова. Звонок прервался, чтобы начаться вновь. Егор с раздражением сбросил его, но украинский гимн тут же снова поплыл над степью. Теперь мальчик искал, как выключить мобильный, но ему это не удавалось, а незнакомое женское лицо, окаймлённое гимном усопшей страны, вновь и вновь тошнотворно взывало к степному безмолвию.

– Ответь ей или выключи, – занервничал Санька.

– Да, хватит уже! – поддержал его Валик.

Егор, сопя, продолжал бороться с незнакомым ему устройством и, наконец, в пароксизме раздражения нажал на зелёную трубку, поднёс телефон к уху и резко выдохнул: «Что?».

На миг телефон умолк, а потом разразился смесью рыданий и невнятного бормотания. Потом (вероятно, трубку взял кто-то другой) раздался мужской голос.

– Васыль!? Васыль!? Цэ ты? Ты дэ? Не могу до Пэтра дозвонитись. Шо там в вас коэться?

Мужской голос опять исчез, сменившись отвратительным бабьим воем и причитаниями, потом мужчина снова вернулся.

– Васыль, що там в тэбэ?

Санька вопросительно посмотрел на Егора, а тот недобро ухмыльнулся и отчётливо проговорил в микрофон.

– Пипец твоему Васылю. И Петру тоже пипец.

Неосвязаемый канал связи налился почти ощутимым, желеобразным молчанием.

– Шо ти кажешь? Ты хто? – как-то беспомощно проговорил мужской голос. За ним нарастал жуткий нутряной вой.

– Говорю же, полный пипец им. Не понял что ли? Поехали твои сепаров пострелять, да вот теперь тут валяются. По частям. Могу руку прислать, если хочешь. А лучше сам приезжай. И тебе место есть. Руку для тебя оставлю – потом заберёшь.

Глаза Егора сверкали; он почти шипел.

– Вы ж думали вы тут нас всех сразу нахрапом возьмёте, так хрен вам, суки!

– Хлопче, шо ты такэ кажешь? – умолял голос в мобильном, но Егор что есть силы хватил телефон о землю и для верности несколько раз впечатал его ногой.

Он тяжело дышал. Валик отсутствующе смотрел в сторону. Санька беспомощно икнул.

– Укропы скрёбанные! – выдохнул Егор и попытался сплюнуть, но у него пересохло в горле. Он достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой и отхлебнул несколько раз, потом передал бутылку икающему Саньке.

– Чего встали? Вон, слышите, сколько их там звонит? Давайте собирать, и домой быстрее. Мне ещё сегодня надо отцу дома помочь.

Мальчики молча разбрелись по могильнику, старательно прислушиваясь к жужжанию телефонов под землёй.

Владимир АБРОСИМОВ

С добрым утром, Восток златотканый!

Стихи

Самостоятельные

Как прожить, чтоб судьбу сторожить? –
Сделать выбор порою непросто.
Поучая, как правильно жить,
Я ворчу на детей своих взрослых:

«Что посеешь, то и пожнёшь, –
Догадаться об этом нетрудно.
Э-хе-хе, молодёжь, молодёжь,
Легкомысленны вы, безрассудны».

Но, похоже, стараюсь я зря,
Им не нужен мой жизненный опыт.
И они мне в ответ говорят:
«Сам-то бабушку слушал? – То-то».

Я пытаюсь дать внучке совет,
Наперёд зная, что она скажет:
«Я сама. Мне уж вот сколько лет!»
И на пальчиках возраст покажет.

Прятки

С внучкой мы играли в прятки.
Чтобы знать, кому водить,
Посчитались для порядка.
Вышло мне – тому и быть.

Я подумал: «Вот, хитрюшка,
Обманула, так и знал».
И, уткнув лицо в подушку,
До пятнадцати считал.

А потом везде проверил:
Кухню, ванную, буфет, –
Под столом и в шифоньере,
И за креслом её нет.

Неужель на антресоли
Забралась и ни гугу?
Целый час искать мне что ли –
Я так долго не могу.

Нет за шторой у окошка.
Надоело мне, устал.
И, решив схитрить немножко,
Рассуждать я громко стал:

«Посмотрю-ка за диваном,
Где у нас живёт сверчок».
Испугалась тут Диана,
Ей слышалось: зверьчок.

Молча шасть из-за кровати,
Вон из спальни, лбом о дверь...
Я ни в чём не виноватый.
И сверчок... Какой он зверь?

Спорить с внучкою и с бабкой
Бесполезно: «Виноват!!!»...
Я – в ларёк. За шоколадкой,
Жвачку взял и лимонад...

Про Матвея

Осень. Липкий чернозём.
Мокро. Скользко. Топко.
С внуком мы едва «ползём»
Вдоль заборов тропкой.

«Дед, за мной ты плиходи-и-и», –
Сам звонил. Досужий.
Я в ответ: «В окно гляди.
Дождь, сплошные лужи».

Убеждал и так и сяк:
«В другой раз, дружище!..»
Вот, идём... Гусей косяк
В красных голенищах.

Шеи тянут, го-го-го...
Гусь – такая птица, –
Он в деревне никого
Вовсе не боится.

А вожак-то на-а-глый их, –
Чуть не с внука ростом...
За меня Матвейка шмыг, –
Смелым быть непросто.

Рассудил он делово:
«Не дай бог, укусит».
Я внучка-то своего
Не корю, что трусит.

Подрастёт и уж потом
Ждут его победы.
Стать он хочет моряком,
Подражая деду.

Про Полину

Алым соком налилась малина,
Зазывает, манит в огород.
Собираем ягоды с Полиной,
Я в кастрюлю, Поля – чаще в рот.

Озорная, бойкая девчонка –
Внучка непоседа, егоза.
Сердцу милы чистый голос звонкий
И враспах искристые глаза.

Внучка лазит меж кустами ловко,
Там листва в невысохшей росе.
Заблудилась божия коровка
В Полиной распущенной косе.

Благодать и умиротворение.
Бабка начищает медный таз...
Пить чаёк с малиновым вареньем
От простуды будет в самый раз.

С добрым утром...

С добрым утром, Восток златотканый,
Пруд заросший, где нет суеты,
И камыш прошлогодний янтарный,
Что добавил в пейзаж красоты.

И росинки – в жемчужные капли
Превратил вас волшебный рассвет.
«Наше – вам, грациозные цапли.
Белокрылые чайки, привет!»

Словно модницы – гибкие ивы,
Лишь едва встrepенулись от сна,
В пруд глядятся – насколько красивы.
Да, красивы, кругом же весна!

* * *

Хороши весенние рассветы:
Неба синь, а тишь – ни ветерка.
Наигрался он вчера и где-то
Отдыхает в мягких облаках.

И алмазами горит, сверкает
На траве обильная роса.
На календаре – начало мая,
И была уж первая гроза.

На пруду, что с огородом рядом,
В зарослях густого ивняка,
Щелкал соловей не очень рьяно –
Видно, тренируется пока.

Вышел в сад и чудный звук услышал:
Сбоку, сверху – он со всех сторон –
Это пчелки облетают вишни,
Издавая мелодичный звон.

Мимо шмель, он как-то басовито
Прожужжал неспешно стороной.
Иль на пчёл за что-то был сердитый,
Иль характер у него такой.

Делают ремонт в своей скворечне
Шустрые, чернявые скворцы.
Самочка проворнее, конечно,
Ах, да ладно, оба молодцы!

День удастся, по всему, прекрасный,
Надо б выезжать на огород...
Чтоб тебя! Аж напугал горластый
Кочет драный... И чего орёт?

Всем весна заботы прибавляет.
Хорошо, коль есть что прибавлять.
Вон, сосед кобылу запрягает,
Ну, пойду... картошку нам сажать.

Бабье лето

Убирались в огородах-
Торопились до дождей.
Но добавила природа
Две недели ясных дней.

Паутинкой осень вяжет
Кружева за рядом ряд.
«Богородицина пряжа» –
Так старушки говорят.

На краю села рябина.
В раскудрявом парике
спелы ягоды-рубины
Полыхают. Вдалеке,

За околицею нашей
Порыжевшие луга,
На краю у чёрных пашен
Золотистые стога.

У болота круг осинок –
Яркий, пёстрый хоровод.
Удивительно красиво
Бабье лето в этот год.

Зимний вечер

Из углов, подпечья,
Рощи да низины
В избу вкрался вечер,
Вечер ранний, зимний.

Кроткий свет мерцает
Перед образами.
Ходики мигают
Хитрыми глазами.

Спит у печки кошка.
Пахнет тёплым хлебом.
Подойду к окошку,
Подивлюсь на небо.

Смотрят в душу, манят
Звёзды в бесконечность,
Где хранится тайна,
Где мгновенье-вечность.

Спит моя деревня
В колыбели снежной.
Месяц сквозь деревья
Светит мягко, нежно.

Тень перечеркнула
Санную дорогу...
Тихо мать вздохнула,
Помолившись Богу...

Лицемеры

В поклоне сторбил спину
У церкви старый клён.
Колокола покинув,
Плывёт вечерний звон.

И, звук услышав медный,
Скорбит душа твоя.
Не вынести ей, бедной,
Двойного бытия.

Ей жить нельзя без веры.
И слышно по Руси,
Как шепчут лицемеры:
«Прости, Господь, спаси...»

Они бормочут глухо,
А в церкви – наперёд,
Расталкивая брюхом
Ограбленный народ.

Прощение не купишь,
Не рынок здесь, а храм.
Грехи списать? Вот, кукиш!
Сказали ж: «Аз воздам...»

При власти? Да речистый?
Нет. Богу тот хорош,
Кто молча, сердцем чистый,
Отдаст последний грош.

Читают хором «Отче...»
Богатый, бедный люд;
Крестьянин, врач, рабочий,
Студент, учитель тут.

И добрые, и хамы –
Да-а-а, всех не перечешь...
В России строят храмы
И в этом что-то есть.

Хандра

Смотрю я в ночь сквозь сетку тюля...
Стихи писать желанья нет.
Мне звёзды дружно подмигнули:
«Ты быстро выдохся, поэт.

Попутал что ль тебя лукавый?»
А месяц ухмыльнулся вдруг:
«Ему почёта надо, славы.
То всё – посмертно. Слушай друг,

Ты многое успел увидеть
И с чувством людям передать.
С тобою стали ненавидеть,
Любить, смеяться и страдать.

Душою рвался вглубь ли, ввысь ли –
Переживал. Тебя несло.
Сумел свои оформить мысли,
А слово холодило, жгло.

Творец и раб ты. Жить иначе
Не сможешь. Лень гони же прочь!
Пусть сердце радуется, плачет
И день и ночь. И день и ночь.

Так что ж сидишь и тлеешь паклей,
Покоя жаждешь для души?
Сгори! Отдай себя до капли!
Иль вовсе слова не пиши».

Летний вечер в деревне

Солнце низко повисло над садом,
Словно снег с тополей – белый пух.
Разномастное тянется стадо.
Следом Прошка шагает, пастух.

«Малый странный, – судачили люди, –
Больно тих, ну, а так – ничего.
И скотину он вроде бы любит,
И она понимает его».

Кнут ползёт за спиной змейкой длинной.
Рядом лаечка, хвост крендельком.
Запах пыли чуть горький, полынный,
А от стада – парным молоком.

Зорьки, Милки, Пеструшки да Майки
Входят важно в деревню гуськом.
И встречают кормилиц хозяйки
Словом ласковым, хлеба куском.

О ведро мелодично, степенно
Молоко струйкой тонкою бьёт,
Поднимается шапкою пенной.
Рядом кошка мурлыкает, ждёт.

Час-другой – всё вокруг затихает.
Только в роще поёт соловей,
Да Бурёнка в сарае вздыхает.
Просто так или снится что ей?

А с утра-спозаранку объявит
Новый день голосистый петух.
Пропоёт свою песню, прославит
Солнце, лето и бархатный луг.

Не спится...

Ночь уже давно, а мне не спится,
Вышел на крылечко покурить,
Сторонясь скрипучей половицы -
В доме никого б не разбудить.

Затянулся сигаретой «Прима»,
Прислонившись к косяку спиной.
У порога тонкая рябина
Мне махнула веткою – рукой.

Из-за туч луна едва лишь светит,
Бок просунув бледно-голубой.
Пробежал по листьям лёгкий ветер,
Словно поздоровался со мной.

Вот и дождь засеял мелкий, дружный –
По земле, по крыше он шумит,
Видимо, ему об очень нужном
Хочется со мной поговорить.

Слушал я, а воздух чистый, свежий,
Чуть пьянящий, заполнял мне грудь.
Этот дождь и грусть, и ночи нежность
Вспомню я ещё когда-нибудь...

Лозовка

Лозовка, когда-то большое селенье,
А нынче посмотришь – беда.
Ни церкви, ни клуба, дворов запустенье:
Крапива, лопух, лебеда.

Я отроком был, помню, День молодёжи.
Народу-у-у! Гармонь, пляска, смех.
Сегодня болеет село безнадёжно,
Причины уж нет для потех.

Старее оно. Поубыло веселья,
Избушки-то только на слом,
А если кто справит своё новоселье,
И то – по соседству с селом.

Ведёт через поле дорожка к погосту,
Где тишь да прохладная тень,
Где нет монументов – всё скромно и просто:
Оградки, могилы, сирень,

Берёзы – свидетели скорбной разлуки.
И здесь всё покорно судьбе.
Кресты, словно к небу воздетые руки,
В неведомой людям мольбе.

Чуть-чуть в стороне бугорок сиротливый
И нет ни креста, ни венков,
Глядят из травы виновато, стыдливо
Глаза полевых васильков.

Чей прах захоронен – никто уж не знает.
Стар? Молод? – Сгубила беда...
Так время безжалостно память стирает
На веки веков. Навсегда.

Стынут хмурые чащи...

Стынут хмурые чащи
И желтеющий дол.
Я погнался за счастьем,
Только горечь нашёл.

Осень – тётка седая,
Затаилась в пруду.
Без тебя пропадаю
И с тобой пропаду.

Ничего уж не надо,
А закат догорит,
Месяц тихой лампадой
Будет тлеть до зари.

За окошком осенняя стужа

За окошком осенняя стужа,
То ли снег, то ли дождь – всё равно.
Прогорело в печи, стынет ужин,
На столе сигареты, вино.

Знать не знал, что покой свой нарушу.
Больно мне. Нинка, ты не права.
Обожгла, опалила мне душу,
Словно пламя сухие дрова.

Позвала за собой, покорила
Красотою своей неземной,
А потом... а потом говорила:
Не любила, играла со мной.

Пусть твердят, не одна, мол, такая,
Есть другие, её позабуди.
Только сердце забыть не желает,
И тоска давит камнем на грудь.

Пью вино, и молчать нету мочи.
Эй, тоска, отпусти, отвяжись!
Взял гармонь да запел среди ночи
Про свою непутёвую жизнь.

И зашла от рыданий гармошка –
Мне подруги верней не найти...
Груша веткой стучится в окошко:
Всё пройдёт, говорит, не грусти.

В окна смотрятся сумерки синие

В окна смотрятся сумерки синие.
День растаял, ушёл в никуда.
Над берёзой, седою от инея,
Одинокая светит звезда.

В сердце грусть навевает нездешнюю
Та звезда за оконным стеклом, –
Моё счастье, святое и грешное,
С талым снегом давно утекло.

Сколько было судьбою отмерено,
Что могло мою душу согреть,
Порастрчено и растеряно, –
Всё прошло, как весенняя цвет.

Бестолково мотался по свету я,
Грусть-тоску разогнать чтобы прочь ...
Жизнь моя, ты как песня неспетая,
Как холодная долгая ночь.

И когда-нибудь в сумерки синие
Сгину я, пропаду навсегда ...
Над берёзой, седою от инея,
Кроткой свечкой зажжётся звезда.

Расплата за «Расплату»

Очерк о творчестве Александра Стрыгина

Человек с советской биографией

Александр Васильевич Стрыгин, автор всесоюзно известного романа «Расплата», появился на свет 14 августа 1920 года в селе Беломестная Криуша, что близ Тамбова. После окончания школы учился в военном училище, стал воентехником, ушёл на фронт. Воевал героически, участвовал в освобождении Белоруссии, удостоен двух боевых орденов и многих медалей. Был тяжело ранен и уволен в запас инвалидом. В послевоенные годы работал в школе военруком, художником-оформителем, воспитателем детского дома, журналистом.

Первая книжка его рассказов «В пути» вышла в Тамбове в 1950 году. Через четыре года со второй книгой «Простые люди» Стрыгин поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, который с отличием окончил в 1959 году и был принят в Союз писателей СССР.

Александр Васильевич восемь лет подряд с самого её основания в 1960 году возглавлял Тамбовскую писательскую организацию, которая первой в СССР стала проводить масштабные недели поэзии с приглашением ведущих советских поэтов.

Главная книга

В 1962 году Стрыгин вышел к читателям с романом «Расплата», выдержавшим несколько переизданий, в том числе и трёхмиллионным тиражом в «Роман-газете». Яркое и масштабное произведение повествует о событиях Антоновского восстания на Тамбовщине в 20-х годах прошлого века. Нисколько не щадя читателя, во всю мощь своего литературного дарования, Александр Васильевич живописует то страшное время жёстко, беспощадно, порой просто заливая страницы своей книги кровью, потом и самогоном. Впрочем, как многие не так давно, в 90-е годы «эпохи гласности» узнали – на самом деле всё было ещё страшнее...

Могу судить об этом лично, по рассказам своих родных бабушек – обе они были очевидцами таких жутких событий, что непонятно, как смогла выдержать тогда их детская психика.

«Вон тама, на заднем дворе, напроть саду комбедовцев штыками покололи и в бурьян кинули. Ох, и кричали криком они... Пощадить просили... Так страш-

но мне было. Я к мамке прижалась и дрожу вся. А хоронить их не велели. Так и лежали, пока с Тамбову войска не пришли, – рассказывала мне моя баба Шура из села Пановы Кусты Сампурского района. – Как пушками по ним грохнуть! Они на лошадей – и врассыпную. А кто не успел убежать, того поймали и у церкви на другой день постреляли. А зимой наши мужики с дальнего оврага пришли и всех опять кого повололи, кого из винтовки, а кого в прорубь...»

«У нас сперва Карась атаман прошёл, побил ихних много. А потом красные с тачанками вернулись... Корову у соседей забрали и зарезали. Говорят, куда вам три? Буржуи вы? Мясо у речки в котле большом варили, а чего им лишнее было, всем так раздавали. Мне требуху дали, я домой принесла, а отец испугался, неси, говорит, на задворки кинь, чтоб только не видал никто», – вспоминала баба Лида из села Карякино Мордовского района...

Разумеется, советский писатель Стрыгин оценивал роль Антоновского восстания в нашей истории совершенно однозначно – с позиций убеждённого большевика и никак иначе. Все «красные» герои его романа – «белые и пушистые» борцы за пролетарскую справедливость, а бойцы тамбовского ополчения – исключительно кровавые бандиты, садисты и моральные уроды.

А как иначе мог бы писать в начале 60-х в СССР официальный советский литератор? Не знаю... Вот типичная рецензия на стрыгинскую «Расплату» в изданиях тех лет: «В глухом этом краю свила гнездо эсеровская контрреволюция. Крикливые лозунги эсеров обманули крестьян, толкнули на сторону кулаков – ярых врагов Советской власти. Одна за другой возникали в сёлах кулацкие банды. В самую гущу полных драматизма событий вводит нас Стрыгин. Его герои – сельские большевики – несут крестьянам ленинскую правду, разоблачают перед ними подлые замыслы эсеров и бьются насмерть, в первых рядах, с кулацкими бандами предателя Антонова, бьются за хлеб для голодающей Республики, за Советскую власть на Тамбовщине.

По страницам романа проходят образы видных деятелей нашей партии: Антонова-Овсеенко, Подбельского, Чичканова, Васильева. Не менее ярко нарисованы образы озверевших в своей ненависти врагов, которых неминуемо постигает расплата...»

Книга «Расплата» быстро стала широко известной не только в СССР, но и за рубежом. К Стрыгину пришла настоящая всесоюзная слава. Его стали часто приглашать в Москву на всяческие писательские съезды, конференции и прочие официальные мероприятия. О его творчестве с большим уважением отзывался сам Михаил Шолохов.

Человек слаб. Александру Васильевичу, по свидетельству очевидцев, эта слава больше чем нравилась, он просто упивался своей известностью и популярностью. По своему роману писатель создал спектакль «Колосья в крови», который многие годы успешно шёл на сцене тамбовского и других театров страны. За свои произведения Стрыгин был награждён орденом «Знак Почёта».

Расплата за «Расплату»

В 1972 году писатель уехал в Краснодар, где продолжал работать: издал романы «Тёрны», «У порога», несколько документальных повестей. Ежегодно он приезжал в Тамбов, выступал перед читателями в городах и районах области. На материале родных тамбовских мест были созданы книги: «Твердь земная», «Мои земляки».

Но за всё в жизни нужно платить. За данный богом талант, так некрасиво потраченный на обслуживание несправедливой власти, тем паче. С началом горбачёвской «перестройки и гласности», когда стали открываться секретные архивы, появились альтернативные научные работы и публикации и народ стал узнавать о сотнях тысяч невинных жертв большевистского террора, отношение к творчеству Стрыгина неизбежно сильно поменялось. Он, будучи человеком по большому счёту порядочным, очень переживал. «Я ведь и сам не знал тогда всего. Ни о массовых расстрелах, ни о том, что большевики газы применяли, ни о концлагерях. Всё было так засекречено...», – пытался оправдаться он перед собеседниками.

Лукавил старик. Ох, как лукавил! Пусть не обо всём, но, конечно, знал! Ведь в 60-е годы, чтобы хоть чуть объективнее написать об «антоновщине», совсем не нужно было протирать штаны в архивах. Были ещё живы сотни очевидцев тех кровавых событий! «Засекреченные» концлагеря? Моя прабабушка с двумя малолетними детьми на руках – моей восьмилетней бабушкой Шурой и её сестрой – месяц просидели у большевиков в заложниках в концлагере под Сампуром! Спаслись чудом – за день до перевода партии по этапу в Тамбов их как-то смогла «отмазать» и вытащить жена начальника лагеря – подруга детства прабабушки...

А писатель Стрыгин... Судьба его, конечно, наказала. Он никак не остался в истории Тамбовщины тем, кем мог бы остаться соразмерно своему литературному таланту. Да, ему, справедливости ради, открыли памятную доску на доме, где жил, но...

Он ещё продолжал публиковаться, уже в конце 90-х немного снова приободрился, несколько раз приезжал в Тамбов, встречался с коллегами по цеху. Мне тоже довелось с ним несколько раз пообщаться и выпить по рюмке чая. О чём говорили? Да, ни о чём серьёзном... Не об «антоновщине», так... В свой последний приезд в 1998 году старик был непонятно весел, много шутил, балагурил. Мне подписал на память несколько своих книг. Хорошо посидели в кафе «Кондитерское», что на Чичканова...

Умер Александр Васильевич Стрыгин в 1999 году. Похоронен в Краснодаре.

Альберт ЗВЕРЕВ,
журналист

«Догорает в камине бревно...»:

Лекция о метафоре органичной и неорганичной

Теории метафоры и её системному описанию посвящены многочисленные научные исследования. Она давно перестала восприниматься только как языковое явление, троп, художественный приём. Современные исследователи подчёркивают её связь с глубинными механизмами и процессами объективной и субъективной действительности.

Языковая картина мира, когда-то воспринимавшегося человеком через чувственно-конкретные образы, уже выйдя за рамки мифологической стадии мышления, сохранила в себе черты первобытного, непосредственного, зачастую интуитивного понимания явлений и сущностей.

Одно из первых определений метафоры принадлежит Аристотелю. В трактате «Поэтика» он пишет: «Метафора есть перенесение необычного имени с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии... Благородное и свободное от тривиальности выражение есть то, которое пользуется необычными словами. А необычным я называю глоссу, метафору, удлинение и всё уклоняющееся от общеупотребительного. Должно как-то перемешивать эти выражения». Иначе, согласно его размышлениям, получится «или загадка» (при метафорической перенасыщенности) «или варваризм» (в случае чрезмерного употребления глосс). «Всего важнее быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять от другого: это – признак таланта, потому что слагать хорошо метафоры – значит подмечать сходство (в природе), – пишет Аристотель (в главе «О языке трагедии»). Метафоричность как мера истинной художественности произведения, его состоятельности, таким образом, пришла к нам из античности.

О метафоре много рассуждали её «законные творцы и носители»: художники. В работе «Две метафоры» Хосе Ортега-и-Гассет делает попытку проникновения в механизмы научного и художественного мышления, описывая процесс первичного возникновения метафоры: «...Метафора имеет в науке два разных употребления. Когда учёный открывает дотоле неизвестное явление, то есть, когда он создаёт новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, учёный выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» (Теория метафоры 1990: 69). Далее он традиционно соотносит метафору с

«переносом названия» и, на основе двух данных определений, делает вывод о том, что «...Метафора служит не только наименованию, но и мышлению. Это вторая функция метафоры. Это не только средство выражения, но и орудие мышления» (Теория метафоры 1990: 70).

Метафора как черта мышления ребёнка, художника, «будущего человека» также неоднократно становилась предметом отдельного исследования. В частности, Н.Д. Арутюнова соотносит метафору с «лексикой невидимых миров», принципом её работы исследователь считает «категориальный сдвиг», волю творца к противоборству (Теория метафоры 1990: 9-10).

Действительно, художественное и научное открытие свершается только в процессе переосмысления старого, что в большинстве случаев приводит к реорганизации этого уже известного, традиционного путём полного или частичного отрицания, разрушения, ломки и следующих за тем перестройки, обновления, создания качественно нового. Художник рождается на свет со своей уникальной гиперзадачей: дать новое, иное. Это новое выражается через его язык, слово, но не сводится к формальному экспериментаторству. Метафора – это способ борьбы с косностью мышления, это всегда вызов, противоборство, свершающееся на уровне идей.

Такую точку зрения подтверждают сами художники:

«Всё, что угодно, лишь бы не смотреть на одну и ту же картину. Светоч поэта – противоборство» (Гарсиа Лорка 1986: 412);

«...чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное...» (Гоголь 1984: 144); «...Не то на свете дивно устроено: весёлое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда бог знает что взбредёт в голову...» (Гоголь 1984: 68).

Об иллюзорности и эфемерности действительного, вернее, мыслимого нами как действительный, мира и вытекающем отсюда выводе об обманчивости всякой метафоры писал Ф. Ницше: «... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах, на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям...» (Ницше 1912: 369).

Глобальной проблемой начинающих стихотворцев становится неорганичная метафора, напоминающая чудовищный эксперимент по сращению свёклы и черёмухи. Неорганичная метафора – это искусственно сконструированная структура Признаки неорганичной метафоры:

– непредставимость (образ нельзя «увидеть», «нарисовать»): «Перечеркну пером твоей улыбки копать...»; «Но наши крылья поломаны – лестницами, чердаками // Чёрной печатью домыслов и проблем...»;

– разнородность (смысловая, стилистическая): «С касанием луча всё оживает, **Да видится** нам в радужных тонах // И свежий **импульс** все росточки воскрешает, // И жизнь дарует нам отрадный **шанс**...»

– анахроничность: «Догорает в камине бревно...», «И слёзы покатались на жабо...»; «Я наполню фужеры бургундским вином, // И велю оседлать вороного

коня, // И я буду с тобой говорить об одном // До тех пор, пока ты не полюбишь меня...»);

– разнонаправленность и несогласованность (метафоры «уводят» в разные области, не выстраиваются в единый образ, не вписываются в общий смысловой ряд, единое поле): «В голове целый день дожди, // А на сердце – холодный камень, // Я сижу, как пёс на цепи, // И погас первородный пламень...» (Плохая рифма в одной паре строк и её отсутствие во второй дополняются несоединимыми метафорами из четырёх разных сфер: погодной, природно-тактильной, анималистической, мифологической).

Теперь посмотрим на примеры виртуозно выстроенной мотивированной метафоры в стихотворении «Звёзды летом» Бориса Пастернака:

*...Рассказали страшное,
Дали точный адрес.
Оттирают, спрашивают,
Двигутся, как в театре.
Тишина, ты - лучшее
Из всего, что слышал.
Некоторых мучает,
Что летают мыши.
Июльской ночью слободы –
Чудно белокуры.
Небо в бездне поводов,
Чтоб набедокурить.
Блещут, дышат радостью,
Обдают сияньем,
На каком-то градусе
И меридиане.
Ветер розу пробует
Приподнять по просьбе
Губ, волос и обуви,
Подолов и прозвищ.
Газовые, жаркие,
Осыпают в гравий
Всё, что им нашаркали,
Всё, что наиграли.*

Кажущаяся неорганичность образного ряда («губ, волос и обуви, подолов и прозвищ») преодолевается догадкой: ветер вступает в сговор со всем сущим, переворачивая весь предметный мир, где каждая деталь – от лепестка розы до подола платья готова взметнуться, измениться, прийти в движение. Пастернак рисует ритмы молодости, пишет воздух, наполненный предощущением счастья.

В 1980-е годы поэт К. Кедров предложил термин «метаметафора». Образ, замкнутый во внутренней форме слова, высвобождает первозданную внутреннюю

энергию. Метафористы предлагают отказаться от готовых словесных формул и дать себе труд как бы впервые заново поименовать предметы окружающего мира. Приведём в пример несколько метафор Алексея Парщикова: «Я знал, что речка, как ночной вагон, // Зимой сходит с рельс и дребезжит...». «Бездна снуёт меж вещами, как бешеные соболя...» – метафора струящегося пространства, неизмеримости бытия, которую до конца невозможно почувствовать, но можно передать через ощущение искрящегося, бьющего током движения. Одни метафоры выглядят свежо, другие продолжают мифологические древние мотивы, как, например, метафора прорастания в стихотворении Константина Кедрова:

*я расту из космоса внутрь
корни-звёзды сосуды-крона
замыкает вселенский круг
мозг-земли и неба корона*

*я расту из себя в себя
обрастая листьями мысли
и сияет светом сия
осиянная крона выси
древо жизни и древо мысли
прорастают в моём саду
осыпаются мысли листья
я по ним в бессмертье иду*

Подведём итог. Метафорическая выразительность текста не создаётся искусственно. Более продуктивен путь ВОСПОМИНАНИЯ, ВОССТАНОВЛЕНИЯ первородных связей между человеком и космосом. Метафора – это знак бессмертия памяти, тонкая и одновременно прочная нить, сшивающая земное и небесное пространства.

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. – М., 2022.
2. Гарсиа Лорка, Ф. Избранные произведения в 2-х т. Т.1. – М., 1986.
3. Гоголь, Н.В. Собр. соч.: В 8-ми т. – М., 1984.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург, 2004.
5. Ницше, Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле. – Ницше, Ф. Полн. собр. соч., т. 1. – М., 1912.
6. Телия, В. Н. Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
7. Теория метафоры / Вст. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой / – М., 1990.

Мария ЗНОБИЩЕВА,
поэт, кандидат филологических наук

Авторы

Дорожкина Валентина Тихоновна - поэт, прозаик, литературовед. Родилась в 1939 г. в Мичуринске. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ. Работала ст. редактором в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии». Лауреат литературных премий: имени Е.А. Баратынского, Зои Космодемьянской, издателя И.Г. Рахманинова, первого редактора «Тамбовской правды» И.А. Гаврилова. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин г. Тамбова. Награждена орденом Дружбы, медалями «К 100-летию М.А. Шолохова» и «Шукин». С 1985 г. руководит детским литературно-творческим объединением «Тропинка». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Унгерова (Джурович) Наталья Александровна – поэт. Родилась в Москве, детство провела в селе 1-ая Иноковка Тамбовской области. В 2009 г. закончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. По окончании университета переехала в Черногорию, автор и преподаватель курса русского языка для сербов. Переводчик с сербского языка на русский. Постоянный переводчик сайта <http://studenicainfo.rs/> Книги: «Нескончаемое лето», «Крестonosная Румия/ Румија крстonosна» (автор и переводчик), «Двуречие». Публиковалась в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Гостинный дворъ», «Подъём», «Волга 21 век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Лауреат конкурса им. Григорьева.

Чистякова Елена Викторовна – прозаик, баснописец, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южно-русского говора. Автор книги повестей «Житейские истории», серии книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современных басен», автобиографической повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов издательства «Художественная литература» (г. Москва). Член Союза писателей России.

Соколов Сергей Владимирович – поэт. Родился в г. Боброве Воронежской обл. в 1958 году. Окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Проходил службу на атомных подводных крейсерах Северного и Тихоокеанского флотов. Капитан 2 ранга. Работал преподавателем в школе. Литературой занимается с 2008 года. Автор книг стихов и прозы: «Гусиная заря», «Моя Россия», «Карасик золотой», «Сонькины сказки», «Авокадо». Печатался в журналах и альманахах Липецка, Воронежа, Тамбова Лауреат межрегиональных и всероссийских фестивалей авторской песни в номинации «Поэзия» Обладатель гран-при Бунинского фестиваля авторской песни и литературы малых форм.

Шмырев Николай Леонидович – поэт. Родился в 1952 году в с. Вязовое Жердевского района Тамбовской области. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова по специальности «экономист». Работал на производстве, в строительстве. Заслуженный строитель России. Избирался депутатом Тамбовской городской Думы и Тамбовской областной Думы. Имеет государственные награды. Автор трех поэтических сборников, скоро выйдет четвёртая книга стихов.

Альберт Зверев – журналист. Родился в 1968 г. в Сибири. Отслужил в армии, окончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического инсти-

туда. В журналистике с 1988 г. Работал редактором газеты «Тамбовские губернские ведомости», заместителем редактора газеты «Тамбовская жизнь», на телевидении. Автор книг: «Очерки тамбовской областной ветеранской организации», «Генерал Виктор Коробцев» и др. Член Союза журналистов России.

Борода Елена Викторовна (Владимирова) – филолог, писатель, литературный критик, доктор филологии (2011), доцент ТГУ им. Г.Р. Державина. Автор повестей для подростков (издательства «Эксмо», «Аквилегия-М», «Речь», «КомпасГид»). Лауреат Международной премии В.П. Крапивина (2011), финалист премии Книгуру (2018). Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Русская словесность», «Октябрь», «Библиотека в школе» и др. Выступает официальным оппонентом к докторским диссертациям по проблематике детской литературы в ведущих вузах России (МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН). Член экспертного совета по программе возрождения традиции детского чтения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Александр Сигида – поэт, публицист, член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в 1963 г. Лауреат литературных премий им. Михаила Матусовского, Владимира Гринчукова и «Молодой гвардии». Лауреат литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. Куприна (2022). Руководитель проекта «Территория слова». Живёт в Молодогвардейск-Атамановка, ЛНР.

Фалена Лысакова (Дарина Лысакова) – поэт, прозаик (магический реализм, фантастика). Образование высшее (русская филология, графический дизайн). Художник и арт-директор в детском издательстве. Побеждала в литературных конкурсах. Публиковалась в сборниках и альманахах, авторский сборник прозы «Волк» (изд. «Шико», 2008), роман-тетралогия «Когда дьяволы придут пить твою кровь» (изд. «Рипол-классик, Т8-руграм», 2021), публикация в сборнике «#Живи, Донбасс» (изд. «Яуза», 2019.) и «#Донбасс Живет» (изд-во «Acta Diurna», 2021) Путевые заметки странника по мирам» (повесть с иллюстрациями, издано по президентской стипендии для творческих союзов, 2022). Член Союза писателей ДНР (2018).

Перезов Юрий Николаевич – участник ЛитО «Радуга» при Тамбовском отделении Союза писателей России. Родился в 1940 году в д. Васильчуковке (Николаевке) Инжавинского района Тамбовской области. Окончил Тамбовскую Советско-партийную школу и Высшую партийную школу при ЦК КПСС в г. Москве (заочно). Занимался комсомольской, партийной и профсоюзной работой. Стихи и рассказы опубликованы в журналах «Свет» (Москва) и «Литературный Тамбов», в альманахах «Сияние сердец», «Радуга над Цной», в местных газетах. В 2015 году издал сборник «Добро по кругу».

Баюканский Валентин Анатольевич – писатель, журналист. Автор произведений мистического и фантастического характера. Изданы книги: «Прогулки в закоулки», «И вновь прогулки в закоулки», «Обруч Ангела», «Любимая из созвездия Козерога». Автор более 800 публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей, член Международной академии русской словесности, председатель Липецкого правления общероссийского Союза писателей «Воинское содружество». Лауреат премии имени Е.И. Замятина. Награждён медалью «Во Славу Липецкой области».

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», долгое время был её главным редактором. Автор книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Время атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А.К. Воронского. Почётный гражданин Тамбовской области. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Начас Евстахий Ярославович – поэт, журналист, Родился в 1940 году в селе Ярчевцы Тернопольской области (Украина). Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работал учителем в Красноярском крае, главным редактором областной газеты «Наедине». Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры России, лауреат областных литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Поздняков Михаил Павлович – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Родился в 1951 г. в д. Забродье Могилёвской области. Окончил БГУ, работал учителем, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва». Автор более 100 книг. Перевел на белорусский язык многие романы и повести классиков зарубежной литературы. Лауреат литературных премий, в т.ч., Национальной литературной премии Беларуси, международных премий им. В. Бианки (Москва), им. И. Григорьева (С.-Петербург), им. Н. Гоголя, им. Б. Хмельницкого (Украина), им. А. де Сент-Экзюпери (Париж), Ф. Петрарки (Рим), им. Г. Бёля (Германия). Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, председатель общества дружбы Беларусь - Россия Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства.

Иван Асвальд – студент факультета изобразительного и декоративно-прикладного искусства Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Иван состоит в Клубе исторической реконструкции Сан Варинг (Sann Varing). Клуб занимается реконструкцией варяжской дружины второй половины X века регионов, которые попали под серьёзное влияние скандинавской культуры. Публиковался в газете Академии Матусовского «Камертон».

Ковальчук Юрий Сергеевич (1983-2021) – журналист, военный корреспондент. Участник ополчения г. Краматорска. Родился и жил в г. Новая Каховка Херсонской области. В 2014 г. приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР. В 2017 г. попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодонском районе. Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе. Публиковался в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», журналах «Александръ», «Северо-Муйские огни», альманахах «Территория слова», «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019-21). Лауреат литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

Абросимов Владимир – поэт. Родился в 1954 г. в дер. Чернавка Токаревского района Тамбовской области. Окончил мореходную школу ВМФ (г. Кронштадт) по специальности судового электрика. Служил на Северном флоте. Жил в Северодвинске, работал на судне бортового размагничивания. В 1978 г. вернулся на Тамбовщину. Закончил заочно Кирсановский совхоз-техникум, работал в колхозе «Россия». В 1992 г. образовал КФХ, выращивал зерновые и технические культуры. Изданы книги: «Я какой-то окаянный» (2002), «Своя колея» (2007) и «Дыхание земли» (2014). Публиковался в журналах: «Новый мир», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «Александр»; в сборнике участников Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» (Москва, 2015), в сборнике поэтов Тамбовской области «Моя малая родина» (2017).

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии журнала «Наши современники» им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С.Я. Маршака г. Тамбова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Краскова Ольга Вадимовна – художник. Родилась в Волгограде, закончила художественное училище им. К.А. Савицкого в Пензе. На её счету множество областных, зональных, всероссийских и международных выставок, в том числе, 10 персональных выставок, Картины О.В. Красковой хранятся собрания Тамбовской и Липецкой областных картинных галерей, в Лебедянском краеведческом музее, в Курском выставочном зале «Звёздный». Член Союза художников России.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИГРАФ

Мария Знобищева. Заклинание. *Стихи* 3

ПРОЗА

Елена Чистякова. Сага о деревеньке Выселки. *Повесть* 22

Елена Борода. Чёрное/белое. *Рассказ* 92

Валерий Аршанский. Кайра, Айна, Виолетта. *Рассказ*..... 165

ПОЭЗИЯ

Наталия Унгерова. Привези мне яблок подмороженных. *Стихи* 11

Сергей Соколов. Под парусом кленового листа. *Стихи* 69

Николай Шмырёв. Я мысли выпускаю. Словно птицы Они летят, вы не
стреляйте в них... *Стихи*..... 75

Евстахий Начас. «Жила и жить веками будет Русь...»! *Стихи*..... 185

ДОНБАСС

Александр Сигида. Из цикла «Вместо репортажа». *Стихи* 107

Фалена Лысакова. Фарфоровый ангел. *Стихи*.....111

Иван Асвальд. «Записки у блиндажа». *Фронтной дневник*..... 195

Юрий Ковальчук. Знает только ковыль. *Новелла* 201

ИМЕНА

Валентина Дорожкаина. Пробуждение души: первая встреча с музыкой
С.В. Рахманинова. *Очерк* 4

Альберт Зверев. Он вышел рано. До звезды... *Очерк о Евгении Харланове* 84

ИСТОРИЯ

Юрий Перевозов. Свидетель ушедшей эпохи. *Дневник современника*..... 120

ЮБИЛЕЙ

Валентин Баюканский. Он таков, Кочуков! *Впечатление от посещения
литературных встреч под Лысой Горой* 160

СОДРУЖЕСТВО

Михаил Поздняков. Две сестры – Беларусь и Россия. *Стихи* 189

НОВЫЕ ЛИЦА

Владимир Абросимов. С добрым утром, Восток златотканый! *Стихи*..... 205

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

Альберт Зверев. Расплата за «Расплату». *Очерк о творчестве
Александра Стрыгина* 217

АКАДЕМИЯ ПОЭЗИИ

Мария Знобищева. «Догорает в камине бревно...». *Лекция о метафоре органичной и неорганичной*..... 220

ГАЛЕРЕЯ

Живопись Красковой Ольги Вадимовны..... 156

АВТОРЫ..... 224

Тамбовский альманах № 24

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Олег АЛЁШИН
Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталья ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Александра НИКОЛАЕВА
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА

Корректор
М.И. ДУБРОВИНА

Вёрстка
Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6049303-0-4

ISBN 978-5-6049303-0-4

Формат 70x100 1/16
Бумага *tu print*. Печать цифровая
гарнитура *Minion Pro*. Печ. л. 18.69
Тираж 400 Заказ № 54
Студия печати Галины Золотовой
studiapechati@bk.ru
8 953 715 48 36